

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА  
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

**Ван Шоин**

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА’ В  
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

**ДИССЕРТАЦИЯ**

на соискание ученой степени кандидата  
филологических наук

Научный руководитель:  
кандидат филологических наук  
доцент Л.А.Жданова

Москва – 2024

## ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	15
1.1. Обзор лингвистических исследований, посвященных лексике со значением ‘возраст человека’ .....	15
1.2. Социокультурная обусловленность параметра ‘возраст человека’ и ее отражение в лингвистических исследования .....	35
1.3. Основные лингвистические термины, используемые в работе.....	45
1.4. История изучения актуальных процессов в русской лексике .....	55
1.5. Краткая характеристика словарей, использованных в работе.....	63
1.6. Выводы .....	68
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА’ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА .....	70
2.1. Общая характеристика семантического поля ‘возраст человека’ в русском языке .....	70
2.1.1. Слово <i>возраст</i> как репрезентация категоризирующего признака: семантическая структура, внутренняя форма, деривационные связи .....	72
2.1.2. Состав и структура семантического поля ‘возраст человека’ .....	75
2.1.3. Основные виды номинаций человека и совокупности людей по признаку ‘возраст’ .....	82
2.2. Лексика со значением ‘возраст человека’ в «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой.....	85
2.3. Лексические единицы семантического поля ‘возраст человека’ по данным толковых словарей русского языка.....	90
2.4. Фразеологизмы в составе семантического поля ‘возраст человека’ .....	94
2.4.1. Фразеологизмы со словом <i>возраст</i> , обозначающие человека и социальную группу .....	94

2.4.2. Фразеологизмы со значением ‘возраст человека’: отражение традиционных возрастных норм, противопоставление календарного и психологического возраста .....	98
2.4.3. Лингвокультурная специфика русских номинаций возраста человека (на фоне китайского языка).....	107
2.5. Выводы .....	112
ГЛАВА 3. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ‘ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА’ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА) .....	114
3.1. Изменения в семантике и прагматике единиц поля, направленные на эвфемизацию старшего возрастного периода .....	114
3.1.1. Сочетания со словом <i>возраст</i> : <i>в возрасте, среднего возраста, преклонного / старшего / пожилого возраста</i> и пр. ....	114
3.1.2. Семантические дериваты <i>возраст</i> и <i>возрастной</i> ( <i>возраст</i> в значении ‘пожилой возраст’ и <i>возрастной</i> в значении ‘пожилой’).....	118
3.1.3. Использование слова <i>ветеран</i> как эвфемистической номинации пожилого возраста.....	121
3.1.4. Значение и употребление слова <i>пенсия</i> и дериватов ( <i>пенсионер(-ка), предпенсионер, пенсионный</i> ) .....	126
3.1.5. Эвфемистическое использование других слов и фразеологизмов.....	135
3.2. Номинации со значением ‘поколение’ .....	143
3.2.1. Атрибутивные синтагмы со словом <i>поколение</i> .....	144
3.2.2. Фразеологизм <i>потерянное поколение</i> в современном употреблении .	147
3.2.3. Неологизмы-заимствования со значением ‘поколение’ ( <i>миллениалы, зумеры</i> и др.) .....	153
3.3. Заимствованные и словообразовательные неологизмы ( <i>эйджизм</i> и другие). «Цифровая модель».....	172
3.4. Динамика представлений о границах возрастных периодов (по данным публицистического дискурса).....	177
3.5. Выводы .....	180

ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	182
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК .....	187
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	210
ИСТОЧНИКИ .....	213
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	214

## ВВЕДЕНИЕ

Возраст является неотъемлемой характеристикой человека, связанной с естественным ходом времени, однако периодизацию возраста нельзя назвать в полной мере естественной, она социально и культурно обусловлена. Социально обусловленные представления о возрасте человека отражаются в культуре в качестве стереотипов, а в языке – в семантике и прагматике языковых единиц семантического поля ‘возраст человека’. Отдельные этапы возраста – детство, юность, молодость, зрелость, старость – воспринимаются в общественном сознании как значимые характеристики человека, влияют на его восприятие как члена общества, на осознание им собственного места в социуме, отношение к нему других членов коллектива, что находит свою фиксацию в языке.

Поскольку представления о возрасте социально обусловлены, они меняются вместе с изменениями в окружающем мире. Технический прогресс, достижения медицины и т. п. приводят к постепенному увеличению продолжительности человеческой жизни, что приводит к смещению границ возрастных периодов и трансформации возрастных стереотипов.

Лексика, обозначающая возраст, давно привлекает внимание лингвистов, работающих в русле антропоцентрической научной парадигмы, и является объектом значительного количества исследований. Русской лексике со значением ‘возраст человека’ посвящено большое количество лингвистических исследований, в том числе диссертационных. Значительная их часть выполнена в русле когнитивного подхода к анализу языка и посвящена описанию соответствующего фрагмента русской языковой картины мира, проводимому в том числе в сопоставительном аспекте, однако динамическому подходу в этих работах уделено недостаточно внимания. Номинации возраста человека и его принадлежности к той или иной возрастной группе быстро реагируют на изменения в окружающем мире, в связи с чем данные лингвистических исследований нуждаются в дополнении

и переосмыслении.

Возраст является значимой социальной характеристикой и предметом исследования в социальных науках (социологии, демографии, социальной психологии, культурологии, психологии и др.); это признак, на основании которого формируются социальные группы. Таким образом, номинации по возрасту становятся средством категоризации социального мира и должны изучаться в этом аспекте.

**Актуальность** работы связана, во-первых, с динамическим аспектом (исследуются актуальные процессы в русской речи, фиксируются новые явления в языке и речи, выявляется динамика «наивно-языковых» представлений о возрасте), во-вторых, с тем, что лексика, обозначающая возраст, рассматривается как средство категоризации социального мира, выявляются и анализируются (в том числе с помощью лингвистического эксперимента) номинации, которые говорящие используют для социальной самоидентификации.

**Объектом** исследования являются лексика и фразеология со значением 'возраст человека' в современном русском литературном языке и в современной речи.

**Предмет** исследования – структура семантического поля (далее – СП) 'возраст человека' в современном русском литературном языке, изменения в составе СП в первой четверти XXI века, современные употребления единиц СП, подвергшихся изменениям.

**Цель** работы заключается в описании структуры СП 'возраст человека', в выявлении изменений в составе СП, в семантике, прагматике, функционировании единиц СП на современном этапе развития русского языка, в выявлении средств, при помощи которых носители русского языка осуществляют категоризацию социального мира по признаку 'возраст', в описании соответствующего фрагмента русской языковой картины мира.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить и проанализировать основные лингвистические исследования, посвященные лексике и фразеологии со значением 'возраст человека', выявив базовые характеристики, уже отмеченные лингвистами.

2. Установить объем и структуру сематического поля 'возраст человека' в современном русском литературном языке, проанализировать семантику и прагматику ядерной единицы *возраст*, а также фразеологизмов, в состав которых она входит.

3. Рассмотреть лексикографическую фиксацию ряда единиц СП 'возраст человека' в основных толковых словарях русского языка конца XX века и начала XXI века.

4. Выявить основные способы номинации совокупностей людей по признаку 'возраст', проанализировать семантику и прагматику таких номинаций на материале современных словоупотреблений.

5. Выявить новые явления в составе СП и семантике его единиц, собрав и проанализировав контексты с современными словоупотреблениями, не отраженными в толковых словарях.

6. Провести лингвистический эксперимент для верификации наблюдений, полученных в результате анализа собранного корпуса контекстов.

**На защиту выносятся следующие положения.**

1. СП 'возраст человека' включает слова и фразеологизмы, имеющие в значениях сему 'возраст человека' и / или употребляющиеся в речи для указания на возраст человека. Слово *возраст* в основном значении (*возраст1*) является ядерной единицей поля – вербализацией категоризирующего признака.

Вместе со словом *возраст* в основном значении (*возраст1*) ядерную зону поля составляют дериват *возрастной* в основном значении (*возрастная психология*), существительные, называющие возрастные периоды (*детство, отрочество, юность* и др.), прилагательные, определяющие возрастные периоды (в основных значениях: *молодой, пожилой, старый* и др.), числительные, фиксирующие календарный возраст человека (*двадцатилетний, восьмидесятилетний* и др.). Остальные единицы в составе СП 'возраст человека' относятся к приядерной зоне и к зонам ближней, дальней и крайней периферии.

2. Актуальные изменения в СП 'возраст человека' затрагивают все зоны поля и касаются состава единиц, их семантики и прагматики. Состав СП пополняется активнее всего в зонах периферии за счет словообразовательных и заимствованных неологизмов (*предпенсионеры, миллениалы, антивозрастной, антиэйдж-терапия* и др.), семантических дериватов (*пенсионер* 'человек старшего возраста'), новых фразеологизмов (*возраст дожития, третий возраст, серебряный возраст, возраст элегантности*), фразеологизированных синтаксических конструкций с числительным (*шестьдесят плюс*). Ядерные единицы *возраст* и *возрастной* также подвергаются семантическим изменениям, связанным с эвфемизацией старшего возрастного периода (*возраст* в значении 'старость', *возрастной* в значении 'пожилой, старый').

3. Для русской языковой культуры значимо понятие возрастной нормы, несоблюдение которой оценивается отрицательно (*не по годам / не по летам, старая дева, великовозрастный*). Возрастная шкала в «наивно-языковой» картине мира коррелирует с оценочной шкалой: в зоне положительной оценки находится молодость, в противоположной зоне – старость, с молодостью как *лучшей порой жизни, которая еще впереди* или *уже позади*, соотносятся все остальные возрастные периоды (в том числе *детство* и *подростковый возраст*). Слова *молодой, молодость* в современных употреблениях могут

использоваться для выражения положительной оценки ('бодрый, активный': *продли свою молодость*), слова *старый, старость* воспринимаются как отрицательно оценочные и эвфемизируются, заменяются на нейтральные (*возрастной пациент*) или положительно коннотированные (*почтенный возраст, серебряная экономика* и др.).

4. В русской традиционной языковой культуре представлено различие календарного и психологического возрастов (*молод душой, сердцем не стареть*), возраст представлен как в линейной, так и в циклической модели времени (метафоры времен года: *осень жизни*, сопоставление старости и детства, младенчества: *впадать в детство, старый что малый*). В современных контекстах выделяются и другие виды возраста, признается возможность их несовпадения (ср.: *как питаться, чтобы оставаться молодым*), признается значимость внешнего восприятия (*выглядеть моложе, одежда молодит*). Ряд слов и фразеологизмов рассматриваемого семантического поля базируется на метафоре 'борьба, война' (*антивозрастной, победить / проиграть в борьбе с возрастом* и др.) и представляет ход линейного времени как обратимый (*омоложение организма, скинуть десять лет*).

5. Единицы СП 'возраст человека' социально обусловлены и отражают изменения в обществе, динамику представлений о членении возрастной шкалы, о возрастных нормах и возрастных стереотипах, закреплённых в «наивно-языковой» картине мира. Новые явления в СП 'возраст человека' демонстрируют изменение (в сторону увеличения) абсолютных границ возрастных периодов, изменение возрастных поведенческих норм и стереотипов, что вызывает речевую рефлексию носителей языка.

6. В большинстве случаев фразеологизмы, характеризующие возраст и людей по возрасту, по их возрастному поведению, имеют сниженную стилистическую окраску. Лексические и фразеологические единицы с высокой, книжной стилистической окраской представлены реже и связаны с

наименованием пожилого возраста. Современные словоупотребления номинаций представителей молодого поколения, напротив, часто демонстрируют отрицательную оценку (и самооценку): так, в современном детерминологизированном употреблении фразеологизм *потерянное поколение* в подавляющем большинстве случаев относится к молодому поколению, актуализирует оппозицию «отцы - дети», а атрибут *потерянное* становится отрицательно оценочным.

**Научная новизна** исследования состоит в том, что в нём:

- фиксируются актуальные изменения в составе СП ‘возраст человека’ и изменения «наивно-языковых» представлений о возрасте;
- производится комплексный анализ слов и фразеологизмов русского языка, обозначающих людей и совокупности людей по возрасту;
- лексика, обозначающая возраст, рассматривается с учетом социального, психологического и культурологического факторов – в аспекте возрастной (социальной) стратификации.

**Теоретическая значимость** диссертации состоит в том, что она:

- дополняет теорию поля разработкой структуры СП ‘возраст человека’;
- дополняет исследования СП ‘возраст человека’ в русском языке;
- расширяет научное представление о способах языкового выражения семантики возраста;
- доказывает социокультурную обусловленность параметра ‘возраст человека’ на современном языковом материале;
- выявляет динамику представлений о возрасте, закреплённую в единицах СП ‘возраст человека’ современного русского языка.
- вносит вклад в неологию, выявляет разные виды неологизмов (заимствования, словообразовательные и семантические дериваты), входящие в СП ‘возраст человека’, в том числе отсутствующие в словарях новых слов.

**Практическая ценность** диссертации связана с возможностью

использования её материалов в процессе дальнейшего исследования неологии и семантических полей русского языка, в первую очередь связанном с номинациями человека по разным основаниям. Результаты осуществленного исследования могут найти лингводидактическое применение в вузовских курсах русской лексикологии, фразеологии, стилистики текста, курсах и спецкурсах по социальной лингвистике, лингвопрагматике, лингвокультурологии и языковой динамике, в организации научно-исследовательской работы студентов по анализу языка и текста.

Исследование выполнено **на материале** Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), публикаций на медиаресурсах и словарей русского языка («Русский семантический словарь»<sup>1</sup>, «Фразеологический словарь русского литературного языка»<sup>2</sup>, «Новое в русской лексике»<sup>3</sup>, «Словарь русского языка» в 4-х томах<sup>4</sup>, «Толковый словарь русского языка»<sup>5</sup>, «Толковый словарь современного русского языка конца XX века»<sup>6</sup>, «БАС»<sup>7</sup>, «Активный словарь»<sup>8</sup>, «Новый словарь русского языка»<sup>9</sup>). Новые единицы в составе СП определяются относительно рубежа XX–XXI веков для русского литературного языка (без учета диалектной, жаргонной, просторечной лексики и фразеологии) с опорой на основные толковые словари, изданные в

---

<sup>1</sup> Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т., 4 тома / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2002–2007 (в тексте – с указанием номера тома).

<sup>2</sup> Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

<sup>3</sup> НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы (1977–2021): 24 выпуска. – М.: Русский язык; СПб.: Дмитрий Буланин; ИЛИ РАН, 1980–2021 (в тексте – с указанием года).

<sup>4</sup> Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999.

<sup>5</sup> Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

<sup>6</sup> Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складчиковой. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. Изд-во «Фолио-Пресс». СПб., 1998. – 700 с.

<sup>7</sup> БАС – Большой академический словарь русского языка: 27 томов / ИЛИ РАН; Гл. ред. К.С. Горбачевич – СПб, «Наука». 2004–2021. (в тексте – БАС с указанием номера тома).

<sup>8</sup> В. Ю. Апресян, Ю. Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева. Активный словарь русского языка: том 1 / под редакцией Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2014. — 404 с

<sup>9</sup> Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000.

конце XX века. Для определения «исходного» лексического состава СП взяты данные «Русского сематического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой, фразеологического состава – данные «Фразеологического словаря русского языка» А.И. Фёдорова (список лексических и фразеологических единиц, выбранных по этим словарям, дан в Приложении). При выявлении изменений в составе поля фокус исследовательского внимания направлен на новые единицы, так как устаревание лексики на выбранном небольшом временном отрезке (начало XXI века) вряд ли может быть достоверно установлено.

**Научно значимыми** для данного исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых XX – начала XXI века, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.Т. Ашхарава, А. Вежбицкая, О.Б. Волкоморова, Г.В. Гафарова, Е.В. Генералова, Л.И. Джамирова, Л.А. Жданова, Д.Г. Ищук, Д. Кацкова, Ю.Н. Караулов, Т.А. Кильдибекова, И.С. Кон, Л.Т. Костина, В.В. Красных, М.Н. Крылова, Н.В. Крючкова, Л.В. Лаврова, М.Г. Лебедько, А.Э. Левицкий, Ю.Ю. Литвиненко, А.С. Лишаева, В.И. Матвеев, А.А. Охалина, Н.А. Потаенко, Г.А. Путягин, Е.В. Рахилина, Н.В. Сороколетова, Е.А. Стальмахова, Р.И. Хашимов, П.А. Щербо, К.Н. Эркинбек, Ю.В. Яковлева, Е.С. Яковлева и других.

Диссертация выполнена в русле ономасиологического подхода, в ней для решения поставленных задач применяются различные **методы**.

- Описательный метод, объектом описания является лексикографическая фиксация и функционирование единиц СП ‘возраст человека’ в современной русской речи.
- Методы анализа и синтеза; структурно-семантический анализ языковых единиц с семантикой ‘возраст’.
- Метод компонентного анализа при рассмотрении единиц СП ‘возраст человека’.
- Метод контекстуального анализа, диктующий необходимость учёта контекста при рассмотрении языковых единиц.

- Функционально-семантический метод, позволяющий оценить семантику языковых единиц в их непосредственном функционировании в языке и речи.
- Метод корпусного исследования, позволяющий анализировать большие объёмы текстовой информации на основании корпусов текстов.
- Методики сплошной выборки и целенаправленного поиска при подборе языкового материала из Национального корпуса русского языка.
- Метод лингвистического эксперимента.
- Элементы количественного анализа, используемого при фиксации количества употребления языковых единиц и анализа результатов лингвистических опросов.

**Достоверность** результатов настоящей работы определяется использованием современных методов исследования, в том числе применением количественного анализа с верификацией результатов при помощи лингвистического эксперимента, большим объемом проанализированного материала, использованием авторитетной научной базы, привлечением современной научной литературы по теме диссертации.

**Апробация работы** проводилась в ходе докладов на международных молодёжных научных форумах «Ломоносов-2021» (г. Москва, МГУ, 12–23 апреля 2021 г.) и «Ломоносов-2022» (г. Москва, МГУ, 11–22 апреля 2022 г.). Материалы диссертации отражены в пяти статьях в научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Изложенную стратегию исследования отражает **структура** диссертации, которая включает введение, три главы и заключение.

Во введении разработан научный аппарат исследования.

В первой главе освещается история вопроса об изучении лексики с семантикой возраста и актуальных процессов в русском языке, раскрываются основные термины и понятия, используемые в работе.

Во второй главе представлена структура СП, а также семантический и лексикографический анализ единиц СП 'возраст человека', в том числе фразеологизмов.

В третьей главе на основе последовательного комплексного анализа функционирования единиц СП 'возраст человека' в современном русскоязычном публицистическом дискурсе выявляются актуальные изменения (новые явления) в составе, семантике, прагматике и функционировании единиц поля.

В заключении диссертации обобщаются результаты проведенного теоретического и практического исследования.

Библиография содержит 222 наименования, включающих научные работы российских и зарубежных авторов, а также список словарей и энциклопедий из 32 наименования. Приложение содержит словарные материалы: список слов с толкованиями, извлеченных из «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой, список фразеологизмов, извлеченных из «Словаря фразеологизмов русского языка» А.И. Фёдорова.

# ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

## 1.1. Обзор лингвистических исследований, посвященных лексике со значением ‘возраст человека’

Изучение возраста как значимой характеристики человека активизировалось с формированием в науке антропоцентрического подхода, в соответствии с которым человек признаётся точкой отсчёта в восприятии явлений действительности, а значит, возрастает вес каждого признака, характеризующего его.

Лингвисты активно занялись изучением того, как возраст человека отражается в языке, во второй половине XX века. Первые исследования велись в рамках лексического и семантического подходов, посредством анализа семантических групп, в которые объединяются слова по признаку возраста.

О наличии в языке групп лексем, в которых определяющими семантическими признаками выступают «пол, возраст, родственные отношения по крови, родовое сходство, восходящие и нисходящие поколения», писала А.И. Кузнецова [Кузнецова 1963: 47]. А.А. Уфимцева говорила о социальной обусловленности таких лексических объединений: «...В группе лиц противопоставление может идти по признаку родства, возраста, пола, профессии, социального положения и т. п., каждый из которых может быть основанием для образования новых лексических парадигм» [Уфимцева 1968: 176].

Одним из первых ученых, детально изучивших тему возрастной лексики в русском языке, стал Р.И. Хашимов, в работе которого [Хашимов, 1973] предметом рассмотрения стали слова со значением ‘человек в период детства и отрочества’ (*ребенок, дитя, чадо, девочка, парнишка* и т. п.) в древнерусском языке и в языке художественной литературы и публицистики XVII–XX вв. Благодаря **диахроническому** подходу и широкому временному диапазону

ученому удалось выявить динамический характер лексики с семантикой возраста. Р.И. Хашимов пытается проследить специфику образования лексики со значением 'возраст' как системы, проследить процесс её формирования в зависимости от исторических условий.

Диахроническим является также исследование М.И. Чернышевой, проведённое на материале древнерусских текстов. М.И. Чернышева обнаруживает, что для авторов древнерусских текстов при оценке упоминаемых персоналий наиболее значимыми были тесно связанные между собой идеи первенства и старейшинства. Старейшинство при этом включает представление как о возрасте, так и о статусе, о занимаемом человеком общественном положении [Чернышева, 2022: 127].

**Системный** подход к описанию лексики с семантикой возраста, описание структуры поля и отдельных входящих в него лексико-семантических и тематических групп (в том числе на диалектном материале), представлено в исследованиях К.В. Коровкиной [Коровкина, 2010], И.В. Лаптева [Лаптев, 2015], О.Е. Лаптевой [Лаптева, 2018], Н.Ю. Моспановой [Моспанова, 2022], Г.А. Путягина [Путягин, 1975], В.В. Скрябиковой и Э.С. Денисовой [Скрябикова, Денисова, 2020] и других лингвистов.

Системный характер отдельных лексико-семантических групп рассматриваемого поля очень нагляден и позволяет показывать и объяснять на их примере синтагматические и парадигматические связи между лексическими единицами русского языка. Это объясняет присутствие данной лексики в учебнике под редакцией Е.И. Дибровой [Современный русский язык, 2001: 263–265], в учебном словаре лингвистических терминов А.К. Карпова, Н.К. Фролова, Н.А. Шурыгина [Учебный словарь..., 2002].

Аналізу лексики со значением 'возраст' посвящено значительное количество **сопоставительных** лингвистических исследований. Учёные сопоставляют способы вербализации семантического компонента 'возраст' в

лексике разных языков, выявляя сходство и отличия. Сопоставительные исследования помогают лучше понять особенности представления в том или ином языке наименований людей по возрасту, отражение в этих наименованиях исторических, культурных особенностей представителей того или иного народа, его менталитет. Лингвисты стараются осмыслить лингвокультурную значимость номинаций возраста и найти универсальную составляющую данной семантики в разных языках. Главным универсальным признаком можно назвать то, что время жизни понимается в разных лингвокультурах как «ограниченный ресурс, измеряемый жизнью человека, самый ценный и невозполнимый, универсальный для всех народов» [Эркинбек, 2021: 104]. Осмысление возраста как важного свойства человека, в наибольшей степени влияющего на его жизнь, её организацию, отражается во всех языках.

Так, Л.Т. Костина рассматривает русские и английские имена прилагательные возрастной семантики [Костина, 1978]. Предметом её анализа становятся различные характеристики данной лексики: значение, сочетаемость, стилистическая окраска и др. К рассматриваемым прилагательным она подходит как к системе, действуя в рамках активно разрабатываемой в тот период лингвистике теории поля и анализируя как парадигматические, так и синтагматические связи русских и английских лексем *new-born*, *teen-aged*, *ancient*, *новорожденный*, *молодой*, *престарелый* и др.

Прилагательные с семантикой возраста в русском и английском языках Л.Т. Костина характеризует как лексико-семантические группы (ЛСГ). Вместе с компонентами других ЛСГ (словами других частей речи), и русские, и английские лексем с семантикой возраста входят в соответствующие поля, формируя пласты важной для говорящих лексем.

В сопоставительных исследованиях наиболее интересны те отличия, которые обнаруживаются учёными в функционировании слов возрастной

семантики в разных языках. Так, Л.Т. Костина выявила, что в английском языке прилагательные с семантикой возраста преимущественно располагаются в непосредственном контакте с определяемыми существительными (*wise old cousin, a smart young lady*), а в русском наблюдается дистантное расположение (*молодая милая хозяйка, старый мудрый протоиерей*) [Костина, 1978: 10].

Л.Т. Костина также затрагивает вопрос о градуальности рассматриваемых ею прилагательных с семантикой возраста. Градуальность с опорой на исследования С.М. Колесниковой понимается автором как функционально-семантическая категория, выражающая «мерительный подход к действительности» [Колесникова, 2010: 48]. Л.Т. Костина говорит об отсутствии полного совпадения градуального значения рассмотренных слов в сопоставляемых языках. Это проявляется в отсутствии некоторых градуальных «шагов». К примеру, в обоих языках есть прилагательные *new-born* – *новорожденный* и *juvenile* – *юный*, однако для обозначения возраста между ними специальных слов нет. Получается, что после новорождённого возраста человек сразу становится юным, что не соответствует действительности. Конечно, языки не могут не компенсировать данную особенность. В них используются прилагательные с иной семантикой, выполняющие роль наименований по возрастному качеству: в английском – *small, little*, в русском – *маленький* [Костина, 1978: 12]. Отсутствие прилагательных, которые конкретизируют, детализируют возрастные характеристики человека в детстве, может говорить о неважности людей детского возраста в социальной системе прошлого, в период формирования данной системы в русском и английском языках.

Градуальность концепта «возраст» отмечают многие исследователи. Так, О.Б. Волкоморова выделяет в структуре семантического поля ‘возраст’ микрополя «детство», «молодость», «зрелость», «старость» [Волкоморова, 2006: 56], единицы которых связаны градуальными отношениями. Они

наилучшим образом описывают ту градуальность бытийной категории, которая обозначается в языке с помощью лексем возрастной семантики.

Соответствие между русскими и французскими существительными – наименованиями с семантикой возраста до 24 лет – устанавливает В.Г. Гак, используя для этого шкалу с делениями, равными двум годам и иллюстрирующими возраст (Рис. 1.1).

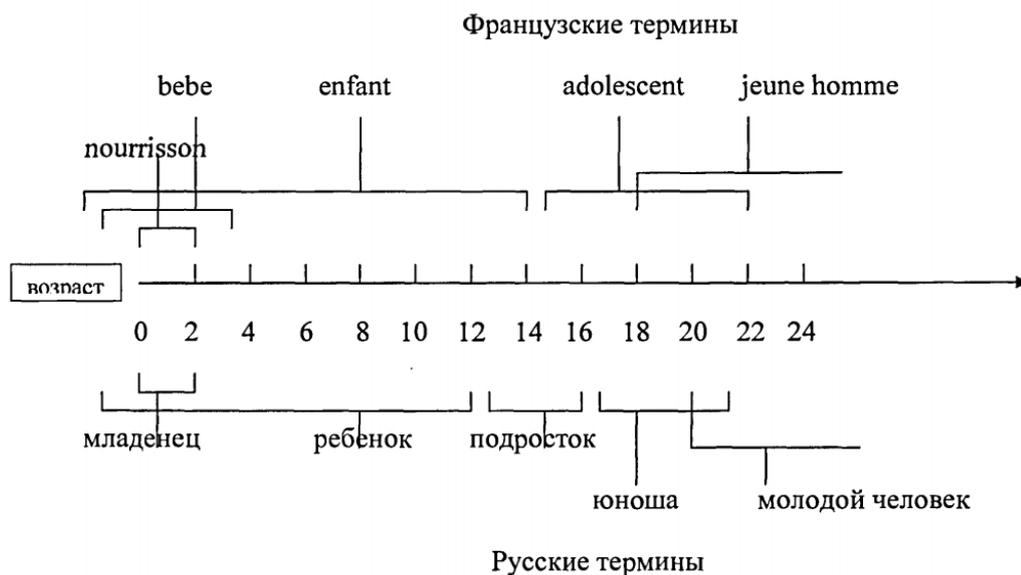


Рис. 1.1 – Шкала возраста в русском и французском языках (В.Г. Гак).

При общем терминологическом сходстве сопоставляемых имён существительных учёный обнаруживает отличия. К примеру, русский *подросток* – это человек от 12 до 16 лет, а французский *adolescent* – от 14 до 22 [Гак, 1977: 45]. Несомненно, у таких отличий есть экстралингвистические причины, поскольку система наименований складывалась в течение столетий существования каждого из народов в определённых исторических, психологических и культурных обстоятельствах.

Н.В. Крючкова рассматривает русские и французские обозначения возраста в рамках анализа концепта возраста - в русле лингвокультурологического подхода. Автор относит к устойчивым характеристикам основных стадий возраста в обоих языках наивность и неумелость в детстве, поверхностность в отрочестве, неопытность и

энергичность в молодости, опытность в зрелом возрасте, немощность и усталость в старости [Крючкова, 2003: 128]. Очевидно, что данные качества являются универсальными для понимания специфики каждого из возрастов и стереотипными в различных культурах. Их представленность в семантике фразеологизмов указывает на сходство развития возрастных норм у разных народов в древности. Образ жизни, который вели представители различных народов ранее, в период формирования фразеологического фонда языков, побуждал считать основным критерием ценности того или иного возраста полезность, способность людей данного возраста продуктивно трудиться на благо социума, помогать ему в процессе выживания в сложном и враждебном мире.

Как видим, данные характеристики достаточно точно описывают универсальные константы отношения к возрасту, которые сложились в русской и французской лингвокультурах в ходе развития народов и не могли не отразиться на обозначающей возраст лексике. Исследование демонстрирует отражение в языке культуры и истории народов экстралингвистических факторов, устойчиво влиявших ранее на лингвистическую фиксацию отношения к возрасту.

В работе Н.В. Крючковой также сопоставлена актуальность концептов возраста в русской публицистике 1960-х и 1997–2001-х гг., проанализировано, лексемы какой сферы чаще использовались в СМИ [Крючкова, 2003: 204] (табл. 1.1).

Таблица 1.1 – Частота лексем, репрезентирующих концепт «возраст», в русской публицистике (Н.В. Крючкова).

Концепт возраста	Частота лексем – репрезентантов концептов	
	В публицистике 1960-х	В публицистике 1997–2001-х

<i>детство</i>	966	1463
<i>отрочество</i>	15	67
<i>молодость</i>	1436	1073
<i>зрелость</i>	81	229
<i>старость</i>	537	401

Как показывает таблица, частота слов, обозначающих тот или иной возраст, в публицистических текстах разных периодов значительно отличается. Можно говорить о смещении фокуса с категории молодости в русской публицистике 1960-х гг. к категории детства – в современной публицистике [Крючкова, 2003: 212]. Действительно, сейчас гораздо больше стали говорить и писать о детстве, об особенностях детского возраста. Общеизвестно, что впечатления, пережитые в детстве, влияют на формирование личности человека и всю его дальнейшую жизнь, с чем, по нашему мнению, и связаны такие изменения в обсуждаемости темы детства в СМИ.

Д. Кацкова обращается к изучению русских и словацких существительных, характеризующих возраст человека (*мальчик, мужчина, старик; chlapec, mladik, mladenec, starec* и т. п.). В исследовании охвачена не только основная, но и периферийная лексика с семантикой возраста в обоих языках; общее количество анализируемых лексем – около 300. Автор объединяет наименования по возрасту русского и словацкого языков в группы, выделяя, во-первых, названия, для которых признак возраста является основным (*ребенок, грудничок*), во-вторых, названия, в которых признак возраста находится на периферии семантики, вторичен (*буруз, оголец*) [Кацкова, 1987: 4-7].

Интересны обнаруженные автором отличия в обозначениях младенческого и старческого возрастов в русском и словацком языках. По наблюдениям Д. Кацковой, в словацком языке лексемы данной семантики

служат в первую очередь для наименования и характеристики, а в русском – для передачи эмоций и оценки людей по возрасту [Кацкова, 1987: 4-7], что может говорить о наличии в национальной картине мира русских людей более эмоционального и субъективного восприятия возрастов начала и конца человеческой жизни.

Сопоставительные исследования проводятся на материале языков как близкого, так и дальнего родства. В.И. Матвеев сопоставляет лексику с семантикой возраста в русском, украинском и английском языках [Матвеев, 1987]. В.И. Матвеев выявляет отсутствие наименований людей взрослого возраста, что объясняет «позицией наблюдателя»: человек, оценивающий кого-то по возрасту, – это взрослый человек, поэтому для него нет необходимости называть самого себя. Он именуется с помощью отдельных лексем людей более младшего и более старшего возраста, которые находятся в его ведении, о которых он должен заботиться и которые подчиняются ему в социальной иерархии, но не считает нужным именовать себя и своих ровесников. Языки восполняют данную недостаю словами с гендерной характеристикой *мужчина* и *женщина*, а терминами родства *дядя*, *тетя* [Матвеев, 1987: 12].

В ряде сопоставительных исследований лингвисты концентрируются на отдельных возрастных наименованиях и их представленности в различных языках. К.А. Власова анализирует словообразовательные гнезда *молодой* – *старый* на материале русского и английского языков и отмечает, что богатство словообразовательной системы русского языка обуславливает «своеобразие русской языковой картины мира» [Власова, 2002: 17]. То, что в русском языке есть типологическая возможность постоянного морфемного образования новых терминов возраста и пополнения таким образом лексической системы, обогащает не только собственно лексику, но и картину мира, способность воспринимать возрастные отличия.

В последнее десятилетие количество исследований языковых единиц с семантикой возраста, проводимых в сопоставительном, компаративном аспекте, возрастает. При этом лингвисты нередко обращают своё внимание на устойчивые единицы русского и других языков, в том числе на пословицы и фразеологизмы.

Пословицы русского и английского языков, характеризующие тот или иной возраст, анализируют Л.Ф. Шангараева и Л.Р. Закирова. Они обнаруживают значительное количество таких паремий в обоих языках, что позволяет сделать вывод о важности семантики возраста в русской и английской национальных картинах мира. Выделяются и отличия. К примеру, в русском языке оказывается значительно больше, чем в английском, пословиц, передающих мысль о молодости как о негативном возрасте: *Малый что глупый, а глупый что малый* [Шангараева, Закирова, 2015: 359].

Фразеология русского и других языков активно используется для наименований и характеристик по возрасту. Д.Е. дель Валье отмечает в русском и английском языках универсальные «возрастные периоды, обозначенные фразеологическими единицами, входящими во фразеосемантические группы» [Валье, 2019: 5], в пределах которых есть количественные отличия, к примеру, в английском языке по сравнению с русским больше фразеологизмов с семантикой детского возраста и меньше – с семантикой старости [Там же: 8]. К.А. Бурнаева рассматривает отражение в русской и английской фразеологии семантической категории старости, причём выявляется универсальное для разных лингвокультур «осознание старости как временного и пространственного феномена, как предсмертного этапа» [Бурнаева, 2012: 153]. В связи с такой коннотацией нет ничего неожиданного в том, что в русских паремиях звучат «сожаление и тоска по безвозвратно ушедшему времени, заведомо проигрышное сравнение старости с молодостью» [Кудряшова, 2018: 37]. В то же время в английском паремийном

фонде более высоко оцениваются мудрость и опыт стариков, их большие знания [Там же: 38].

Показательными являются исследования, в ходе которых сопоставляются лингвистические факты сразу нескольких, в том числе разносистемных языков. Так, З.Т. Таджибова анализирует фразеологизмы с семантикой возраста, которые используются в лезгинском, русском, английском и немецком языках. Она отмечает совпадающую образную основу фразеологизмов и одновременно яркие национально-специфичные черты в выражении возраста в каждом из языков [Таджибова, 2016]. Сравниваются также фразеологизмы русского, испанского и китайского языков, причём подчёркивается, что в каждом из этих таких несхожих друг с другом языках возраст старости подвергается эвфемизации [Писарская, Чжи Ли, Сунь, Якименко, 2022].

В качестве материала для сопоставления используются наименования с семантикой возраста всё более широкого круга языков, что позволяет сделать исследования более репрезентативными. Доу Чуньяо, анализируя номинации возраста человека в лексике и фразеологии русского и китайского языков, отмечает сходства и отличия: «В русском языке между микрополями ‘детство’ и ‘юность’ существует микрополе ‘отрочество’, а в китайском языке между микрополями ‘зрелость’ и ‘старость’ – микрополе ‘средний возраст’» [Доу Чуньяо, 2022: 5].

С.Н. Абдуллаев и Г.С. Абдуллаева рассматривают их на материале русского и уйгурского (тюркского) языков предложения, обозначающие возраст и отмечают, что для них нередко характерна метафоричность и что строятся такие предложения в обоих языках достаточно часто, причём обычно в повседневной устной речи; [Абдуллаев, Абдуллаева, 2023: 8].

Наименования, указывающие на возраст, также рассматриваются в лингводидактическом аспекте, с точки зрения организации их изучения представителями иной лингвокультуры. Интересно замечание

А.Е. Александровой о том, что в русской лингвокультуре феномен возраста получает преимущественно этическую интерпретацию, а в американской – более рациональную, прагматическую, что необходимо учитывать преподавателю в процессе обучения русскому языку американских студентов [Александрова, 2007: 6].

**Когнитивный и лингвокультурологический** подходы являются магистральными в современной лингвистике. Как отмечено выше, лингвокультурную направленность имеют многие сопоставительные исследования, ориентированные на выявление влияния культуры народа на способы именованья людей по возрасту. Это не удивительно, поскольку соотнесение возрастной лексики – это «прежде всего сопоставление «мировидений, картин мира» [Власова, 2002: 4]. Однако и в работах, не ориентированных на сопоставление русского и других языков, также часто поднимается вопрос о влиянии мышления и культуры на фиксацию в языке представлений о возрасте. В исследованиях лингвокультурологической и когнитивной направленности принято говорить о концепте ‘возраст’ как о структурной единице мышления и культуры. Как считает П.А. Щербо, «вербализации подвергается вся гамма признаков, или оттенков концепта, которые составляют объем понятия ‘возраст’» [Щербо, 2008: 15]. Семантический компонент ‘возраст’ в русской языковой картине мира является концептуальным, передаёт идею «времени жизни» [Там же], соотношение существования человека и окружающей его реальности. О контрастности составляющих этого концепта, связанной с его бытийной сущностью, также пишет А.В. Кулешова [Кулешова, 2014: 4].

Изучение лексем с семантикой возраста не может проходить без междисциплинарного осмысления анализируемых явлений. О.Е. Лаптева говорит о формировании в междисциплинарном поле лингвистики семантико-когнитивного направления, «в рамках которого анализ репрезентирующих концепты языковых средств рассматривается как один из способов описания

мыслительной деятельности человека» [Лаптева, 2021: 3]. Лингвисты стремятся установить многообразные и сложные связи между значениями, которые выражают лексемы и фразеологизмы, и способами их осмысления человеком.

В лингвокультурном плане концепт «возраст» получает в языке «множество языковых (воспроизводимых) и речевых (свободно создаваемых) репрезентаций» [Литвиненко, 2006: 4], с помощью которых осмысливается бытие человека в мире, закрепившееся в сознании говорящих научное и обыденное представление об этапах жизни, а также «категории времени, развития, градуальности» [Там же: 7]. В онтологическом смысле возраст «предстает как осознаваемое воплощение процесса развития человека, которое осуществляется во времени поэтапно в соответствии с членением возрастного континуума» [Щербо, 2008: 5]. Категория возраста тесно связана с категорией времени и её осознанием человеком, которое продолжается всю жизнь. Существовая во временном континууме, человек пытается осмыслить собственное положение во времени, обычно ощущая при этом онтологическое одиночество, поскольку возраст, в отличие от других характеристик (внешности, гендера, социального положения) – это его индивидуальная характеристика. И именно стремление избавиться от возрастного одиночества связано наблюдаемое в современном мире желание человека ощущать себя частью поколения как социальной группы.

Для говорящего очень важно онтологическое представление об изменчивости и неизменности возраста. Поскольку возраст постоянно изменяется, то его обозначения с семантикой постоянного признака, как пишет Е.В. Рахилина, закрепляются в метафорических конструкциях. На примере сочетания «прилагательное *старый* + существительное», исследователь выделяет такие сочетания с переносной семантикой возраста, как *старый юрист* (= *опытный*), *старый министр* (= *предыдущий*), *старая интеллигенция* (= *старинная*) [Рахилина, 1997: 211–212].

Онтологическое значение семантики возраста вызвало необходимость более глубоко взгляда на репрезентирующие его в языке единицы. Н.Д. Арутюнова указывает на важность временной семантики в языке, связанную с желанием говорящего установить временные периоды чего-либо «через фазы существования предмета (периоды жизни лица)» [Арутюнова, 1988: 87], а также на то, что категория молодости оценивается человеком как положительная в противопоставлении категории старости, оцениваемой негативно [Там же: 283] и относимой говорящими «к отрицательным неизбежностям» [Там же: 200]. Е.С. Яковлева выделяет в русской языковой картине мира понятия *пора*, *возрастная пора* и *время*. *Пора*, по мнению исследователя, включает представление о цикличности, присутствующей в том числе в жизни человека [Яковлева, 1994: 145].

Когнитивно-семантическая модель концепта «возраст», по мнению П.А. Щербо, предполагает три категории: 1) «градуальность – представление о концепте “возраст” как дискретной многочленной сущности; 2) оппозитивность – представление о возрасте как антиномичной сущности (*молодой / старый*); 3) стереотипизированность – наличие у носителей языка связи представления о возрасте с рядом устойчивых ассоциаций, действующих при количественной и качественной характеристике возраста» [Щербо, 2008: 56]. Интересна мысль исследователя об отражении в номинациях по признаку возраста определённых правил, культурных установок, архетипических представлений, восприятия возраста в культуре, его оценочной маркированности [Там же: 5].

О.Б. Волкоморова и Ю.Ю. Литвиненко отмечают типизацию образной семантики лексем, обозначающих возраст. По мнению Ю.Ю. Литвиненко, сопоставляя образ человека и образ мира, в том числе по возрасту, говорящий действует «на основе наивных представлений о близости этих двух феноменов» [Литвиненко, 2006: 17]. О.Б. Волкоморова отмечает, что в метафорические сопоставления «наряду с возрастными наименованиями

человека включена и темпоральная лексика обозначения возраста животных и растений, а также “возраста” вещей» [Волкоморова, 2006: 18]. Метафоризация возрастных наименований позволяет говорящему включиться в процесс осмысления действительности эмоционально, передавать свою оценку наблюдаемых явлений. Например: «*Давай сам вылезай! Не младенец – на руках таскать*» [Г. Быкова. Лорд и хозяйственное мыло // «Дальний Восток», 2019]; «*Нет, старик, ты уж не обижайся, но сегодня ты мне не друг, – отшатнулся Бурцев*» [О. Воропаев. Предзимний сезон // «Бельские просторы», 2018]. В первом примере мы видим нарушение героем установленных в обществе возрастных норм. Во втором примере наблюдается ставшее устойчивым обращение *старик* по отношению к другу. Здесь слово *старик* ‘употребляется как фамильярно-ласковое обращение к давнему другу, приятелю’ [Ефремова, 2000]. В обоих примерах привлекает внимание то, что метафорическое употребление возрастных наименований связано с негативной оценкой поведения людей.

В лингвокогнитивной и лингвокультурологической парадигмах ‘возраст’ рассматривается как концепт, характеризующий картину мира человека, как один из инструментов, с помощью которых «в сознании и языке могут быть соотнесены и уподоблены человек и мир» [Литвиненко, 2006: 3], как средство осмысления носителем языка окружающей его действительности. Ю.Ю. Литвиненко анализирует лингвокогнитивные особенности возрастных обозначений человека и отмечает высокую роль оценочной составляющей в структуре концепта: «Полюс положительной оценки совпадает с периодами детства и молодости (*золотая пора, золотое время*), поскольку они воспринимаются как безмятежные, счастливые и, следовательно, желанные этапы жизни. Полюс отрицательной оценки совпадает с периодом старости...» [Литвиненко, 2006: 17].

В рамках когнитивного подхода исследования наименований возраста связываются с описанием языковой картины мира (куда, в том числе, входят

стереотипы). Н.Д. Арутюнова так определяет понятие «социальный стереотип»: «Образ, полярный по знаку оценки, жестко фиксированный, не допускающий малейшего сомнения в его истинности, побуждающий к строго однозначному действию» [Арутюнова, 1997: 37]. Стереотипизация любого явления всегда сопряжена с его оценкой, зависящей от субъективного восприятия носителя языка. Представитель каждого поколения, каждой социальной группы высказывает оценки, свойственные именно его восприятию, поскольку «оценка относится к числу собственно человеческих категорий, <...> предназначена для того, чтобы упорядочивать, облегчать и регулировать эту деятельность» [Арутюнова, 1997: 37]. Оценивая возраст, человек руководствуется как имеющимися в обществе стереотипами, так и собственной оценкой и этих стереотипов, и самого явления. Опираясь на стереотипы, он чувствует необходимость применения критического мышления, которое для современного человека очень важно, помогает ему разобраться в сущности традиционной и инновационной составляющих культуры и решить, какие из этих составляющих важнее для него.

В.В. Колосова отмечает негативный характер стереотипа о старости как «плохом» времени жизни и отрицательное влияние, которое этот стереотип оказывает на жизнь людей самого разного возраста [Колосова, 2019: 71]. Можно говорить о проблеме постепенной смены закреплённых в сознании и отражённых в языке стереотипов, о том, что не все закреплённые в национальном сознании представления о возрасте являются позитивными, не все должны восприниматься как традиции, нуждающиеся в сохранении. В современной культуре формируются новые представления о недопустимости эйджизма, о его негативном влиянии на психологию человека любого возраста. Эйджизм связывают в первую очередь с дискриминацией людей пожилого возраста, однако он касается и детей, которые стереотипно воспринимаются как «не совсем люди», однако по сути являются личностями, полностью достойными уважения и понимания.

В составе концепта «возраст» выделяются разнообразные субконцепты, каждый из которых соответствует определённому возрастному этапу. Д.А. Есиркеева в связи с этим относит концепт «возраст» к сегментным концептам [Есиркеева, 2017: 41]. Н.В. Крючкова говорит о таких проявлениях концепта «возраст», как *детство, молодость, зрелость, старость* [Крючкова, 2003: 6] и отмечает, что для носителей русского и французского языков «наиболее актуальными являются концепты *детство / enfance* и *молодость / jeunesse*» [Там же]. Чёткое выделение в составе концепта «возраст» подтипов, соответствующих тому или иному возрасту, определило появление лингвистических работ, посвящённых определённому возрастному периоду. Наибольшее внимание исследователей привлекают «крайние» возрастные периоды – детство и старость – и их отображение в языке.

Многочисленные исследования лексики с семантикой ‘детство’ в различных языках обычно проводятся в рамках лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов.

А.Т. Ашхарава выделяет отдельный концепт ‘дитя’, отмечая такие семантические и прагматические его составляющие, как «признаки ‘человек’, ‘маленький’, ‘слабый’, ‘несамостоятельный’, ‘вскармливаемый’, ‘воспитываемый’, ‘обладающий особым характером поведения’» [Ашхарава, 2002: 5]. У.А. Басова и М.В. Пименова говорят о существовании в русском языке макроконцепта «дети», который находится в динамике. В настоящий момент дети в восприятии носителя русского языка – это прежде всего ‘потомки’ [Басова, Пименова, 2017: 67].

Представлены сопоставительные исследования: так, Ч. Доу обосновывает существование в русском и китайском языках ЛСГ ‘детство’ и отмечает, что в трактовке детства представителями русской и китайской лингвокультур присутствуют схожие оценочные представления: для этого возраста, по мнению и русских, и китайцев, характерны детскость, невзрослость, наивность [Доу, 2022: 135]. Детский возраст в обеих картинах

мира понимается как несовершенный, а дети – как люди, которые только готовятся к жизни.

Лексика с семантикой ‘детство’ также рассматривается на материале диалектов, причём отмечается, что в данной сфере русского языка наиболее распространены компоненты поля, «которые имеют практическое значение для биологического выживания человека и его социальной адаптации в деревенском социуме» [Комиссарова, 2018: 350]. Ведётся даже работа по составлению лингвокультурологического словаря, отражающего мир детства (на материале говоров Среднего Приобья). В словаре акцентируется внимание на «особенностях крестьянского мировидения, явленных в слове» [Угрюмова, 2017: 24]. Выявляются особенности номинаций детства в фольклоре разных местностей, при этом отмечается тематическая и этическая значимость в сказочном тексте наименований детей по родству с другими персонажами: *сын, дочка, внуки* и др. [Митченко, 2020: 329]. Анализируется фразеология с семантикой ‘детство’, в том числе с точки зрения выражаемых ею метафорических смыслов [Вознесенская, 2016]. Отмечается, что в диалектных фразеологии и паремиологии нашли отражение значимые для народа темы воспитания детей и отношений между родителями и детьми [Воробьева, 2021: 95].

Лексика с семантикой ‘старость’ не менее часто фигурирует в качестве предмета лингвистических и лингвокультурологических изысканий.

И.В. Салимьянова рассматривает в диссертации (2011) репрезентацию в русской языковой картине мира образа пожилого человека, отмечая, что для говорящих важны внешние и внутренние атрибуты данного возраста, причём более значимыми являются внутренние, в числе которых выделяются и положительные (например, *опыт*), и отрицательные (например, *болезни*) характеристики [Салимьянова, 2011: 7]. В.П. Бирюкова анализирует концепт «старость» и отмечает в русской лингвокультуре душевное отношение к старикам при внешней грубоватости вербальной репрезентации данного

отношения [Бирюкова, 2020: 41]. На основе анализа паремиологического фонда русского языка выявлено, что для осмысления старости человеку важно представление о тех изменениях, которые происходят в организме в этот период жизни: ухудшение интеллектуальной деятельности, физическая слабость, болезни, выпадение зубов и т. п., а также изменения личности и характера (появление упрямства, раздражительности, болтливости) [Листраткина, 2011: 113].

Концепты 'молодость' и 'старость' (лексические и фразеологические единицы с данной семантикой) часто рассматриваются лингвистами во взаимном сопоставлении, что позволяет более отчётливо оценить особенности их содержания и вербальной реализации в языке. О.И. Рудакова отмечает значительный объём словообразовательных гнезд, репрезентирующих имена концептов «молодость» и «старость», и в то же время преобладание единиц, передающих семантику старости [Рудакова, 2006: 102]. Т.А. Пономарева, рассмотрев концепт молодости / старости в лирике Н.А. Клюева, выявляет его значимую для поэта связь с «эмоционально-психологическим переживанием времени своей жизни и потока исторического бытия» [Пономарева, 2013: 182]. Н.В. Зайцева подчёркивает наличие глубокой коннотативной пропасти между представлениями о данных возрастах в различных лингвокультурах и характеризует «молодость» и «старость» «как концепт и антиконцепт» [Зайцева, 2021: 226]. Д. Сяо и Л. Юань, рассмотрев представленность концептов «молодость» и «старость» в современных новостных интернет-СМИ, выявляют большее внимание к молодёжи, «общую ориентацию СМИ на молодёжь и позиционирование приоритета молодого возраста» [Сяо, Юань, 2022: 62].

Бинарная оппозиция чаще всего устанавливается между концептами (семантическими областями) «молодость» и «старость» [Власова, 2002; Зайцева, 2021; Пономарева, 2013; Рудакова, 2006; Сяо, Юань, 2022], реже – между концептами «юность» и «старость» [Мухина, 2018]. Очевидно, это

связано с позитивным оттенком, которым обладает в восприятии носителей языка семантика 'юность', со стереотипным представлением о большей ценности для человека первого периода жизни, чем второго. Кроме того, именно в данной бинарной оппозиции носителем языка в наибольшей степени осознаётся контраст между различными возрастными периодами: для каждого, кто перешёл от возраста юности к возрасту старости, очевидны значительные изменения как в собственной жизни, так и в восприятии себя окружающими.

Как видим, концепт «возраст» включает обширный перечень концептуальных составляющих, каждый из которых можно назвать отдельным концептом. Это приводит исследователей, например, Ю.Ю. Литвиненко, к квалификации концепта «возраст» как концептосферы [Литвиненко, 2006: 12]. Д.С. Лихачев толкует этот термин так: «Концептосфера – это совокупность концептов нации, образуемая через все потенции и комплексы концептов носителей языка» [Лихачев, 1993: 3]. Если понимать «возраст» как концептосферу, то в неё включаются концепты «детство», «молодость», «старость» и др. анализ возраста как концептосферы видим в исследованиях Ж.В. Елькиной [Елькина, 2006], Ж.В. Фоминой [Фомина, 2011] и других лингвистов.

Категория возраста неразрывно связана с представлениями о времени, его течении, а значит, с категорией темпоральности, отражением в языке времени (См. работы Д.Г. Ищук [Ищук, 1995], М.Г. Лебедько [Лебедько, 2002], А.С. Лишаева [Лишаев, 2022], А.А. Охалиной [Охалина, 2013], Н.А. Потаенко [Потаенко, 1996], Е.А. Стальмаховой [Стальмахова, 1998], Н.В. Сороколетовой [Сороколетова, 2000] и др.)

Н.А. Потаенко анализирует темпоральную лексику русского языка и выделяет ней три класса: 1) субстантиваторы – слова с объективной, естественной семантикой времени (*день, год, век* и др.); 2) корреляторы – лексемы, обозначающие время как относительное явление, зависящее от

чьего-то восприятия, от каких-то обстоятельств (*вчера, будущий, когда-то*;  
3) параметризаторы – слова, характеризующие протяженность чего-либо во времени (*моментальный, продолжительный*) [Потаенко, 1996: 47–48]. В рамках данной классификации наименования *возраст, детство* входят в класс субстантиваторов, а названия поколений (*зумеры, альфа*) являются корреляторами; параметризаторами можно назвать имена прилагательные *детский, подростковый* и др.

Г.В. Гафарова и Т.А. Кильдибеков рассматривают в аспекте темпоральности функционально-семантическую сферу «жить». Наименования различных возрастов они считают значимыми компонентами семантического поля «бытие человека» [Гафарова, Кильдибеков, 1998: 124–125], с помощью которых в языке характеризуется и оценивается жизненный путь человека, устанавливается его положение на жизненной «оси» в каждый конкретный период жизни.

Ю.Ю. Литвиненко исследует тесную связь концепта «возраст» с категориями времени, развития, движения и определяет возраст как «осознаваемое и осознаваемое воплощение процесса развития индивида, измерение его движения во времени» [Литвиненко, 2006: 17–18]. В возрасте, по мнению исследователя, важны этапность, наличие периодов, которые сменяют друг друга.

С.М. Белякова анализирует наименования с семантикой возраста как компоненты образа времени, имеющегося в восприятии мира и себя в мире каждого человека. С.М. Белякова отмечает антропоцентрический характер категории времени, её связь с жизнью человека [Белякова, 2005: 136–139], что проявляется, в числе прочего, и в функционировании наименований по возрасту. Интересен вывод автора о том, что для картины мира русского человека характерно «отсутствие представления о последовательной смене эпох, приблизительное, неточное обозначение времени» [Там же: 10]. С помощью лексики и фразеологии возраста образ времени получает

лингвистическое воплощение, а значит, они помогают говорящему разобраться в сложной онтологической категории времени.

Итак, среди частных аспектов концепта «возраст», важных с точки зрения темпоральности, можно выделить:

- 1) обязательность (возраст – неотъемлемая часть языковой картины мира русского человека);
- 2) градуальность (время жизни человека членится на этапы);
- 3) процессуальность (этапы сменяют друг друга);
- 4) оценочность и наличие стереотипов в оценке (для любого периода жизни человека есть положительная и отрицательная оценки);
- 5) в связи с оценочностью выделяется нормативность (существуют правила поведения для людей разного возраста);
- 6) оппозитивность (возрасты противопоставлены в восприятии людей, особенно *молодость – старость*);
- 7) образность, метафоризация (существует образное восприятие возраста).

В рассмотренных выше работах исследованы частные аспекты анализа лексики с семантикой возраста. Для нас важно осуществить комплексный анализ лексики с семантическим компонентом ‘возраст человека’ в современном русском языке и дискурсе в функционально-семантическом, прагматическом, лексикографическом аспектах с применением лингвокультурологических трактовок.

## **1.2. Социокультурная обусловленность параметра ‘возраст человека’ и ее отражение в лингвистических исследованиях**

Возраст является социально и личностно значимым свойством человека, важным для понимания его мыслей, чувств и жизненных стратегий, для представления о наличии у него авторитета и опыта, о его праве самостоятельно действовать, высказывать суждения и влиять на других

людей. Представление о возрасте очень важно для человека и социума, и это находит отражение в языке, в лексемах, синтаксемах и фразеологизмах СП 'возраст человека'. Рассмотрим понятия «возрастные роли», «возрастные нормы», «возрастной статус», «биологический возраст», «психологический возраст» и др., которые существуют в различных сферах, бытийных, социальных, научных, отражая стереотипные представления людей о возрастных правилах.

Понятие **возрастной роли** тесно связано с понятием социальной роли. По сути, возрастная роль человека – это одна из его социальных ролей. Социальная роль понимается как «социальная функция, модель поведения, объективно заданные социальной позицией личности в системе межличностных отношений; выполнение человеком определенной роли в соответствии с потребностями повседневной жизни, профессиональной деятельности, выполняемой функции и пр.» [Воронин, 2006: 93]. Возрастная роль, соответственно, – это выполнение человеком определённой роли в соответствии с его возрастом.

Возрастная роль является динамическим параметром личности, то есть человек в течение жизни проходит через несколько возрастных ролей: младенец – ребёнок – подросток – юноша (девушка) – зрелый человек – пожилой человек. Каждая возрастная роль включает «информацию о целях, правилах, сценариях, качественных параметрах исполнения и запускных механизмах» [Самсонова, 2013: 110]. Человек постепенно переходит от одной возрастной роли к другой, причём обучение его поведению в той или иной роли происходит естественным образом, в наблюдении за действиями окружающих.

Для понимания возраста каждого конкретного человека важно «соотнесение определенной суммы биологических, социологических и психологических параметров индивида с некоторым нормативным (среднестатистическим) симптомокомплексом» [БПС: 94]. В связи с этим ещё

одним актуальным для исследования понятием является понятие возрастной нормы. В литературе по социальной психологии **возрастные нормы** определяются как «устойчивые модели поведения, содержащие социальные ожидания и предписания относительно поведения от людей определенного возраста» [Курышева, 2014: 6]. Возрастные нормы складываются исторически и могут со временем меняться под влиянием социальных процессов, они, «возможно, более гибкие и вариативные, чем другие виды социальных норм» [Там же: 14]. К примеру, в Древней Руси считалось нормой, чтобы девушка выходила замуж в 14-18 лет, в XX в. – в 19–22 года, в настоящий момент эта норма постепенно ещё более сдвигается – до 28–30 лет. Аналогично изменяются представления о том, в каком возрасте нормально жениться мужчине, начинать жить отдельно от родителей, заводить детей, прекращать трудовую деятельность и др. Возрастные нормы, как и все остальные нормы, являются относительными, субъективными, во многом зависят от идеологии, от политических и гуманитарных концепций, господствующих на том или ином этапе существования общества.

На каждом конкретном этапе жизни человека обществом предъявляются определённые нормативные требования к его развитию, поведению, внешнему виду и другим качествам. Соответствие возрастной норме состоит в том, чтобы реальные особенности человека совпадали с теми, которые считаются обществом нормативными, допустимыми. Отступления от возрастной нормы вызывают в социуме недоумение, неприятие, порицание. Так, если человек к определённому возрасту (юности, зрелости) не научится быть самостоятельным, обслуживать себя, принимать решения и т. п., то это воспринимается как отступление от нормы, что отражается, к примеру, во фразеологии, где есть сочетание *хуже малого дитя (дитяти)* – ‘о бестолковом, беспомощном, неприспособленном к жизни человеке’ [Мокиенко, Никитина, 2008: 170]. Если человек в пожилом возрасте начинает вести себя несолидно, его опять-таки сравнивают с ребёнком: *впадать в*

*младенчество* – ‘терять рассудок в старости’, ‘поступать глупо, неразумно’ [Мокиенко, Никитина, 2007: 404]. Интересно, что в обоих случаях нарушение возрастной нормы оценивается посредством сопоставления с ребёнком.

Понятие «возрастной статус» тесно связано с рассмотренными выше понятиями. **Возрастной статус** определяется как «социальное положение, приписываемое индивиду на основе возраста» [ОПСР: 56]. Он предполагает некую исторически обусловленную совокупность прав и обязанностей, которые общество предъявляет к людям того или иного возраста. Если человек соблюдает данные права и обязанности, то есть соответствует возрастным нормам, то он обладает определённым социальным статусом. Это транзитивная, динамическая категория, и человек в течение жизни меняет несколько возрастных статусов. К примеру, у ребёнка невысокий возрастной статус: он не может жить отдельно, не обладает полными правами. Однако у него намного меньше обязанностей: он не обязан трудиться, обеспечивать свою семью материально и т. п.

В наивно-языковой картине мира очень ярко отражается несоответствие между биологическим и психологическим возрастами человека.

Анатомо-физиологический (физический, **биологический**) **возраст** – это специальное медицинское «понятие, которое отражает степень морфологического и физиологического развития организма» [Каменева, Ноздрачева, 2021: 28]. Медики и биологи отмечают, что, «как правило, биологический возраст не совпадает с календарным (паспортным) возрастом» [Там же], поскольку на него влияет образ жизни людей, уход за собой, вредные привычки, наследственность, экология, особенности здоровья, медицинское обслуживание и другие факторы. В результате действия данных факторов «биологический возраст может заметно отличаться от календарного в стороны как опережения, так и отставания» [Голубева, 2009: 127]. Получается, что люди имеют одинаковый биологический возраст только при рождении, а затем

со временем этот параметр приобретает всё большую индивидуальность. Кроме того, отличиями обладает и психологический возраст человека.

Хотя биологический (физический) и календарный возрасты являются понятиями различными, мы будем понимать их как информацию о реальном возрасте человека, приближенном к его паспортному возрасту. Именно в таком понимании календарный (физический) возраст противостоит психологическому, поскольку необходимо учитывать психологические факторы формирования возраста.

**Психологический возраст** «является возрастом “во внутренней системе отсчета” и тесно связан с особенностями хронологического возраста, стажа работы, с субъективной реализованностью жизни» [Антипина, 2007: 6]. В психологическом понимании возраста много субъективного: внутреннее ощущение возраста человеком может очень слабо соотноситься с его биологическим возрастом.

Социальная обусловленность параметра ‘возраст человека’ находит своё отражение в картине мира человека. Понятие возраста, по мнению Ф.А. Марзука, «играет важную роль в концептуализации мира, поскольку на основе представлений, знаний, оценок, связанных с возрастными периодами жизни человека, происходит осмысление различных явлений действительности» [Марзук, 2008: 3]. В связи с этим изыскания в области языковых наименований, связанных с возрастом, активизировались с распространением лингвокогнитивных и лингвопсихологических исследований. С психологической точки зрения, обозначение возраста в языке как свойства, характеризующего «физическое, душевное и социальное состояния человека», даёт возможность «говорить о наивной возрастной психологии» [Там же: 6].

Возраст является важной социальной характеристикой человека, отраженной в языке, различается в разных лингвокультурах и меняется со временем. Как в лингвистических, так и в социологических работах

отмечается влияние эпохи на то, как воспринимается окружающими каждая возрастная ступень человека. Например, в работе О.Б. Волкоморовой отмечено, что в XIX–XX вв. младенчество и детство были единым этапом (возраст 5–8 лет); отрочество начиналось тогда, когда ребенок приобщался к труду; подростки считались малолетними. А слово *молодежь* как ‘собирательное наименование совершеннолетних’ появилось достаточно поздно, как и понятие совершеннолетия. [Волкоморова, 2006: 18].

Л.И. Джамирова, рассматривая вопрос о восприятии возраста в национальных группах, заключает следующее: «Весь корпус возрастных обозначений классифицируется по признакам: лицо мужского пола – лицо женского пола; совершеннолетний – несовершеннолетний» [Джамирова, 2017: 40]. «Семантическое пространство, обозначенное в языке словом *возраст*, является сложным по своему устройству, включающим несколько лексико-семантических парадигм (“возраст человека”, “возраст животного”, “возраст растения”, “возраст предмета”), каждая из которых обладает своей системой языковых средств» [Джамирова, 2017: 40].

А. Вежбицкая выделяет свойственные каждому возрасту нормативы, «при помощи которых можно оценить адекватность развития индивида и которые касаются психофизического, интеллектуального, эмоционального и личностного развития» [Вежбицкая, 2001: 28].

Н.Д. Арутюнова подчеркивает социальную обусловленность возраста, в связи с чем «каждое общество подразделяет индивидов на определенные категории в зависимости от их возраста» [Арутюнова, 1997: 172]. Именно общественные критерии, социальные установки диктуют то или иное восприятие возраста, а значит, формирование и закрепление в языке той или иной лексемы. Наивно-языковая картина мира отражает сформированные в менталитете и сознании людей, закреплённые в языке представления о возрасте, а значит, диктуют носителям языка то или иное отношение к людям разного возраста.

Развивая эту идею, А. Нью на основании данных НКРЯ подсчитывает атрибутивные конструкции «прилагательное со значением возраста + тело». При этом лидирующими со значительным перевесом оказываются сочетания с лексемами *детский* (37 конструкций), *старый* (51), *молодой* (162). Наименьшее количество конструкций обнаружено со словом *зрелый* (1) [Нью, 2019: 211–216]. Сочетания типа *молодое тело* участвуют в трансляции стереотипа о преимуществах молодого возраста, о его большей социальной одобряемости, о том, что молодым в современном социуме быть лучше, легче, приятнее, почётнее. Например: «Наградой неизменно служило её роскошное *молодое тело*» (Ю. Бунина. Женщина слева от него // «Менестрель», 2012). Такие сочетания в языке неизменно связаны с оценочностью; с их помощью оцениваются большие возможности молодого человека и очень ограниченные – немолодого. Например: «Но на этот единственный рывок ушли все силы его *старого тела*» (О. Онойко. Некромантисса, 2014).

В русской наивно-языковой картине мира основными стереотипами выступают представления о превосходстве людей одних возрастов над людьми других возрастов, а также о необходимости соблюдать возрастные нормы и соответствовать установленным в обществе правилам поведения людей разного возраста.

Такое важное онтологическое явление, как возраст, изучается представителями различных научных дисциплин, каждая из которых обнаруживает в возрастной тематике собственные проблемы, значимые для данного этапа развития науки и общества. Возраст рассматривается в контексте гуманитарных наук (лингвистики, социологии, социальной и возрастной психологии, педагогики, социологии, культурологии, философии, истории и др.) и естественных (биологии, физиологии, медицины). Возраст присущ каждому человеку и в первую очередь отражает временные, темпоральные характеристики, касающиеся его жизни. Однако понять специфику возраста конкретного человека можно только в совокупности его

физиологических, психологических и социальных характеристик, которые накладываются на темпоральные, тесно сливаются с ними. С одной стороны, любая наука, которая имеет отношение к человеку, не может не касаться каким-то образом проблематики возраста; с другой стороны, возраст не может быть описан без междисциплинарного подхода, в рамках какой дисциплины ни шло бы исследование.

В научном плане для понимания возраста важны такие его свойства, как стадийность и противопоставленность (оппозициональность). О них говорит О.Б. Волкоморова, когда приходит к выводу, что «стержневым является период наиболее полной реализации жизненных сил – зрелость... Стадия взрослости, расцвета противопоставляется, с одной стороны, детству, а с другой – старости» [Волкоморова, 2006: 14]. Стадийность и оппозициональность выступают как ключевые характеристики возраста, несомненные как для рядовых носителей языка, так и для представителей любых наук, изучающих возраст.

Социолог И.С. Кон вводит понятие возрастного символизма, объясняя его «как систему представлений и образов, в которых культура осмысливает жизненный путь человека и возрастную стратификацию общества» [Кон, 1983: 10]. Для социологов возраст связан с общественным устройством, с теми функциями, которые люди разного возраста выполняют в общественной жизни, с эффективностью их деятельности для общества, необходимостью смены поколений и т. п.

В междисциплинарном научном поле сформирована отдельная наука (субдисциплина) – социология возраста, представители которой отмечают недостаточное внимание к целому ряду возрастных периодов: «Фактически весь период между детством и старостью в логике возраста не слишком часто анализируется» [Смолькин, 2022: 27]. Действительно, в социологии наиболее распространёнными и популярными являются исследования пожилого возраста.

В психологии, наоборот, чаще обращаются к изучению детского и подросткового возрастов как периодов, оказывающих наиболее сильное воздействие на становление человека и влияющих на всю его дальнейшую жизнь [Кобазева, 2000; Кубанова, 2022; Рашидов, 2021 и др.].

Отметим корреляцию научной картины мира с номинативными ресурсами русского языка, богатыми на обозначения указанных возрастных периодов и бедными на обозначения «взрослого» состояния.

О.Б. Волкоморова, обстоятельно рассмотрев разные аспекты категории возраста, подчеркивает проницаемость возрастных границ [Волкоморова, 2006: 37].

В культурологии возраст рассматривается как феномен культуры и анализируется в связи с «изменившимися демографическими процессами и с интенсивностью происходящих социокультурных изменений» [Мухранова, 2006: 19], выявляются различные типы возраста и их культурный потенциал [Игнатьева, 2005], изучаются типы восприятия того или иного возраста в истории культуры [Овсянникова, 2018] и другие вопросы.

Для философов наиболее актуально «осмысление возрастной хронологии осуществления человеком его сущности» [Лишаев, 2022: 3], анализ вопроса о страхе старения и культе вечной молодости как экзистенциальных и социокультурных феноменов [Шемяков, Маковецкая, 2021: 251], философско-антропологическая интерпретация различных возрастов [Калугина, 2021] и др.

В педагогике рассматриваются вопросы эффективной организации процесса обучения людей разного возраста. Действительно, без учёта фактора возраста невозможно правильно выстроить учебный процесс. Поскольку наилучшим образом закономерно изучено обучение детей и подростков, то в настоящий момент всё больше внимания уделяется обучению пожилых людей. К примеру, Н.Н. Гладченкова предлагает в обучении людей «третьего возраста» (в заголовке и тексте статьи постоянно используется данный

эвфемизм) учитывать такие их особенности, как прагматизм, желание связать обучение с жизнью (неприятие обучения, оторванного от жизни), стремление к овладению новыми профессиями и др. [Гладченкова, 2021: 610–613].

Возраст является также предметом медицинских исследований. Врачи справедливо считают его «основной координатой исследования индивидуального и общественного здоровья» [Григина, 2004: 35]. Без учёта возрастного критерия нельзя анализировать ни одно явление, связанное с рождаемостью, заболеваемостью, лечением, профилактикой, качеством жизни, смертностью и другими медицинскими действиями и показателями. Сформированы отдельные разделы медицины, предметом внимания которых являются люди определённого возраста: неонатология (младенцы), педиатрия (дети), геронтология (пожилые люди) и т. п.

Для нашего исследования показательно то, как современная медицина классифицирует людей по возрасту. Если ранее, в советское время, молодыми считались люди до 28-30 лет [Карпов, 2020], то сегодня ситуация изменилась. В 2023 г. Всемирная организация здравоохранения приняла новую классификацию возрастов, согласно которой к молодежи относятся люди 18–44 лет, средним считается возраст 45–59 лет, пожилым – 60–74 года, старческим – 75–90 лет, возрастом долголетия – 90+ [*Молодость продлили...*, 2023]. Постепенное смещение границ молодого возраста ко всё большим пределам врачи объясняют именно медицинскими показателями: увеличились возраст деторождения и возраст трудоспособности, люди действительно дольше ощущают себя полными сил, хотя, несомненно, данные показатели, во-первых, субъективны, во-вторых, очень разнятся по странам.

Как видим, исследователи всех научных специальностей сходятся во мнении, что возраст является одной из характеристик человека, на основании которых он оценивается как социальное существо, посредством которых объясняются как его поступки, так и развитие социума на том или ином этапе истории. В то же время отражение социологических, психологических,

культурологических и философских теорий мы видим в лингвистических исследованиях. В современном антропоцентрическом научном пространстве рассматривать языковые явления без их философского, психологического, социологического осмысления невозможно. Только междисциплинарный подход может дать научному исследованию результат, который приблизится к характеристике объективного.

Итак, возраст является социально обусловленной характеристикой человека, возрастные роли – одни из важнейших социальных ролей. Представления о возрастных ролях, возрастных нормах, биологическом и психологическом возрастах находят отражение в научной и наивной картинах мира, а также в языковой картине мира, что является предметом рассмотрения в данном исследовании.

### **1.3. Основные лингвистические термины, используемые в работе**

**Семантическое поле (СП).** Идеи о том, что в лексике могут быть выделены объединения на основе смысловой общности между словами, высказывались еще в XIX веке, например, в работах М. М. Покровского (1868/69–1942) и были воплощены в лексикографической практике – в создании первых идеографических словарей, или тезаурусов («Тезаурус» П. Роже). Однако термин «семантическое поле» начал активно употребляться после выхода в свет работ Г. Ибсена и Й. Трира в 30-е годы XX века. Термин был впервые использован Г. Ипсеном применительно к объединениям слов, обладающих общим значением. Согласно теории «понятийного поля», предложенной Й. Триром, на каждое «понятийное поле», соответствующее определенному фрагменту внеязыковой действительности, как бы накладываются слова, образующие «словесное поле», при этом каждое слово получает смысл только как часть поля. Советский лингвист В. И. Кодухов также указывает, что группировка слов по лексическим значениям основывается на той или иной связи понятий, которые выражаются словами и

которые выражают связи предметов и явлений действительности (по [Караулов 1976: 24]). Аналогичным образом определяется СП в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой «1. Частичка («кусочек») действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы. *Семантическое поле радости. Семантическое поле времени.* 2. Совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значения» [Ахманова 1969: 323].

Следует отметить, что теория семантического поля разрабатывалась разными учеными, и термин получил множество определений и интерпретаций, обзор которых дан в книге Ю.П. Караулова «Общая и русская идеография» [Караулов 1976] и в ряде статей [Башарина 2007] и др.

Каждое СП может рассматриваться, с одной стороны, как единая система, элементы которой являются взаимно обусловленными. С другой стороны, каждое СП связано с другими СП, имеет пересечения с ними, проницаемо для новых элементов, то есть динамично, подвижно. Идея взаимодействия между разными СП привела к концепции семантической непрерывности лексики, согласно которой в лексической системе языка все элементы связаны непосредственно или косвенными связями. Ю.Д. Апресян отмечает, что различные СП перекрещиваются и накладываются друг на друга, в результате чего «семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян, 1974: 251].

Мы придерживаемся определения СП, данного Ю. Д. Апресянои, который пишет, что семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент» [Апресян 1974: 251 – 252]. В нашем случае это семантический компонент ‘возраст человека’.

Семантическое поле имеет определенную структуру. П.А. Якимов, указывает, что семантическое поле можно представить как структуру с ядром и периферией. Ядро поля – это его центральная часть, которая содержит наиболее общее значение или имеет наибольшее количество значений. Периферия же – это зона, где разные семантические поля соприкасаются и взаимодействуют. Она включает в себя языковые единицы, объединенные в микрополя, которые отличаются от ядерных единиц более конкретным значением [Якимов, 2011].

«Зоны семантического перехода» между разными полями создаются именно за счет периферии, лексико-семантические и тематические группы которой могут быть связаны с несколькими семантическими полями одновременно. Таким образом, семантическое поле не является статичным и изолированным, а представляет собой динамическую систему с четко выраженной структурой и взаимосвязями между элементами [Сулименко, 2006].

**Лексико-семантическое поле (ЛСП)** Ю.Н. Караулов определил как группу слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу [Караулов, 1972: 57]. Термин «ЛСП» обычно используют как синонимичный термину «СП», однако, по нашему мнению, внутренняя форма терминов показывает, что семантическое поле – более широкое объединение языковых единиц, поскольку может включать единицы различных языковых уровней, объединённых общей семантикой, а ЛСП включает только единицы лексического уровня (слова в их отдельных значениях).

В лингвистических исследованиях последних десятилетий рассмотрены различные СП (ЛСП) русского языка, в том числе относящиеся к «антропоцентрической» лексике: СП адъективной лексики с семантикой 'худой' [Толстик, 2004], СП пословиц и поговорок, характеризующих личность [Савцова, 2010], СП «характер человека» в современном русском языке и тексте [Лычкина, 2022], ЛСП внешности в соотношении с

концептосферой внутреннего мира человека [Овчинникова, 2001], ЛСП «человек» в донецком региолекте [Коробова-Латынцева, 2021] и другие. В этих и подобных исследованиях осуществляется системный подход к лексике, позволяющий наилучшим образом оценить как её содержание, так и выражаемые ею культурные смыслы.

По мнению Ю.Ю. Литвиненко, ЛСП ‘возраст человека’ «представляет собой межчастеречное образование и характеризуется многообразными парадигматическими, синтагматическими, ассоциативно-деривационными связями» [Литвиненко, 2006: 7]. Это динамическое образование, живо реагирующее на социальные процессы, происходящие в обществе.

Основным понятием теории поля стало понятие **«функционально-семантическое поле»** (ФСП), под которым понимают совокупность единиц, связанных семантически и потенциально относимых не только к лексическому уровню языка, но и к любому другому уровню; совокупность единиц, «объединённых на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [Бондарко, 1984: 5]. При этом внимание уделяется не столько значению единиц, сколько именно их функционированию, использованию в тексте, особенностям, получаемым в процессе непосредственного языкового употребления.

В нашей работе используется термин «семантическое поле», так как в ней рассматривается не только лексика, но и фразеология, но другие уровни языка не затрагиваются.

Семантическое поле включает в свой состав более мелкие объединения, в частности лексико-семантические и тематические группы.

**Лексико-семантическая группа** (далее - ЛСГ). Ф.П. Филин определил ЛСГ как «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями» [Филин, 1957: 537–538]. Обычно в современных исследованиях ЛСГ понимается как объединение слов одной части речи с общей архисемой

(общим компонентом значения), для значений которых системный аспект является доминирующим. В лингвистике конца XX – начала XXI вв. термин ЛСГ получил достаточно широкое распространение, в том числе применительно к таким объединениям слов, которые обозначают человека с различных точек зрения. Так, Л.В. Лаврова в диссертационном исследовании [Лаврова, 1984] провела анализ ЛСГ слов, характеризующих человека, в первую очередь прилагательных и существительных, передающих анатомические и психологические свойства человека [Лаврова, 1984].

Поскольку характеристики человека в языке могут быть самыми разными, обычно анализируются отдельные ЛСГ с той или иной общей семантикой: ‘особенности черт лица’, ‘частей тела’ и др. [Менон, 1985]; ЛСГ прилагательных, характеризующих здоровье человека [Щепина, 2006]; ЛСГ наименований (терминов) родства в литературном языке и в народной разговорной речи [Николенко, 2006]; ЛСГ наименований лиц по профессии в русской и китайской лингвокультурах в сопоставлении [Лю, 2012]. В составе ЛСГ могут выделяться и анализироваться ещё более частные лексические объединения. При этом основания для дробления группы могут быть следующими:

- лингвистическими (связанными с семантикой, происхождением, частью речи и другими особенностями входящих в ЛСГ языковых единиц), например, при анализе ЛСГ наименований лиц русского языка выделяются и анализируются заимствованные англоязычные единицы [Сидоренко, 2004];

- экстралингвистическими (связанными с особенностями человека, его тела, мышления, психологии, выполняемых им в обществе функций и т. п.), например, рассматриваются ЛСГ наименований головы и её частей [Суховей, 2003], ЛСГ слов со значением ‘носители власти’ [Амангалиева, 2013], ЛСГ прилагательных, выражающих цвет кожи лица человека [Хасанова, 2015], и т. п. В этом случае иногда используется термин «тематическая группа».

Лингвистические и экстралингвистические основания объединения единиц в ЛСГ могут сочетаться, например, при анализе имён прилагательных ЛСГ ‘психические характеристики человека’ [Васильева, Ташлыкова, 2014], ЛСГ имён прилагательных, обозначающих положительные качества человека [Саттарова, Абдуллаева, 2018], фразеологизмов ЛСГ ‘части тела человека’ [Чжу, 2020] и др.

**Тематическая группа (ТГ)**, по мнению Л.М. Васильева, включает слова, объединённые темой или тематической ситуацией, например, ‘спорт’ или ‘театр’, но не имеющие в составе значения общей семы (архисемы, ядерной семы) [Васильев, 1971: 110]. Данное объединение слов отличается от ЛСГ тем, что выделено на основании не лингвистических, а экстралингвистических характеристик.

В лингвистике рассматриваются различные ТГ «антропоцентрического» содержания. Так, ТГ «человек» анализируется на материале говоров Тамбовской области [Нивина, 2003]; лексика ТГ ‘характер и поведение человека’ – на материале говоров Ивановской области [Шулякина, 2014], фразеологизмы ТГ ‘человек’ – на материале русского, чешского, украинского и польского языков [Курьянович, Дубина, 2022] и т. п.

Понятие «**лексико-тематическая группа**» сформировалось на пересечении рассмотренных выше понятий «ЛСГ» и «ТГ», объединяет их характеристики и используется как синоним к ним. В этом случае обычно имеется в виду совокупность лексических средств, объединённых тематически, по содержанию, то есть объединяются лингвистические и экстралингвистические критерии формирования группы.

Лексико-тематические группы, включающие наименования человека по различным признакам, рассматривают С.П. Праведников [Праведников, 1994], С.М. Тиллоева [Тиллоева, 2016], Т.М. Урюпина и П.В. Седова [Урюпина, Седова, 2018] и другие лингвисты.

Внимание исследователей привлекают ТГ, обозначающие «детство (детский возраст)» [Моспанова, 2022], ЛСГ «старость» [Лаптева, 2018] и т. п. Наличие объединений слов на основе семантики возраста и их значимость в системе языка не представляют сомнений для исследователей, а вот относительно наименования данной группы (тематическая, лексико-семантическая, лексико-тематическая) существуют разногласия. Очевидно, речь в большинстве случаев идёт о синонимичных терминах.

Определим термины «лексема», «лексико-семантический вариант», «фразеологизм», «идиома», «синтаксема», «коллокация», «эвфемизм», используемые в работе.

Термин **лексема** используется в лингвистической литературе в разных значениях. Так, в терминологическом словаре он определяется как «слово, рассматриваемое как единица словарного состава языка в совокупности его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий, а также возможных конкретных смысловых вариантов; абстрактная двусторонняя единица словаря» [Булыгина, Крылов, 1998: 257]. В нашей работе термин понимается по-другому - в соответствии с определением Ю.Д. Апресяна: «лексема – это слово в одном из его значений» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2003: 29]. То есть лексема – это двусторонняя единица, рассматриваемая в совокупности его конкретных грамматических форм, соотнесенных только с одним значением (лексико-семантическим вариантом). При таком понимании многозначное слово может быть представлено несколькими лексемами, в состав СП 'возраст' многозначное слово может входить одним значением либо (реже) несколькими, в последнем случае после лексемы приводится номер.

Термин «**лексико-семантический вариант**» (ЛСВ) употребляется как синоним «значение слова», обозначает план содержания лексемы. Впервые этот термин появился в трудах А.И. Смирницкого, определившего ЛСВ как

«такие варианты слова, которые различаются своими лексическими значениями (причем различие между этими значениями не выражается в их звуковых оболочках)» [Смирницкий, 1954: 36]. У слова в разных значениях, то есть у разных лексем, может быть различная сочетаемость: именно в контексте становится ясно, какой ЛСВ выбран говорящим (или создан им при переносном, метафорическом использовании).

Термин **«фразеологизм»** (фразеологическая единица) понимается в нашей работе в русле широкого понимания фразеологии, представленного в трудах И.А. Мельчука, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, М.Л. Ковшовой и других исследователей, как особый знак языка, обладающий неоднословностью, устойчивостью и идиоматичностью [Баранов, Добровольский, 2024: 9]. Фразеологизмы, как отмечает М.Л. Ковшова, продолжая традицию лингвокультурологического подхода, представленного в работах В.Н. Телия, представляют собой особые знаковые единицы, семантика которых неразрывно связана с культурной коннотацией. Таким образом, фразеологизмы являются лингвистическими единицами, которые демонстрируют тесную связь с культурой, из которой они произошли. Их семантика и образность отражают исторические события, социальные обычаи, верования и другие культурные феномены, что делает их ценным инструментом для исследования культурных особенностей и эволюции языка [Ковшова, 2016: 23 и след.].

В рамках широкого подхода к фразеологии в ее состав включаются единицы с разной степенью устойчивости состава. Идиомы (в традиционной классификации В.В. Виноградова – фразеологические единства и фразеологические сращения) обладают, помимо воспроизводимости, свойством идиоматичности, то есть несводимости значения целого фразеологизма к сумме значений составных компонентов. М.Л. Ковшова определяет идиомы как фразеологизмы с полным переосмыслением исходных значений компонентов [Ковшова, 2016:12]. Таким образом, идиомы

состоят из двух и более компонентов-слов, которые утратили свое лексическое значение и обрели слитное фразеологическое значение. Идиомы составляют центральную часть фразеологической системы языка и обладают наиболее высокой степенью нерегулярности [Баранов, Добровольский, 2024: 11].

Коллокация определяется как комбинация двух или более слов, отличающаяся «совместной встречаемостью», это «слабоидиоматичные фразеологизмы» [Ковшова, 2016:12]. В традиционной классификации В.В. Виноградова коллокациям соответствуют фразеологические сочетания, в состав которых входит компонент со свободным и компонент с фразеологически связанным значением, значение фразеологического сочетания складывается из значений компонентов.

В корпусной лингвистике коллокация рассматривается как последовательность слов, встречающаяся в тексте чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайного распределения слов. Д. А. Палийчук дает определение коллокации как статистически устойчивого словосочетания, которое может быть как фразеологизированным, так и свободным [Палийчук, 2022].

В рамках широкого подхода к фразеологии включаем в ее состав также синтаксемы – падежные или предложно-падежные формы с определенным категориальным значением и ограниченными синтаксическими возможностями. Это номинативные и коммуникативные единицы, являющиеся «началом сегментации речевого потока» [Жеребило, 2016: 522]. Синтаксемы являются единицами семантического синтаксиса, у которых на передний план выступает передаваемое ими значение [Оспанова, Котова, 2018: 300]. Их описывают как «элементарные синтаксические единицы глубинной структуры предложения» [Бабаханова, 2007: 146]; при этом обычно имеется в виду, что синтаксемы выражают предельно значимую семантику, определённым образом формирующую семантическое пространство

предложения и текста. Выделяются предикативные синтаксемы, соответствующие предложению, высказыванию, и непредикативные, соответствующие словосочетанию, которое, как правило, характеризуется какой-то степенью устойчивости.

Непредикативные синтаксемы выполняют в языке номинативную функцию, именуют то или иное явление, в нашем случае связанное с возрастом. Отличие от идиом в том, что в состав синтаксема представляет собой предложно-падежную конструкцию, а компоненты идиомы – слова, которые связаны более тесно, они образуют неделимую структуру, равную слову (соответственно, они фиксируются в словарях фразеологизмов). Кроме того, есть отличие в степени образности: идиомы, как правило, представляют собой образные выражения, а синтаксемы не являются образными.

**Эвфемизм** определяется в терминологическом словаре как «более мягкое выражение вместо грубого или непристойного» [Жеребило 2016: 573]. Эвфемизмы могут быть различными с точки зрения причин, по которым происходит замена табуированного слова или сочетания. Магические эвфемизмы используются, если табуирование связано с суевериями, верой в какие-то сверхъестественные силы (к примеру, *нечистый* вместо *дьявол*), эвфемизмы обценной лексики помогают не использовать грубые ругательства (*ёлки-палки, блин*), политические эвфемизмы помогают скрывать какие-то неприятные для людей явления и манипулировать их сознанием (*отрицательный рост* вместо *падение*).

Семантика возраста не относится к основным табуированным сферам, на которые обычно указывают исследователи в связи с эвфемизацией ([Крысин 2004: 286]. Однако в связи с широкой распространённостью в настоящее время эвфемизации для наименования людей по возрасту (обычно старшему) понятие «эвфемизм» является актуальным для нашего исследования.

Эвфемизация по признаку возраста свойственна этикетным эвфемизмам. Их использование в языке связано с социальными отношениями: «Эвфемизмы заменяют прямые обозначения в сфере социальных отношений, являясь попыткой уменьшить социальную напряженность» [Сеничкина 2008: 3]. С помощью эвфемизмов обозначаются явления, прямое наименование которых может быть неприятно для собеседника или читателей. Эвфемизмы такого типа призваны сделать общение более вежливым, уважительным по отношению к другим людям, в то же время они демонстрируют тенденции, существующие в коммуникации, например, понимание пожилого возраста как неприятного, неприглядного.

М.Л.Ковшова указывает, что «отличительными признаками эвфемизмов являются семантическая редукция, семантическая неопределенность и формальный характер улучшения денотата» [Ковшова, 2016:12].

М.Л.Ковшова отмечает эвфемистическую функцию фразеологизмов, посвящая ей целый раздел своей монографии, указывает, что «главной единицей для смягчения речи является устойчивое сочетание» [Ковшова, 2016:366] и предполагает эвфемистический потенциал у любого фразеологизма. Однако автор отмечает, что далеко не все устойчивые эвфемистические сочетания являются идиомами, и использует термин «сверхсловные эвфемизмы», которые могут быть как общеязыковыми, так и окказиональными [Ковшова, 2016: 366-367]. Эвфемизмы тематической группы «старение» рассматриваются в статье И.В.Лаптева [Лаптев 2015]. Автор подробно рассматривает устойчивое выражение *возрастные изменения* в значении 'старение' на материале рекламных текстов, отмечая что до 1977 года сочетание употреблялось как свободное [Лаптев 2015: 47].

#### **1.4. История изучения актуальных процессов в русской лексике**

Язык, особенно на лексико-семантическом уровне, постоянно развивается, характеризуется динамикой, которая несомненна для лингвистов и вызывает их постоянный исследовательский интерес. Новыми явлениями в

языке и речи занимается **неология**, она определяется как «раздел лингвистики, в котором изучаются активные процессы в лексике и фразеологии» [Жеребило, 2016: 266]. В некоторые периоды развития общества данные процессы становятся более интенсивными, и в настоящий момент в русском языке наблюдается активизация образования новых слов, длящаяся уже несколько десятилетий [Тогоева, 2000: 3]. Новые слова и сочетания возникают и закрепляются в языке не только вследствие появления новых предметов, нуждающихся в наименовании, но и с целью удовлетворения потребностей говорящих в новом слове, в творческой интерпретации имеющихся языковых единиц, в собственной вербальной самореализации.

Развитие неологии как новой отрасли российского языкознания было ускорено в конце XX века «настоящим неологическим взрывом» [Сенько, 2000: 3], обусловленным, в первую очередь, экстралингвистическими факторами.

Процессы развития языка могут объясняться как внешними, так и внутренними законами. Если действие внутренних законов развития языка (как и диктуемые ими изменения в фонетической и грамматической системах) объяснить чрезвычайно сложно, а порой и невозможно, то действие внешних законов (вследствие которых происходят трансформация лексики, устаревание слов, появление неологизмов и др.) можно объяснить [Крылова, 2014: 189–191]. Как правило, лексические инновации мотивируются социальными явлениями и обуславливаются их спецификой. В результате этого язык «находится в постоянном движении и развитии, поэтому любые изменения в обществе находят свое отражение в языковой системе» [Шмелькова, 2010: 3]. В лексике постоянно происходят разнообразные процессы, анализ которых становится задачей лингвистов.

Поступательное изменение лексики является непрерывным процессом, происходит всегда, даже в периоды общественной стабильности и отсутствия социальных потрясений, однако в отдельные этапы развития общества

изменения лексики становятся более многочисленными. Активизация лексических процессов произошла в русском языке в конце XX – начале XXI вв., поэтому значительное количество важных исследовательских трудов, посвящённых языковому развитию, появилось именно в этот период. Осмысление актуальных изменений лексики проводили Ю.А. Бельчиков [Бельчиков, 2003], Н.С. Валгина [Валгина, 2003], А.Д. Дуличенко [Дуличенко, 1994], Л.А. Жданова [Жданова, 1996], В.Г. Костомаров [Костомаров, 1994], Л.П. Крысин [Крысин, 2004], Е.В. Сенько [Сенько, 2000], Г.Н. Скляревская [Скляревская, 2001], И.А. Стернин [Стернин, 2004], Л. Ферм [Ферм, 1004], М.Н. Черкасова [Черкасова, 1997] и другие лексикологи.

По образной характеристике Г.Н. Скляревской, стремительность трансформаций в языке «обуславливает впечатление языковых катаклизмов» [Скляревская, 2001: 177]. Возможно, к настоящему времени ощущение «языкового катаклизма» у исследователей несколько ослабло, а анализ языковой практики показал, что необратимых и полностью негативных процессов в русском языке не происходит. Вопрос о степени социальной оправданности лексических изменений требует внимательного изучения.

Большое внимание исследователей привлекает активное появление в современном русском языке **заимствованной лексики**, наблюдаемое уже в течение почти четырёх десятилетий. Действительно, пополнение слов заимствованиями очень наглядно, очевидно для каждого носителя языка, наблюдается часто, поэтому привлекает исследователей в первую очередь. Активизация заимствований на рубеже XX–XXI вв. связана, во-первых, с тем, что появилось множество новых предметов и явлений, нуждающихся в номинации (*слаксы, гамбургер, грант, дайджест, дартс, хоспис* и др.) [Крысин, 2004: 191], а, во-вторых, с тем, что «российское общество стало более открытым и предрасположенным к международным контактам» [Валгина, 2003: 108], а англоязычный характер подавляющего количества

заимствованных лексем объясняется ведущей ролью английского языка как международного.

Англоязычные заимствования появились для обозначения самых разных явлений и в соответствии с этим относятся к таким тематическим областям, как рыночная экономика (*лизинг, ваучер*), политика (*спикер, брифинг*), массовая культура, отдых, развлечения (*сингл, клипмейкер*), техника (*зум, флэши*) и др. [Стернин, 2004: 26–27]. В конце 1980-х – 1990-х гг. большое количество данных слов, только возникнув, сразу стали «общераспространёнными, общепризнанными и общеупотребительными в силу причин нелингвистического характера» [Черкасова, 1997: 5].

Возникновение большого количества заимствований в лексике конца XX века вызвало в этот период множество высказываний по поводу избыточности заимствований, однако уже тогда ведущие лингвисты отмечали в кругу данной лексики «не только явно неоправданные, но и в определенной мере полезные слова» [Костомаров, 1994: 130]. Высказывалось также предположение о том, что со стабилизацией социально-экономической ситуации в стране приток в лексику заимствований затормозится [Стернин, 2004: 29], однако по прошествии времени можно увидеть, что этого не происходит.

Появление в языке **неологизмов** часто связано с процессом заимствования, но может происходить и по активным словообразовательным моделям русского языка. Тематические группы неологизмов такого типа схожи с теми, которые обозначены выше для заимствованной лексики. Новые слова могут обозначать явления массовой культуры и быта (*чернуха, видак*), относиться к политике и власти (*думцы, постимперский*) и др. [Стернин, 2004: 30–31]. В этом отношении важно, что «слова, образованные в русском языке по его словообразовательным моделям, пусть и от иноязычных корней, являются уже собственно русскими, а не заимствованными»: *кринжовый, запостить, чилить* и др. [Крылова, 2023]. Л. Ферм называет «слова,

созданные от иноязычных основ, но по правилам русского словообразования» иноязычными [Ферм, 1994: 132], однако более традиционным является отнесение лексики, образованной от иноязычных основ, к собственно русской [Шанский, Иванов, 1987: 33].

Распространена также семантическая неологизация, при которой новые слова возникают в результате метафоризации, метонимизации, расширения или сужения лексического значения, семантического сдвига, семантико-морфологического способа словообразования [Черникова, 1997].

**Семантические изменения**, возможно, не так наглядны, как заимствование и неологизация, но не менее важны. Новое слово, как при семантической неологизации, не образуется, а вот значение имеющегося слова в какой-то степени (немного или сильно) меняется, что отражается, как правило, на его коннотациях, выражаемых им оценках, сферах его использования. Происходит семантическая трансформация значений многих слов, в результате которой они меняют свою семантику.

Ещё одна разновидность семантических изменений, ставшая актуальной в конце XX века, – «снятие идеологических наслоений в семантике словесных знаков» [Шевелёва, 2011: 6]. Такое изменение произошло, к примеру, с лексикой сферы «Досуг» (*турист, азартная игра, шопинг* и др.), когда получение удовольствий от досуга и развлечений перестало восприниматься в обществе как что-то предвсудительное [Там же: 12].

К динамическим языковым процессам относится также расширение сферы использования в русском языке **лексики ограниченного употребления**, в том числе профессионализмов и жаргонизмов. Лексика и фразеология такого плана существуют в языке с древних времён и связаны с делением общества на социальные группы по профессии, по виду деятельности, по интересам. Обычно данные единицы достаточно хорошо локализованы, ситуативны и применяются для коммуникации людей, относящихся к определённой социальной группе, редко выходя за пределы

данной группы, маркируя её членов. Однако на современном этапе развития русского языка наблюдаются процессы перехода лексики ограниченного употребления в сферу общего употребления. К примеру, в результате «перераспределения словесных языковых знаков между различными подсистемами» она употребляется в современных публицистическом, политическом и рекламном дискурсах.

Пополнение общеупотребительной лексики и фразеологии за счёт лексики ограниченного употребления, в первую очередь профессионализмов и жаргонизмов (сленгизмов, арготизмов) В.Г. Костомаров характеризует как «внутреннее заимствование» [Костомаров, 1994: 89].

Отношение к данному актуальному процессу в лингвистике различное. В ряде публикаций отмечается, что проникновение в общеупотребительный словарь лексики ограниченного употребления «способствует не столько развитию системы литературного языка, сколько его деформации» [Там же: 476].

Словарный состав языка очень подвижен и обогащается за счёт самых разных ресурсов. Можно выделить отдельные **лексико-семантические группы**, в пределах которых изменения в определённые периоды развития общества становятся более интенсивными. Л.А. Жданова выявляет устойчивые и подверженные изменениям ЛСГ в составе общественно-политической лексики и рассматривает изменения, которые произошли в этой лексике в 1990-х гг. на материале периодической печати [Жданова, 1996: 3].

Изменения в области **литературной нормы** на рубеже XX–XXI вв. представляют собой её «смягчение», происходившее «под влиянием мощных процессов демократизации русского литературного языка, наблюдаемых в конце XX столетия» [Бельчиков, 2003: 44]. Более широкая представленность нарушений литературной нормы в информационном поле, по нашему мнению, связана не столько с тем, что ошибок действительно стало больше, сколько с тем, что у людей разного уровня грамотности появилось больше площадок для

самореализации, в первую очередь, в интернете: на сайтах, в чатах, социальных сетях, мессенджерах и др. Нельзя сказать, что нарушение языковой нормы в интернет-коммуникации не тревожит носителей языка: комментарии пользователей интернет-порталов по поводу таких нарушения многочисленны и демонстрируют «критическое отношение к использованию языка в интернет-общении» [Бабенкова, 2020: 109].

Ещё один активный процесс в современном русском языке – **устаревание лексических единиц**, переход их в пассивный состав языка и противоположное явление – **деархаизация** устаревшей лексики, возвращение её в активный словарный состав.

Каждое новое явление, возникающее в лексическом составе языка, вызывает у учёных стремление оперативно описать, осмыслить и оценить его. Исследователями отмечаются сочетание в медиатексте новой и актуализированной устаревшей лексики и фразеологии [Генералова, 2021: 180]; диффузные процессы между активным и пассивным языковым составом языка [Никифорова, 2021: 104]; непрекращающиеся «стремительная адаптация и распространение иноязычных слов» в новостных СМИ [Бурунова, 2021]; постоянное появление в русском языке новых метафор (*транспортный инфаркт, коррозия нравственности* и др.) [Гасанова, 2022]; перекодирование, ассимиляция заимствованной лексики (*арты* – ‘рисунки’, *бабушка-блогер*, и др.), указывающие на высокую степень её освоения [Меркулова, Проценко, 2022]; активное развитие терминологии образования (*инклюзия, наноурок, кибер-каникулы, vip-консультация, диверсификация образования* и др.) [Заварзина, 2023]; отражение в языке цифровизации [Зубкова, Бурдовская, 2024] и другие живые лексические процессы.

Рассматриваются значительные трансформации, произошедшие в русской лексике в период пандемии COVID-19 в 2020–2023 гг. Языковые новообразования в это время отразили «знания об изменившейся

действительности и связанных с этими изменениями новых условиях коммуникации» [Радбиль, Рацибурская, Палоши, 2021: 63].

Инновационные процессы в современной русской лексике настолько активны и очевидны, что не оставляют равнодушными не только лингвистов, но и представителей широкой общественности (учителей, преподавателей, работников культуры, журналистов и др.). В общественном мнении под влиянием желания людей затормозить языковое развитие наблюдается явление, получившее в науке наименование **«языковой пуризм»** и представляющее собой «консервативное стремление к сохранению языка в неизменном виде, к ограждению его от каких бы то ни было новшеств, заимствований» [Лагута, 1999: 45]. Наибольшее порицание со стороны языковых пуристов получает заимствованная лексика. Большинство современных исследователей оценивают лексические изменения позитивно. К примеру, М.Н. Крылова утверждает по поводу пополнения русского языка иноязычными элементами: «...Заимствованные слова – естественный компонент языка, и нет необходимости тревожиться о русском языке, который по-прежнему велик, гибок, динамичен, который способен самостоятельно разобраться в том, нужно ли ему каждое конкретное иноязычное слово» [Крылова, 2023].

В современном языкознании закреплено научно обоснованное представление о том, что русскому языку необходимо доверять в плане освоения им лингвистических новшеств, а сами эти новшества достойны не отрицания, а внимательного изучения.

Итак, особенностью активных процессов в русском языке является их внешняя, экстралингвистическая обусловленность. Лексика и фразеология отражают всё происходящее в обществе и оперативно реагируют на любое изменение – в жизни, в политике, в мышлении людей, в их восприятии реалий окружающей действительности, в их аксиологических системах. Данное общее положение касается, в числе прочего, лексики и фразеологии, с

помощью которых в современном русском языке происходит номинация людей по признаку 'возраст'.

### **1.5. Краткая характеристика словарей, использованных в работе**

#### **«Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой**

Определение «семантический» в названии – это характеристика словаря по способу расположения толкуемых единиц, отражающего иерархическую организацию лексики. Данный словарь является идеографическим. Идеографические словари (в другой терминологии – идеологические, семантические, тематические, тезаурусы) – это словари, в которых единицы описания расположены не формальному (алфавитному) признаку, а по семантической общности, хотя элементы алфавитного (а в данном словаре – и гнездового) способов расположения также применяются. Именно идеографический словарь отражает в явном виде членение окружающей действительности, закреплённое в языке, и фиксирует семантические объединения слов.

Актуальность идеографических словарей возросла в связи с разработкой в лингвистике теории поля. А.С. Белоусова и Е.С. Копорская называют подобные лексикографические труды словарями «принципиально нового жанра, в которых описывается внутренняя организация лексического состава русского языка, его понятийное ядро и историко-культурный фон его формирования» [Белоусова, Копорская, 2015: 35]. В таких словарях единицей описания (единицей словника) является отдельное значение слова, разные значения одного слова могут входить в разные группы.

Многоступенчатая иерархическая классификация лексической системы отражена в рамках лексического древа и представлена в словаре совокупностью схем и отражена в терминах «макрокласс», «лексический класс», «лексические множества и подмножества», «лексико-семантический

ряд» – «конечная единица лексического древа, которое объединяет в себе словозначения, находящиеся в отношениях непосредственной семантической близости или непосредственной семантической противопоставленности» [РССШ, 1: 10].

Таким образом, элементарный объект словарного описания – лексическое значение – входит в лексико-семантический ряд (ЛСР), через него – в лексическое множество, а через посредство множества – в лексическую систему класса и в структуру данной части речи в целом. Условно будем считать, что ЛСР как минимальные объединения лексем, выделенные в словаре, соотносятся с лексико-семантическими и тематическими группам, традиционно выделяемыми в составе семантических полей.

«Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой – это академический словарь. Он был задуман как 6-томное издание, в 1998 г. вышел том 1, включающий «слова указующие (местоимения) и слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос)» [РССШ 1: 1]; всего в нём 39 000 слов и фразеологических выражений. В целом во всех 6-и томах планировалось представить около 300 000 словарных статей, но вышло только 4 тома словаря.

Данный словарь является толковым, словарная статья устроена примерно так же, как и в традиционных толковых словарях с алфавитным расположением слов: включает сведения об ударении, грамматических признаках слова, его семантике, а также примеры употребления слова в речи.

Словарная статья состоит из компонентов (зон):

- слово с ударением (полужирный шрифт, прописные буквы);
- грамматические сведения о нём, при необходимости – сведения о произношении;
- стилистическая помета;

- при необходимости помета, указывающая на хронологические рамки существования слова;
- толкование (объяснение лексического значения, дефиниция);
- при необходимости энциклопедические сведения;
- примеры употребления слова;
- фразеологические единицы;
- ближайшие словообразовательные связи (в этой зоне в рамках полугнездового способа расположения представлены, в частности, относительные прилагательные, производные от заглавного существительного).

Рассмотрим ЛСР «По возрасту, а также по возрасту в сочетании с другими характеристиками». В его состав входят лексемы, расположенные в алфавитном порядке: *большой, взрослый, грудник, грудничок, детище, детка, дитя, капелька, каплюшка, клоп, кроха, крохотуля, крошка, маленький, малолетка, малолетний, малыш, малышка, малютка, малявка, младенец, младший, молодой, новорождённый, пигалица, подросток, престарелый, пятилеток и пятилетка, ребёнок, ребятёнок, семилеток и семилетка, старший, хрыч, чадо, шестилеток и шестилетка* [РССШ 1: 329–330].

Как видим, в состав лексико-семантического ряда входят слова различной стилистической окраски. Они сопровождаются соответствующими пометами: *грудничок, детка, каплюшка, кроха, крохотуля, крошка, маленький, малолетка* и др. – «разг.» (разговорное), *капелька* – «ласк.» (ласковое), *малолетний* – «офиц.» (официальное), *клоп, пигалица* – «разг. шутл.» (разговорное шутливое), *ребятёнок* – «прост.» (просторечное), *хрыч* – «прост. презр., также бран.» (просторечное презрительное, также бранное). Помету, указывающую на хронологию, имеет слово *чадо* – «устар. и ирон.» (устарелое и ироничное). Каждая лексема пояснена отдельной словарной статьёй, структура которой описана нами выше. Приведём пример одной из словарных статей:

**Маля’вка**, -и, *род. мн.* -вок. 3. О маленьком ребёнке (разг.). *М., а уже всё понимает* || *уменьш. малявочка*, -и, *род. мн.* -чек, *м. и ж.* [РССШ 1: 330].

Несомненно, семантическая информация, содержащаяся в словаре, достаточно полна. Микроструктура данного словаря в целом схожа с микроструктурой обычного толкового словаря, но принцип расположения слов даёт возможность продемонстрировать системные отношения между словарными единицами. В приведённом примере можно увидеть, что слова обозначают детский возраст и одновременно включают указания другие характеристики, отличаются друг от друга семантически и стилистически.

Макроструктура словаря обусловлена принципом его организации. Помимо привычных элементов в начале словаря (предисловия, условных обозначений и т. п.), она включает значительное количество специфических элементов в конце словаря, занимающих в целом 170 страниц (более 20 % объёма словаря). Это словоуказатель (алфавитный указатель) и сводный порядок схем (66 схем, наглядно и графически представляющих структуру семантических объединений в словаре).

### **«Новое в русской лексике. Словарные материалы»**

Активные исследования изменений в лексике ведутся Институтом лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН), где регулярно проводятся конференции, издаются сборники трудов, посвящённых актуальным вопросам современной науки о словарях. Этот авторитетный научный институт уделяет большое внимание обнародованию словарей на платформе своего сайта, где уже сегодня представлено много словарей, справочников, сборников, в том числе – «Новое в русской лексике. Словарные материалы» с указанием в названии года (ежегодно – от 1977-го до 1994-го). Издавался в течение многих лет (годы выхода сборников – с 1980 по 2021). Слова в изданиях приводятся с грамматическими пометами, иллюстрациями употребления, указанием на способ словообразования и другой информацией. Рассмотрим пример:

## **РОБОКО́УЧ, а, м.**

*Власти Сингапура реализовали проект по разработке робота-тренера. Робот женского пола будет заниматься зарядкой с пожилыми людьми и обучать их физическим упражнениям. Цель проекта – помочь пожилым держать себя в форме, а также преодолеть цифровой барьер. Так называемый «робокоуч» стал частью проекта по преодолению цифрового барьера для пожилых людей в возрасте старше 50 лет. Большой город*  
14.10.2015.

– Англ. **RoboCoach, robocoach; робо...** (относящ. к робототехнике) + **ко́уч** [НРЛ 2015: 75–76].

Приведен пример использования слова и информация про его происхождение. Отметим, что слово вносилось в такой сборник даже при условии его единичного употребления в СМИ, что, возможно, было не совсем верно, поскольку такое слово могло быть не неологизмом, а окказионализмом.

На сайте Института лингвистических исследований РАН помещены все 24 выпуска данного сборника [ИЛИ РАН].

Новые словари неологизмов русского языка издаются ИЛИ РАН и другими научными организациями регулярно, что отражает динамику развития русского языка, постоянно пополняющего свой словарный состав. Сами названия словарей часто отражают социальные и политические причины изменения словарного фонда языка. К примеру, в 1992 году вышел «Словарь перестройки» В.И. Максимова, вобравший в себя новую лексику, появившуюся в русском языке в период перестройки, начиная с 1885 г. [Максимов, 1992].

Словарные статьи данного словаря делятся на две неравные части:

– часть небольшого объёма, в которой приведено слово с ударением, грамматические пометы и лексическое значение;

– часть большого объёма, представляющая собой несколько примеров (обычно 2–3), каждый из которых помещён в отдельный абзац, выделен курсивом и сопровождается указанием источника.

Такая структура обеспечивает словарю большую убедительность, богатую иллюстративность.

Перечислим ещё несколько словарей, отражающих новую лексику и фразеологию: [Скляревская 1998]; [Скляревская 2006] и др. Один из новейших словарей неологизмов – «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», вышедший в 2021 г. в ИЛИ РАН [СРЯКЭ: 2021].

Подобные словари показывают, что лексикологи и лексикографы, специалисты по неологии, работают очень оперативно, стремясь отразить актуальные сведения о новых и обновлённых (актуализированных) словах, появляющихся в русском языке постоянно.

В практической главе диссертации анализ лексики и фразеологии русского языка со значением ‘возраст человека’ осуществляется с опорой на рассмотренные выше словари («Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой, словари новых слов ) и другие словари русского языка. Внимание обращается прежде всего на наиболее актуальную лексикографическую информацию о лексике и фразеологии с интересующей нас семантикой.

## **1.6. Выводы**

В первой главе освещается история изучения лексики с семантикой возраста и актуальных процессов в русском языке, раскрываются основные термины и понятия, используемые в работе.

1. В отличие от многих других характеристик взрослого человека возраст является динамической характеристикой, причём его изменение объективно и не зависит от субъективных факторов, например, от желания

человека. Эти факторы определяют особое восприятие людьми возраста, нашедшее отражение в языке.

2. В лингвистических исследованиях, посвящённых лексике со значением 'возраст человека' поднимаются самые разные вопросы: данная лексика изучается в диахроническом, синхронном, системном и сопоставительном аспектах, в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов, в связи с категорией темпоральности. Лингвистами выделяется и рассматривается концепт 'возраст' и связанная с ним концептосфера, отмечается, что представления о возрасте, закреплённые в языке, могут быть универсальными и национально-специфичными.

3. Параметру 'возраст человека' свойственна социальная обусловленность, которая должна быть раскрыта на лингвистическом материале с опорой на такие понятия смежных гуманитарных дисциплин, как «возрастная норма», «возрастные роли», «возрастные стереотипы».

4. Активное изменение лексики современного русского языка становится предметом внимания многих лингвистов, при этом в современном языке выделяются и изучаются заимствованные слова и неологизмы, семантические изменения, более активное использование лексики ограниченного употребления, смягчение, ослабление литературной нормы, устаревание лексических единиц, их деархаизация и другие процессы.

## ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА’ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

### 2.1. Общая характеристика семантического поля ‘возраст человека’ в русском языке

Лексические средства, репрезентирующие СП ‘возраст человека’, отражают биологическую и социальную природу возраста, а также понимание возраста носителями языка. Состав СП является многочисленным, включает слова и фразеологизмы, имеющие в значении (прямом или производном) компонент ‘возраст’ в качестве центрального или периферийного. Некоторые многозначные слова входят в состав поля единственным значением, другие представлены несколькими значениями.

Новые явления в составе и функционировании единиц поля определяются относительно рубежа XX и XXI веков с опорой на толковые словари, изданные в конце XX века. За основу для определения «исходного» лексического состава СП взяты материалы идеографического «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [РССШ]. (Выбранные из этого словаря единицы с толкованиями приведены в Приложении). Для анализа привлекаются и другие толковые словари конца XX века, прежде всего [МАС 1999], [Ожегов Шведова 1992]. «Исходный» состав фразеологии определяется по «Фразеологическому словарю русского языка» А.И. Фёдорова [Фёдоров 2008].

Стилистическая окраска слов и фразеологизмов, составляющих СП ‘возраст человека’, различна. Основу семантического поля составляет стилистически нейтральная лексика: *юность, ребёнок, молодой, взростеть* и др., однако стилистически окрашенные слова также очень важны, поскольку с их помощью говорящие выражают своё отношение к возрастным характеристикам и поступкам людей, соотносимым с возрастной нормой. Стилистически маркированные слова могут обладать:

- разговорной стилистической окраской: *детвора, заневеститься* («достичь того возраста, когда выходят замуж» [МАС 1999, 1: 549])<sup>1</sup>;
- книжной стилистической окраской: *инфантильный*;
- просторечной окраской: *заматерелый, заматереть* («достигнуть зрелого возраста, возмужать» [МАС 1999, 1: 541]);
- просторечной и бранной окраской: *хрыч*;
- просторечной и пренебрежительной окраской: *сосунок, старичё*;
- книжной и специальной окраской: *геронтология, геронтологический* (относящиеся к соответствующей науке), *климактерий (климакс)*, *климактерический* (медицинские) и др.

Значительное количество лексики и фразеологии со значением ‘возраст’ находится за пределами русского литературного языка (просторечные, диалектные, жаргонные слова и фразеологизмы). Такие единицы включены нами в состав поля, если представлены в словнике «Русского семантического словаря» под ред. Н.Ю. Шведовой, взятого нами за основу, однако специальному рассмотрению они не подвергаются, хотя представляют собой многочисленный и интересный объект исследования, в том числе в динамическом аспекте (ср., например, недавние неологизмы с возрастной семантикой: *скуф, скуфский, скуфить, альтушка*). Эти пласты лексики составляют перспективу исследования.

СП ‘возраст человека’ может быть представлено в виде концентрических кругов и включает ядро (центр), приядерную зону и несколько зон периферии (ближнюю, дальнюю и крайнюю). Для СП ‘возраст человека’ **ядерной единицей** является слово *возраст* в основном значении, соответствующем семе ‘возраст человека’, представленной в семантике всех единиц, поля. Определяющим для отнесения единицы к той или иной зоне СП является место компонента ‘возраст человека’ в её значении и стилистические характеристики единицы. Все единицы, для которых семантический

---

<sup>1</sup> Здесь и далее стилистическая окраска указывается по пометам, данным в МАС.

компонент 'возраст' не является центральным, а также все стилистически маркированные единицы, отнесены к периферии СП.

### **2.1.1. Слово *возраст* как репрезентация категоризирующего признака: семантическая структура, внутренняя форма, деривационные связи**

Лексическая единица *возраст* – ядерная для СП 'возраст человека', она обладает наиболее общим по сравнению с другими единицами поля значением и одновременно соответствует семе 'возраст', наличествующей в семантике всех единиц данного семантического поля. Основное значение слова *возраст* определяется в толковом словаре как «количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет; период, ступень в росте, развитии человека, животного, растения» [МАС 1999, 1: 201]. Таким образом, в основном значении слово относится не только к человеку, однако прежде всего к нему, поэтому является ядерной единицей СП 'возраст человека'. На наш взгляд, более широкое значение (по сравнению с заданным в названии рассматриваемого СП) не мешает слову *возраст* быть ядерной единицей поля в силу антропоцентричности языка: именно возраст человека отражен в наибольшем количестве отдельных номинаций (по сравнению с животными, растениями и др.). Заметим, что обозначения возрастных этапов животных и растений и других существ могут входить в крайнюю периферию СП 'возраст человека' в переносных значениях (*щенок, жеребенок, котенок, поросенок, бутон* и пр. о человеке).

Семантика слова *возраст* предполагает в качестве обязательной точку отсчета («рождение, появление на свет»), от которой исчисляется возраст, и количественный параметр, поэтому возраст может быть оценен как *большой / маленький, большой / меньший*, а количество лет – как *много / мало*. Этот начальный этап (рождения) оценивается как неизменный, в то время как сам возраст является динамическим показателем, предполагающим периодичность, наличие ступеней, изменяемость, рост.

Внутренняя форма слова *возраст* отражает его связь с глаголом *расти* и представление об изменении физического роста в течение жизни человека. Хотя не каждый возраст человека связан с определённым ростом (маленький рост характерен для детей, невысокий – для подростков, высокий, обычный – для людей всех остальных возрастов), именно в течение первых лет жизни изменения в человеке наиболее явны, подтверждаются ростом как процессом и изменением роста как параметра. Кроме того, этимологически слово восходит к глаголу *возрастать* (от которого образована с помощью нулевой суффиксации), то есть в его семантику заложено изменение количества прожитых человеком лет в сторону увеличения. Префикс *воз-* имеет значение, мотивирующее данную семантику: ‘поднять или подняться вверх или наверх с помощью действия, названного мотивирующим словом’ [Ефремова 2000]. Поэтому слово *возраст* можно назвать мотивированным, имеющим прозрачную, ясную внутреннюю форму.

Будучи производным словом, образованным от глагола *возрастать*, *возраст*, в свою очередь, является производящим словом для других лексических единиц: *возраст-н-ой* (имя прилагательное, образованное суффиксальным способом) и *по-вóзраст-н-ый* (имя прилагательное, образованное префиксально-суффиксальным способом) [Тихонов, 2014: 108]. Кроме того, от слова *возраст* образуется прилагательное *великовозрастный* – ‘вышедший из школьного возраста, старше, чем следует для данного состояния, положения’ [МАС 1999, 1: 147] с помощью сложения основ с одновременной суффиксацией. Производные *повозрастный* и *великовозрастный* относятся к периферии СП, являются стилистически маркированными.

Основное значение слова *возраст* является номинативным свободным стилистическая окраска нейтральная. Стандартная сочетаемость достаточно широкая. По данным сетевого словаря сочетаемости Картаслов.ру, лексема может вступать в соединения:

– с прилагательными, находящимися в препозиции (*средний, разный, неопределённый, ранний возраст* и др.);

– с существительными, находящимися в постпозиции, – как главное слово (*возраст человека, ребёнка, земли, вселенной* и др.);

– с существительными, расположенными в препозиции, – как зависимое слово (*определение, проблема, признаки возраста* и т. п.), в том числе будучи осложнено согласованным определением (*дети дошкольного возраста, люди среднего возраста, дама бальзаковского возраста* и др.);

– с глаголами – как субъект (*возраст приближался, колебался, сказывается, подошёл* и др.);

– с глаголами – как аргумент (*достигнуть возраста, определить возраст, находиться в возрасте, судить по возрасту* и т. п.), в том числе будучи осложнено согласованным определением (*дожить до преклонного возраста, умереть в раннем возрасте* и др.) [Картаслов.ру, 2024].

В русском языке есть устойчивые сочетания с *возраст* в составе: *в возрасте, войти в возраст, выйти из возраста* [МАС 1999, 1: 202] и др. Они будут рассмотрены далее.

Анализ употребления слова *возраст* в современных текстах позволяет сделать ряд наблюдений.

Во-первых, слово *возраст* имеет тенденцию использоваться в составе устойчивых конструкций (синтаксем, коллокаций, идиом). Например: «Гитарист Грэм Коксон добавил, что с **возрастом** стал придавать большее значение тому...» [Газета.ру, 19.05.2023], «В Южной Корее все **мужчины призывного возраста** обязаны служить в армии около двух лет» [Газета.ру, 19.05.2023] и т. п.

Во-вторых, часто слово *возраст* без распространителя обозначает не сам параметр, а конкретный возрастной период, который напрямую не назван и для определения которого важен прагматический фактор, контекст и ситуация. Например: «Мама благодарила, неизменно называя всех шоферов, несмотря

на возраст, “папашами”. А может, они и были “папашами” для молодой тогда мамы?» [НКРЯ 2019]. Схожий пример: «Рассказывал бывалый мужик. Несмотря на возраст, все называли его просто Саня. Без отчества» [НКРЯ 2019]. Здесь имеется в виду ‘старший возраст’. В обоих случаях акцентируются отличия в возрасте между различными субъектами, о которых идет речь.

Слово *возраст* помогает точно описать человека, указать на его ключевые, сущностные параметры, на его положение в системе общества: «Участвовать в голосовании в России имеет право гражданин, достигший 18-летнего возраста» [НКРЯ 2021]. Возраст является параметром, важным с прагматической точки зрения. Посредством указания на возрастной период получают мотивировку те или иные поступки людей, они становятся более понятными с учётом стереотипных представлений о том или ином возрастном периоде: «Но я иногда чувствую себя “меж двух огней”. Возраст такой – тяжёлый. На любое замечание сразу отрицательная реакция (о подростке)» [НКРЯ 2004].

Отмеченные особенности отражают тенденцию к сематической конкретизации, наблюдаемую в значении не только этой, но и других лексем СП ‘возраст человека’, обладающих общей семантикой.

Итак, слово *возраст* обладает прямым свободным номинативным значением, нейтральной стилистической окраской, широкой сочетаемостью и другими признаками, которые позволяют ему стать ядерной единицей СП ‘возраст человека’ в русском языке, выступать как основная лексическая репрезентация признака, категоризирующего это СП.

### **2.1.2. Состав и структура семантического поля ‘возраст человека’**

Вместе с ядерной лексемой *возраст* в ядерную зону (центр) поля мы включаем следующие лексеммы.

– Относительное прилагательное *возрастной* в основном значении (*возрастная психология*).

– Существительные, называющие возрастные периоды: *младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость*, так как в их значениях сема ‘возраст’ является центральной (ср.: «*детство*1- Детский возраст, детские годы. *Друг детства*. □ [Князь Андрей] поехал верхом в отцовскую деревню, в которой он родился и провел свое детство. Л. Толстой, *Война и мир*. Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. Паустовский, *Далекие годы*. [МАС 1999], «*детство*1 - Ранний, до отрочества, возраст; период жизни в таком возрасте» [Ожегов, Шведова 1992]). Аналогично остальные слова.

– Прилагательные, определяющие возрастные периоды (в основных значениях): *младенческий, подростковый, детский, юный, юношеский, молодой, взрослый, пожилой, старый, старческий*, так как в их значениях сема ‘возраст’ является центральной (ср.: «*молодой*1 - Не достигший зрелого возраста, юный [МАС 1999]; «*молодой*1 – не достигший зрелого возраста; *взрослый*1 - достигший зрелого возраста» [Ожегов, Шведова 1992]). Аналогично остальные слова.

– Числительные, в производных значениях фиксирующие количество прожитых лет, календарный возраст, исчисляемый в годах: *двадцатилетний, восьмидесятилетний* и т. п., так как в их значениях сема ‘возраст’ является центральной («*шестилетний*2 – Возрастом в шесть лет. *В комнате Зайкин застаёт своего сына, Петю, маленького, шестилетнего мальчика*» [МАС 1999]).

Данные лексемы дают общую характеристики возраста человека в русском языке, позволяют указать на календарный возраст или возрастной период.

Для компонентов **приядерной зоны** семантика возраста также является основной, однако дополняется иными компонентами значения. К приядерной зоне мы относим следующие лексические единицы.

– Наименования человека через прямое отнесение к возрастному периоду: *ребенок, младенец, мальчик, девочка, подросток, юноша, девушка, мужчина, женщина, старик, старуха*. Центральным компонентом основных значений этих слов является ‘человек’, однако эта сема дополняется указанием на возраст. Словарные толкования не всегда эксплицируют компоненты значений, иногда допуская «порочный круг» в толкованиях (см. ниже), однако очевидно, что для основных значений истолкованных ниже слов центральным является семантический компонент ‘человек’, дополняемый семой ‘маленький возраст’.

*«Мальчик1 - Ребенок, подросток мужского пола. Мальчик лет пятнадцати, кудрявый и краснощекий, сидел кучером. Тургенев, Хорь и Калиныч. — Я был еще совсем мальчиком и из детского возраста едва переходил в юношеский. Арсеньев, Быгин-Быгинен» [МАС 1999].*

*«Ребенок 1. Маленький мальчик или маленькая девочка. Дочери его было 17 лет от роду. Еще ребенком лишилась она матери. Пушкин, Арап Петра Великого. Возле глазка в каменной ограде гимназического двора столпились маленькие ребята. В. Беляев, Старая крепость. || О наивном, неопытном человеке. Скажите сестре Анне, что стыдно ей до сих пор быть ребенком. Гоголь, Письмо М. И. Гоголь, 2 сент. 1851» [МАС 1999].*

Отметим, что во втором значении слово включается в периферию поля: *ребенок2 - Сын или дочь (до отроческого возраста). Месяц тому назад Даша родила. Ребенок ее, мальчик, умер на третий день. А. Н. Толстой, Восемнадцатый год. — Двое их у меня, ребят. Алеша да Катя. Паустовский, Кордон «273»» [МАС 1999].*

В основных значениях рассматриваемых слов сочетаются возрастная и гендерная характеристики: определить, какой из компонентов значений

актуализируется в каждом конкретном случае, можно только на основании употребления в контексте (*мальчик, а не юноша, мальчик, а не девочка*). Например, в предложении: «*Оказывался не Сашка, а другой, незнакомый, парень, совсем еще мальчик*» [НКРЯ 2012] автором намеренно выделена семантика небольшого возраста. Впрочем, во многих контекстах указанные семантические компоненты слова существуют как равноправные. Например: «*Мальчик исполнил распоряжение отца, и неровный почерк стал покрывать чистый лист*» [НКРЯ 2019].

– Глаголы, обозначающие изменения возраста, естественные изменения в человеке, происходящие с возрастом: *взрослеть (повзрослеть), стареть (постареть), возмужать*. «*Взрослеть - Становиться взрослым или взрослее. Люди растут, взрослеют, стареют, подчиняясь ритму годов. Эренбург, Буря*» [МАС 1999].

Остальные единицы СП ‘возраст человека’ мы относим к периферии, выделяя ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. К области **ближней периферии** относим следующие единицы:

– собирательные имена существительные, обозначающие совокупности людей по возрасту: *детвора, молодежь, старичье, ребятня* и др. Ср.: «МОЛОДЁЖЬ, -и, ж., собир. Молодое поколение, молодые люди» [Ожегов, Шведова 1992]).

«*Молодежь., собир. Молодое, подрастающее поколение. Советская молодежь. Демократическая молодежь мира. || Молодые люди; юноши, девушки. В конце узкого зала ---, где тесно стояла молодежь с курсов и университета, раздался смех и хлопки. А. Н. Толстой, Сестры. [На похоронах] была молодежь самых разных возрастов, от мальчиков до юношей в солдатских шинелях или в полинялых студенческих фуражках. Федин, Необыкновенное лето*» [МАС 1999].

– наименования состояний по значению ‘возраст’: *взрослость, детскость, зрелость* и др.

Остальные подгруппы лексики в составе СП 'возраст человека' мы относим к зонам дальней или крайней периферии. В семантике этих лексем сема 'возраст' присутствует, но ядром значений являются другие семантические компоненты.

В **дальнюю периферию** поля входят следующие лексемы и фразеологизмы.

– Слова *поколение, поколенческий* и названия поколений, в том числе термины «теории поколений»: *бумеры, зумеры, миллениалы* и др. Слово *поколение* имеет ядерную сему 'совокупность' и является в некотором смысле дейктиком.

– Существительные и прилагательные, указывающие на социальные роли, функции и статусы, соотносимые с определенным возрастом. В основных значениях этих слов семантика возраста является периферийной по отношению к обозначению социальной роли, но устанавливается носителями языка благодаря соотнесению социальных ролей с тем или иным возрастным периодом (то есть благодаря картине мира и экстралингвистическим знаниям носителей языка): *допризывник, призывник, дошкольник, дошкольный, октябрёнок, юниор, жених, невеста*.

– Прилагательные и наречия, актуализирующие противопоставление биологического возраста и поведения, соответствия или несоответствия возрастным ролям и нормам; *по-взрослому, по-детски, по-стариковски, великовозрастный, малолетний, переросток, перестарок*.

– Глаголы и существительные, обозначающие наблюдаемые или психологические аспекты возрастных изменений и борьбу с ними: *молодеть (помолодеть), молодиться, омоложение* и др.

Мы полагаем, что СП 'возраст человека' обладает и **крайней периферией**, в основном включающей стилистически маркированные единицы, которые передают семантику возраста как экспрессивные синонимы основных номинаций (чаще имеют сниженную стилистическую окраску),

относятся к специальной терминологии и обладают книжной стилистической окраской. К этой зоне поля относятся следующие единицы.

- «Термины родства» в производном значении ‘возраст’: *дядя, тетя, бабушка, дедушка, брат, сестра, сынок, дочка* и др. В семантической структуре таких слов основным является значение, указывающее на степень родства, а «возрастное» значение является производным и стилистически маркированным.

– Метафорические номинации: *увядание, осень жизни, расцвет жизни, закат жизни*.

– Оценочные и экспрессивные слова (*сосунок, щенок, малыш, детёныш, вундеркинд*), в том числе обращения, в основном относящиеся к детям (*зайчик, птенчик, котенок* и др.), стилистически маркированные слова и фразеологизмы, обозначающие возрастные изменения *впасть в детство, впасть в маразм* и др.

– Специальные наименования, слова в специальном, терминологическом, научном значении: *геронтология, геронтологический; эйджизм*.

К единицам крайней периферии также отнесены указания на возраст при помощи конструкции «числительное, обозначающее количество прожитых лет + *плюс*» (*шестьдесят плюс*), названные нами «цифровая модель» (рассматривается ниже).

Структура СП ‘возраст человека’ схематически представлена нами на рисунке 2.1.

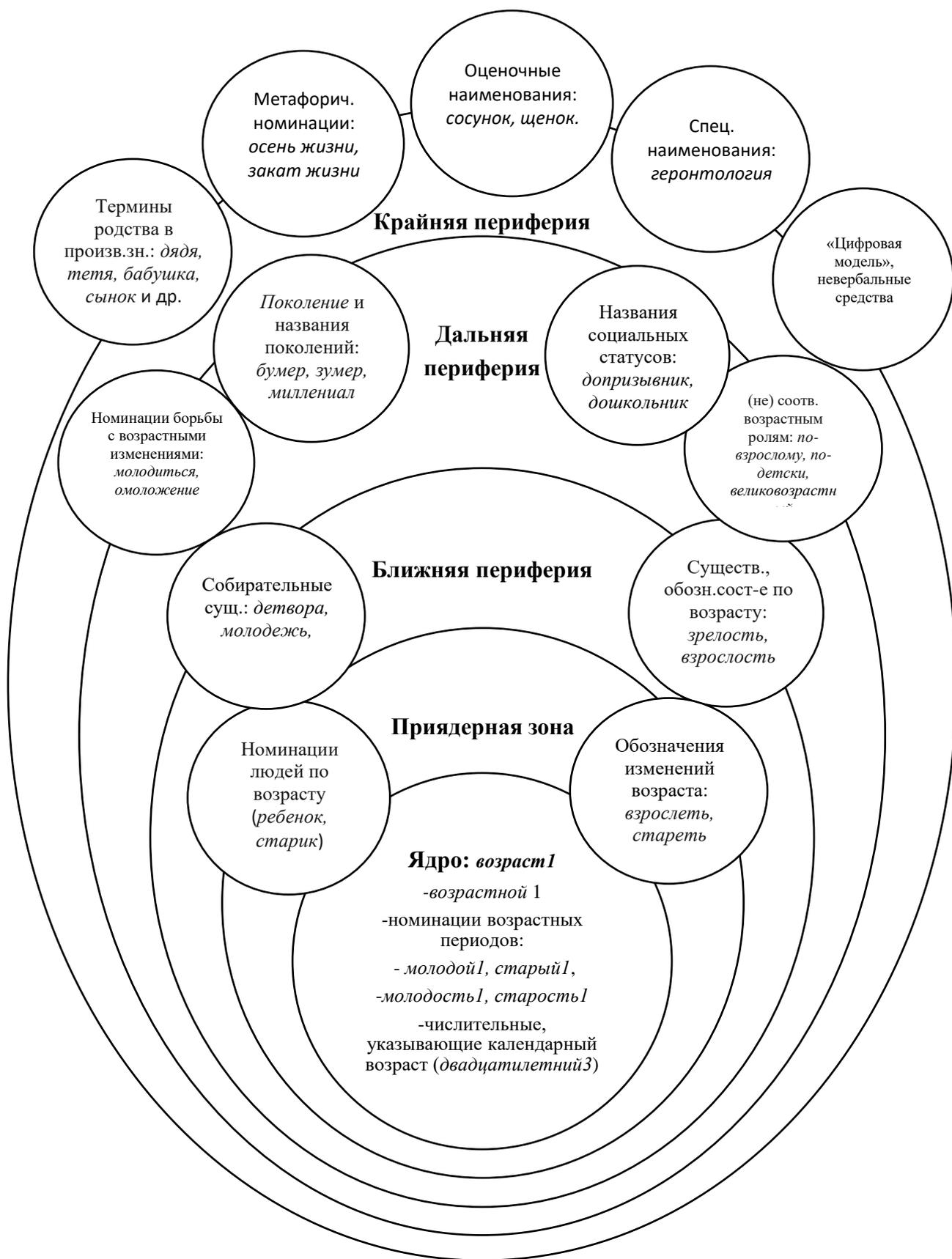


Рисунок 2.1 – Структурные компоненты СП ‘возраст человека’ русского языка.

Отметим, что структура СП ‘возраст человека’, открытого и включающего очень большое количество единиц, охарактеризована нами в самом общем виде, достаточном, однако, для выбранного аспекта исследования. Предложенная структура позволяет определить относительно стабильные зоны СП и зоны, подверженные изменениям. Очевидно, что наиболее активно пополняемыми являются зоны дальней и крайней периферии поля. Например, эмоционально-оценочные обращения к детям составляют открытую группу, расширяемую в узусе за счет окказиональных образований. В целом СП ‘возраст человека’ может быть пополнено как за счёт новых единиц в составе уже имеющихся подгрупп, так и за счёт новых семантических подгрупп. Один из наиболее ярких примеров второго типа – формирование в течение последних десятилетий в русском языке целого ряда слов, с помощью которых называют представителей разных поколений, то есть совокупностей людей по признаку ‘возраст’ (*бумер, зумер, миллениал* и др.). (Эти неологизмы рассматриваются в следующей главе.)

### **2.1.3. Основные виды номинаций человека и совокупности лиц по признаку ‘возраст’**

Значимым для выбранного динамического аспекта исследования является та часть СП ‘возраст человека’, которая представляет собой **номинации человека по признаку ‘возраст’** (и в основном относится к периферии поля).

Могут быть выделены разные способы таких номинаций в русском языке. Основные из них представлены в схеме на рисунке 2.2. Обозначенные в данной схеме номинации в той или иной степени рассматриваются в настоящем исследовании.



Рисунок 2.2 – Способы номинации лица и совокупности лиц по признаку ‘возраст’ в современном русском языке

Возраст является не только неотъемлемой индивидуальной характеристикой отдельного человека, но и признаком, на основании которого выделяются социальные группы, то есть совокупности людей, имеющие и другие общие характеристики (особенности здоровья, поведения, отношения к миру и прочее). Соответственно, в русском языке существуют разные способы номинации таких **совокупностей лиц (социальных групп), объединенных по признаку ‘возраст’.**

- Слово поколение, фразеологизмы и атрибутивные конструкции с ним (*потерянное поколение*, «*Меня могут понять только люди моего поколения*»).
- Слова со значением ‘поколение’, производные от числительных (*шестидесятники*).
- Неологизмы со значением ‘поколение’ (*миллениалы, зумеры, бумеры, блумеры* и др.).
- Собирательные существительные с семантикой ‘совокупность людей’: *молодежь, детвора, ребятня, старичье*. Обратим внимание на стилистическую неоднородность таких слов (сниженность и отрицательную оценочность номинации старшего возрастного этапа, разговорный характер обозначений детей, нейтральное обозначение людей молодого возраста) и отсутствие собирательного существительного для обозначения людей зрелого возраста.
- Множественное число существительных, которые в основном номинативном значении обозначают человека по возрасту, в том числе атрибутивные сочетания со словом *человек* и субстантиваты. (Ср. обобщенную референцию в высказываниях типа «*Старики обычно страдают бессонницей*». «*Молодым людям / молодым море по колено*».)
- Множественное число существительных, для которых сема ‘возраст’ является периферийной (*пенсионеры*).
- Аtribuтивные конструкции *люди + атрибут + возраст* (*Люди преклонного возраста часто болеют*).
- Модели наименований возраста с семантикой ограничения (*Дети до шестнадцати не допускаются*). В настоящее время распространена «цифровая модель»: «числительное,

обозначающее количество прожитых лет + плюс»: *ноль плюс, шестьдесят плюс*, также *0+*, *6+*, *12+*, *65+* и т. п.

## **2.2. Лексика со значением ‘возраст человека’, в «Русском семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой**

В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой (РССШ), взятом нами за основу для определения лексического состава СП в русском языке конца XX века, номинации по признаку ‘возраст’ находятся в различных разделах и томах словаря в соответствии с общими принципами построения словаря.

Ядерная лексема *возраст*<sup>1</sup> представлена в 3-м томе РССШ в составе лексико-семантического ряда (ЛСР) «Возрастные состояния» в лексическом подмножестве «Время: его ход, периоды и моменты его течения». В ЛСР включены 16 единиц: *возраст*, *год*<sup>9</sup> (*мужчина в годах*), *десяток*<sup>3</sup> (*седьмой десяток*), *детство*<sup>1</sup>, *зрелость*<sup>2</sup>, *лета*<sup>2</sup>, *малолетство*, *младенчество*, *младость*<sup>2</sup>, *молодость*<sup>2</sup>, *отрочество*, *ребячество* (*устар*, то же, что *детство*), *совершеннолетие*, *старость*<sup>2</sup>, *юность*<sup>2</sup>, *юношество*. В ЛСР представлены как единицы, включенные нами в ядерную зону поля (обозначения возрастных периодов), так и стилистически маркированные, экспрессивные единицы, отнесенные нами на этом основании к периферии поля. Отметим, что в РССШ, согласно словарным пометам, представлено большое количество просторечных и устаревших единиц, которые не входят в фокус нашего исследования.

Основная часть лексических единиц СП ‘возраст человека’ представлена в трех ЛСР первого тома РССШ в рамках лексического подмножества «Названия лиц» (104 единицы). В ЛСР <Названия лиц> «По полу, а также по полу и возрасту» включены 53 единицы, в том числе *бабушка*, *девочка*, *девушка*, *дедушка*, *дядя*, *женщина*, *малец*, *малый*, *мальчик*, *молодайка*,

*молодица, молодка, отрок, парень, парнишка, пацан, старец, старик, старуха, тётя, хлопец, шкет, юнец, юноша* и др. [РССШ 1: 325–329].

В ЛСР <Названия лиц> «По возрасту, а также по возрасту в сочетании с другими характеристиками» включены 44 единицы, в том числе с разговорной стилистической окраской: *большой, взрослый, грудник, грудничок, детка, дитя, малолетка, малыш, малютка, малявка, младенец, младший, молодой, новорождённый, пугалица, подросток, престарелый, пятилеток, ребёнок, хрыч, чадо* и др. Данный ЛСР включает в том числе слова в переносном метафорическом значении, обозначающие людей разного возраста, наибольшее количество метафор относится к детскому возрасту: *капелька, капелюшка, клоп, кроха, крошка, пугалица, пупс, шпингалет*. [РССШ 1: 329–330]. В РССШ представлены и фразеологизмы: так, в данном ЛСР дан фразеологизм *от горшка два вершка* с пометой *разг.* в значении ‘тот, кто ещё очень мал, слишком молод’ [Там же: 330]. Таким образом, можно заключить, что именно детский возраст представлен в русском языке наибольшим количеством экспрессивных наименований лица.

В РССШ выделен небольшой ЛСР <Названия лиц> «По отношению к возрастной норме, к возрастному рубежу», в который включены всего 7 единиц: *долгожитель, дошкольник, недоросль, несовершеннолетний, переросток, перестарок, совершеннолетний* [РССШ 1: 331]. Две единицы являются субстантивированными прилагательными и соотносимы по значению (называют человека относительно возрастного рубежа *совершеннолетие*, определяемого юридически, и являются терминами). Слово *дошкольник* определяет возраст через социальную функцию, также закрепленную юридически (обязательность школьного обучения с определенного возраста). Слово *недоросль* представлено в словаре в устаревшем значении (‘несовершеннолетний’), хотя, на наш взгляд, оно должно входить в данный ЛСР и в актуальном переносном значении ‘необразованный молодой человек’, соотнесенном со стереотипными

представлениями о наличии определенных навыков и уровня образования к подростковому и юношескому возрасту. Семантика слов *долгожитель*, *переросток*, *перестарок* также ориентирована на определенные стереотипные представления (о продолжительности жизни, о возрасте, подходящем для замужества и пр.).

В лексическом подмножестве «Совокупности лиц» представлен ЛСР «По полу, возрасту, родству, породнению», включающий 40 единиц, однако не все они имеют сему 'возраст' (*домашние*, *слабый пол* и под. не имеют и не включены в состав поля). К СП 'возраст человека' относятся 20 лексем этого ЛСР: *дети* 1,2, *девчата*, *детвора*, *дети*, *малышня*, *молодёжь*, *молодость* 3, *молодые* 7, *предок* 2, *ребята*, *ребятня*, *родители*, *старик* 2,3, *старичьё*, *старость* 3, *старьё*, *юность* 4, *юношество* 3. [Там же: 384–385].

В ЛСР «По полу, возрасту, родству, породнению» входят собирательные существительные *детвора* – 'маленькие дети', *малышня* – 'малыши, маленькие дети', *девчата* – 'девушки, девочки', *молодёжь* – 'молодое поколение, молодые люди', *молодость* – 'молодое поколение' (высок.), *ребятня* – 'дети, ребята', *старичьё* – 'старики, старые люди', *юношество* – 'юноши и девушки' и др. В этот ЛСР включены не только собирательные существительные: *дети* – 'форма мн.ч. к *ребенок*', 'мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества', *старик* – 'старые люди, а также вообще люди старших поколений' [РССШ 1: 384–385]. Таким образом, словарь показывает, что совокупности лиц могут обозначаться не только с помощью собирательных существительных.

Значительное количество единиц с семантикой возраста представлено в лексическом подмножестве «Обращения», в том числе в ЛСР:

– «Собственно обращения»: *мадемуазель*, *мисс*, *сеньорита*, *синьорина* и др. [Там же: 346–347];

– «Фамильярные, дружеские, ласковые обращения»: *батенька, батюшка<sup>2</sup>, батя<sup>2</sup>, брат<sup>2</sup>, братец<sup>2</sup>, братишка<sup>2</sup>, браток, девонька, девушка<sup>5</sup>, детка<sup>2</sup>, дочка<sup>2</sup>, дружок<sup>3</sup>, мамаша<sup>2</sup>, матушка<sup>3</sup>, мать<sup>3</sup>, орёл<sup>5</sup>, отец<sup>7</sup>, папаша<sup>2</sup>, приятель<sup>2</sup>, паря, сестрёнка<sup>2</sup>, старик<sup>5</sup>, старина<sup>2</sup>, сударыня<sup>2</sup>, сударь<sup>2</sup>, сынок<sup>2</sup>, хозяин<sup>10</sup>*. [Там же: 347–348];

– Обращения «С эмоциональным компонентом»: *зайчик<sup>2</sup>, заишка, звёздочка<sup>2</sup>, золотко<sup>2</sup>, котик<sup>2</sup>, котёнок<sup>3</sup>, кровинка<sup>2</sup>, лапонька, лапушка, ласточка<sup>3</sup>, малыш<sup>2</sup>, птичка<sup>3</sup>, солнышко* и др. [Там же: 348–350].

Состав и функционирование обращений в современном русском языке – отдельная большая и сложная тема, разрабатываемая лингвистами в разных аспектах, в данном исследовании она затрагивается минимально – лишь в связи с заявленным динамическим аспектом.

Слова, которые относятся к дальней или крайней периферии СП ‘возраст человека’, то есть в значениях которых сема ‘возраст’ не является центральной, входят в разные семантические и тематические группы и могут быть представлены в разных ЛСР словаря. К примеру, прилагательные *младший, меньший, меньшей* с семантикой ‘о ребенке, детях в семье: тот, кто моложе другого, других по возрасту’ находятся в ЛСР <Названия лиц> «По положению в семье» [Там же: 188]; существительное *юниор* в значении ‘юный спортсмен – участник соревнований в своей возрастной группе’ представлено в ЛСР «Общие наименования спортсменов» [Там же: 314].

В соответствии с концепцией словаря при наличии у многозначных слов нескольких значений с семантикой возраста разные значения одного слова (разные лексемы), а также фразеологизмы, представлены в разных лексических подмножествах и ЛСР. Например, существительное *поколение* в значении ‘люди, близкие по возрасту и характеру деятельности’ отнесено к лексическому подмножеству «Совокупности лиц», к ЛСР «По общей функции, общности интересов, деятельности, по социальному состоянию, по

сложившимся отношениям» [Там же: 382], а фразеологизм *потерянное поколение* представлен в ЛСР «По имущественному состоянию, образу жизни, а также оценочные названия» того же лексического подмножества «Совокупности лиц» [Там же: 371] и т. п.

Существительные-релятивы с семой 'возраст' *одногодок, однолеток, погодок, ровесник, сверстник* и некоторые другие отнесены в ЛСР «Совпадение или противоположность, сходство, несходство в чем-н. <...>» подмножества «Названия лиц».

Прилагательные со значением 'возраст человека' в РССШ представлены либо в рамках полугнездового способа в словарных статьях производящих существительных, либо в качестве субстантивированных включены одни ЛСР с существительными. Например, прилагательное *школьный* с иллюстрациями *Школьные годы* (годы учения в школе) и *III. возраст* (от 6—7 до 16-18 лет) дано в словарной статье существительного *школа*. Лексемы *маленький, малолетний, новорождённый, престарелый, старший* и т. п. даны в словаре как существительные единственного числа. Пример словарной статьи:

**Престаре'лый**, -ого, м. Старый человек. *Помощь престарелым. Дом для престарелых.* || ж. престарéлая, -ой [РССШ 1: 330, лексическое подмножество «Названия лиц»]. Словарные иллюстрации показывают что данные слова обычно используются как обозначения совокупности лиц: иллюстрируемые единицы стоят во множественном числе: «*Правонарушения среди малолетних*», «*Младшие слушаются старших*», «*Молодым любые трудности по плечу*» [Там же] и др.

Итак, в РССШ представлено значительное количество лексических единиц с семантикой возраста. Они входят как в ЛСР, в названиях которых представлено слово *возраст*, так и в ЛСР, в названиях которых указания на возраст нет, в этом случае принадлежность к СП 'возраст человека' определяется нами по толкованию единицы. Значительная часть слов входит в состав поля в производных значениях, что фиксируется цифрой после

лексемы. РСШ отражает, хотя, естественно, не в полном объеме, основной состав СП ‘возраст человека’, и может рассматриваться, с учетом времени издания словаря, как «отправная точка» для исследования актуальных процессов в рассматриваемом СП, с поправкой на то, что словарь включает большое количество стилистически маркированных и устаревших единиц. Большое количество устаревшей лексики, зафиксированной в РСШ, показывает динамический, открытый характер СП, в данном случае – в аспекте ухода единиц из состава.

### **2.3. Лексические единицы семантического поля ‘возраст человека’ по данным толковых словарей русского языка**

Лексемы и фразеологизмы, входящие в состав СП ‘возраст человека’, могут быть рассмотрены с различных точек зрения: в лексикографическом, семантическом, стилистическом, прагматическом аспектах.

Большая часть лексем, составляющих СП ‘возраст человека’, помимо ряда единиц крайней периферии, включена в МАС.

Среди лексем с семантикой ‘возраст’, приведённых в данном толковом словаре, есть однозначные и многозначные. К примеру, имя прилагательное *возрастной* в МАС имеет одно лексическое значение – ‘относящийся к определенному возрасту; определяемый по возрасту’ [МАС 1999, 1: 203], (появление у данной лексемы нового значения ‘пожилой’ рассмотрено нами в следующей главе), прилагательное *годовалый* – ‘в возрасте одного года’ [Там же: 324]. Как правило, это лексемы, относящиеся к ядерной и приядерной зонам СП ‘возраст человека’ и имеющие наиболее общие значения. Это могут быть имена прилагательные (как в примерах выше) или имена существительные, например: *детство* – ‘детский возраст, детские годы’ [МАС 1999, 1: 394].

У многозначных слов лексико-семантические варианты могут относиться к СП ‘возраст человека’, то есть передавать возрастную семантику,

но с оттенками значения. К примеру, лексема *взрослый* имеет два значения: ‘вышедший из детского возраста, достигший возмужалости (о людях)’ и ‘предназначенный для взрослых людей’ [МАС 1999, 1: 170]. Второе значение помечено в словаре как разговорное. Кроме того, для первого значения указана возможность использования слова как существительного, образованного в результате субстантивации, а также в семантике ‘достигший полной зрелости (о животных, птицах и т. п.)’. Как видим, в толковом словаре приведено два значения лексемы, а, по сути, в речевом употреблении их здесь же отмечено четыре.

Встречаются и такие полисемантические слова, у которых семантика ‘возраст’ характерна только для одного из нескольких значений лексемы. Например, у прилагательного *восемьдесятлетний* два значения: ‘продолжающийся восемьдесят лет’ и ‘возрастом в восемьдесят лет’ [МАС 1999, 1: 219]; признаком ‘возраст’ обладает второе. Аналогичные значения имеют в толковом словаре другие схожие по семантике и сложному способу словообразования (сложение с одновременной суффиксацией) имена прилагательные: *восемилетний*, *двадцатипятилетний*, *двухлетний*, *двухмесячный*, *двухнедельный* и др. Это, как правило, двузначные слова. Для лексемы *малый* семантика, относящаяся к возрасту, указана в словаре под номером 4: ‘небольшой по возрасту, малолетний’ [МАС 1999, 2: 223], остальные пять значений с возрастом не связаны.

У всех терминов родства, которые могут использоваться в значении ‘возраст’ (*дядя*, *тётя*, *дедушка*, *сын* и др.), возрастная семантика является переносной и помечена в словаре как разговорная. Например, значение *дядя* – ‘взрослый мужчина вообще, а также обращение к мужчине, более старшему по возрасту’ [МАС 1999, 1: 460] в словаре представлено под номером 2.

Некоторые лексемы с семантикой возраста выступают в языке в двух грамматических вариантах, например, *двухлеток* и *двухлетка* со значением

‘кто-либо в возрасте двух лет’, отличающиеся родом и имеющие разговорную стилистическую окраску [МАС 1999, 1: 373].

Среди лексем встречаются такие, для которых семантика ‘возраст’ является не только переносной, но и добавочной. При этом в толковом словаре она указывается в составе дополнительной информации, без выделения данного значения цифрой. Например, для слова *десяток* это значение ‘десять лет возраста’ [МАС 1999, 1: 393], для слова *женех* – ‘о молодом человеке, достигшем брачного возраста’ [Там же: 477]. Дополнительная семантика может даже быть характерна не для полного набора грамматических форм лексемы. Например, слово *год* обозначает возраст только при употреблении во множественном числе: (*гóды* и *годá, годóв*) [МАС 1999, 1: 324]. Схоже используется в значении ‘возраст’ лексема множественного числа *лета* [МАС 1999, 2: 178], правда, для неё форма множественного числа является единственной (существительное *pluralia tantum*).

Лексема *зрелость* – единственная номинативная метафора из единиц ядерной зоны СП ‘возраст человека’, обозначающих наименования возраста. Прямое значение данного имени существительного – ‘спелость’, оно образовано от прилагательного *зрелый* – ‘созревший, спелый’ [МАС 1999, 1: 622]. В результате персонифицирующей метафоры (переноса с неживого на живое) лексема *зрелость* приобрела значение ‘состояние организма, достигшего полного развития; зрелый возраст’ [Там же].

В толковом словаре встречаются единицы СП ‘возраст человека’, которые являются устаревшими с соответствующей пометой «устарелое». Например, *княжич* – ‘молодой сын князя’ [МАС 1999, 2: 64]. Данный пример является историзмом, обозначая явление, ушедшее из общественного обихода. Устаревшие лексемы СП ‘возраст человека’ могут быть и архаизмами, например, лексема *купчик* – ‘купец, обычно молодой’ [Там же: 151] устарела в связи с уходом в прошлое исходного наименования *купец*, которое заменилось в современной лексике на *коммерсант, бизнесмен, предприниматель*.

Отметим, что с утратой лексемы *купчик* в языке отсутствует слово, с помощью которого можно назвать молодого предпринимателя, юного коммерсанта.

В толковом словаре приводятся также фразеологические единицы с семантикой возраста, отнесённые к дополнительному материалу в соответствующих словарных статьях. К примеру, в словарной статье лексемы *возраст* приведены устойчивые сочетания *в возрасте* и *на возрасте*.

Некоторые лексемы СП 'возраст человека' обладают обширными словообразовательными связями и формируют внутри поля словообразовательные гнёзда. Таково, к примеру, слово *мальчик*, от которого образованы слова: *мальчиковый, мальчишеский, мальчишество, мальчишечий, мальчишка, мальчишник, мальчонка, мальчуган* [МАС 1999, 2: 223–224], которые могут быть как однозначными (*мальчишество, мальчишечий*), так и многозначными (*мальчишеский, мальчишка*).

Фразеологизм *войти в лета (или в года, в возраст)* с семантикой 'стать взрослым' приведён в МАС в словарной статье глагола *войти* [МАС 1999, 1: 204], а *выйти из возраста* с семантикой 'стать старше какой-либо возрастной нормы (для поступления куда-либо, для выполнения какой-либо работы)' – в словарной статье глагола *выйти* [МАС 1999, 1: 258]. Фразеологизм включается в ту или иную словарную статью МАС по первому полнзначному слову, даже если это не главное слово в словосочетании. Так, устойчивое сочетание *вторая молодость*, обозначающее 'прилив новых сил, подъем энергии в пожилом возрасте' [МАС 1999, 1: 240] представлено в словарной статье порядкового числительного *второй*.

Во фразеологических словарях единиц с семантикой возраста не меньше, чем в толковых. Во «Фразеологическом словаре русского языка» А.И. Фёдорова присутствуют фразеологизмы: *бальзаковский возраст, на возрасте, входит в возраст (лета), на выданье, выжить из лет, выходит из возраста, не по годам, годы подходят* и др.

Многие фразеологизмы являются экспрессивными. С их помощью говорящие подчёркивают эмоциональное отношение к тому или иному возрасту. Отношение может быть положительным: *золотое время* – ‘пора детства, юности, молодости’ [Федоров, 2008: 99] и отрицательным: *носом не дорос* – ‘ещё мал, молод, чтобы с другими делать что-либо, участвовать в чём-либо’ [Там же: 208]. Более подробно фразеологизмы СП ‘возраст человека’ с их фиксацией в словарях рассмотрены ниже.

## **2.4. Фразеологизмы в составе семантического поля ‘возраст человека’**

### **2.4.1. Фразеологизмы со словом *возраст*, обозначающие человека и социальную группу**

Средствами наименования по возрасту людей или социальных групп могут быть не только слова, но и фразеологизмы. В состав фразеологизмов СП ‘возраст человека’ слово *возраст* может входить (*человек старшего возраста, дети дошкольного возраста*) и не входить (*молодые люди, дети войны*). Значительная часть устойчивых сочетаний включает слово *возраст*. Назовём основные фразеологизмы (синтаксемы, коллокации и идиомы) с лексемой *возраст* в составе, имеющиеся в русском языке:

- *в возрасте (на возрасте), войти в возраст, выйти из возраста;*
- *человек (люди) старшего / младшего / среднего / зрелого / пожилого / пенсионного / предпенсионного возраста;*
- *человек (люди) моего / нашего возраста (поколения);*
- *дети школьного / дошкольного возраста;*
- *кризис среднего возраста;*
- *солидный возраст;*
- *с раннего возраста;*
- *для своего возраста и др.*

В словарях зафиксированы не все перечисленные устойчивые языковые единицы.

Фразеологические единицы *в возрасте* (*на возрасте*), *войти в возраст*, *выйти из возраста* являются наиболее хорошо представленными в различных словарях русского языка. В толковом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой в конце словарной статьи слова *возраст* видим синтаксемы *в возрасте* – ‘о том, кто достиг полной зрелости’ и *на возрасте* – ‘о становящемся взрослым, зрелым (обычно о девушке)’ [МАС 1999, 1: 202]. Анализ словарной статьи показывает, что квалификация данных синтаксем не является полной. Для фразеологизма *на возрасте* не указана устаревшая окраска, которая, напротив, отмечена в словаре фразеологизмов [Фёдоров, 2008: 86]. А фразеологизм *в возрасте*, по нашему мнению, в современном языке является эвфемизмом, указывающим не просто на зрелого, а на пожилого человека. Это подтверждается примерами из Национального корпуса русского языка: «*Человек в возрасте, на пенсии*» [НКРЯ 2019]. В то же время синонимичный фразеологизм *в годах* приводится в толковом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой (в словарной статье слова *год*) с более точной семантикой ‘в пожилом возрасте; пожилого возраста’ [МАС 1999, 1: 324].

Фразеологизм *входить в возраст* (*лета*) имеет в словаре фразеологизмов помету «устарелое». Его семантика – ‘становиться взрослым, мужать’ [Фёдоров, 2008: 106]. В современном употреблении он обычно используется с пояснением касательно того, в какой именно возраст кто-либо вошёл, например: «*Горазд уже вошел в возраст, когда старых дружинников отправляют на покой, жалуя либо поместья, либо право охоты на прокорм*» [Б. Васильев, 2002], то есть употребляется уже не как устойчивое, а как свободное сочетание с семантикой какого-либо возраста. С устаревшим значением, зафиксированным в словарях, сочетание применяют в произведениях исторической тематики как средство стилизации: «*...Как только маленький лобастый Тим, быстро превратившийся в рослого не по годам мальчугана, вошел в возраст, Лиходеич решил приниматься с грехом пополам за его учебу, заказанную Вороном*» [И. Краева, 2007]. Такая

стилизация особенно востребована популярным в современной литературе жанром фэнтези.

Фразеологизм *выходить из возраста* (*выйти из возраста*) зафиксирован в словарях с семантикой 'становиться старше какого-либо установленного возрастного предела для выполнения каких-либо обязанностей' [Фёдоров, 2008: 125]. Значение даётся как современное, без пометы «устарелое», однако, на наш взгляд, оно также является уходящим. Именно поэтому в современных текстах сочетание функционирует преимущественно как свободное, с указанием, из какого именно возраста вышел субъект: «*Я взрослый человек, я давно **вышел из возраста**, когда мечтают прокатиться на машине времени и привезти себе маленького динозавра, чтобы жил под кроватью*» [М. Петросян, 2009]. Случаи использования сочетания без пояснений относительно конкретного возраста (то есть как фразеологизма) единичны, наблюдаются в текстах, не относящихся к современному языку: «*Укрывается от военной службы? Пожалуй, он уже **вышел из возраста***» [А. Бенуа. Дневник, 1916].

В языке постоянно появляются не только новые лексемы с семантикой возраста, но и новые фразеологизмы с данной лексемой в составе, например, *возраст дожития*. В словарях фразеологизмов они, как правило, ещё не зафиксированы; не обнаружено это сочетание и в словарях неологизмов русского языка.

Сочетание *возраст дожития* имеет официально-деловую стилистическую окраску и используется в официальных документах. Оно обозначает «временной интервал, продолжительность которого социологи находят оптимальной для распределения по этому, отмеренному правительством сроку, твоих пенсионных накоплений» [Грачева, 2018]. Несмотря на наличие у фразеологизма изначально терминологического, специального значения, со временем у него появился негативный оценочный

отенок. В сети даже идёт спор о том, обидный это термин или нет, унижает ли он пенсионеров, является ли оскорбительным [Резвый, 2018].

Рассуждают о данном вопросе и лингвисты, причём иногда весьма эмоционально: «Может быть, используй другую номинацию, и пенсионеры помолодели бы хотя бы душой, да и жизнь свою воспринимали более радостно – ведь живут, а не доживают» [Новичихина, 2012: 40]. Действительно, данную номинацию нельзя назвать успешной с точки зрения этики, поскольку *дожитие* обозначает, по данным словарей, ‘время, которое остается жить до смерти’ [МАС 1999, 1: 417]. Если смотреть на термин с точки зрения семантики, то он означает необходимость вычисления времени, которое пенсионерам остаётся жить после выхода на пенсию, а в оценочном плане происходит подмена понятия *жить*, важного для каждого человека, понятием *доживать*, имеющим негативное значение и воспринимающимся отрицательно.

В информационном пространстве встречаются употребления данного термина как в специальном значении: «*Ранее россиянам рассказали о влиянии возраста дожития на размер пенсии*» [Газета.ru, 11.04.2022], так и с негативной оценочностью: «*У нас, девушка, не возраст дожития – период...*» [НКРЯ 2013].

Отметим, что значительная часть широко употребительных в современном публицистическом дискурсе фразеологизмов с лексемой *возраст* в составе (*человек среднего возраста, люди нашего возраста, дети дошкольного возраста, кризис среднего возраста, солидный возраст, с раннего возраста* и др.) в словарях русского языка не зафиксирована.

#### 2.4.2. Фразеологизмы со значением ‘возраст’: отражение традиционных возрастных норм, противопоставление календарного и психологического возраста

Фразеологические единицы с семантикой возраста анализируют на материале русского языка (как отдельно, так и в сопоставлении) различные исследователи [Бурнаева, 2012; Валье, 2019; Вознесенская, 2016; Воробьева, 2021; Диас, Арсентьева, 2018; Есиркеева, 2017; Курьянович, Дубина, 2022; Цзюй, 2016; Чуньяо, 2019; 2022; Эркинбек, 2021 и др.].

В толковых и фразеологических словарях обнаруживается значительное количество фразеологизмов, входящих в СП ‘возраст человека’ и не имеющих в своём составе лексемы *возраст*: *золотая молодежь, с молодых ногтей, из молодых да ранний, молодо-зелено, года вышли, не по годам, носом не дорос, с колыбели, с молодых зубов* и многие другие.

Кроме того, в языке есть фразеологизмы, не зафиксированные в толковых и фразеологических словарях:

– *дети войны, военное поколение* (наименования для некоторых поколений, особенно значимых исторических периодов);

– *молодые люди / семьи / ученые* и др.

В качестве эталона возраста в русской фразеологии выступает молодость (сочетание *молодые люди* используется в основном корпусе НКРЯ 4 805 раз только в этой форме), об этом говорит и значительное количество обозначающих данный возраст фразеологизмов с положительной оценочностью, например: *золотое время* – ‘пора детства, юности, молодости’ [Фёдоров 2008: 99]. Если же молодой возраст ещё не настал или уже прошёл, то фразеологические единицы обычно выражают негативную оценку (насмешка, ирония, подшучивание, порицание и др.), причем в обоих случаях значимым является несоответствие молодости как эталону, норме. Например: *от горшка два вершка* (просторечное, шутливое) – ‘очень маленький (о ребёнке)’ [Там же: 66], *мало каши ел* (разговорное, шутливое) – ‘молод ещё и

недостаточно опытен, чтобы браться за какое-либо серьёзное дело' [Там же: 223], *не первой молодости* – 'немолодой, в возрасте тридцати с лишним, сорока лет' [Там же: 377]. Фразеологизм *не первой молодости* особенно часто характеризует в тексте и речи женщин, и это отражает гендерный дисбаланс в представлениях о возрасте (по отношению к женщинам более значимый, градуированный, «чувствительный» параметр). Например: «У нас в отделе стандартизации работает такая Марья Ивановна, женщина уже **не первой молодости**» [НКРЯ 2012]. По отношению к героине, описываемой подобным образом, в тексте отчётливо звучит пренебрежение.

Некоторые фразеологизмы показывают противоположные оценки схожих явлений. К примеру, в большом количестве фразеологизмов порицается неумение человека соотносить своё поведение с календарным возрастом (то есть возрастным статусом) и соответственно себя вести (то есть соответствовать возрастным нормам). Об этом говорят фразеологизмы *не по годам (не по летам)* – 'не в соответствии со (своим) возрастом' [Фёдоров, 2008: 142; 343]. В то же время умение выглядеть молодо, моложе своих лет, трактуется как положительное качество человека, например, с помощью фразеологизма *хоть под венец* – 'хоть замуж выходи; о том, кто молодо выглядит, очень моложав' [Там же: 63].

По нашему мнению, фразеология показывает большую значимость соблюдения возрастных норм поведения для носителей русского языка, нежели умение выглядеть моложе своих лет (ср. глагол *молодиться* с отрицательно оценочным компонентом значения). Фразеологические единицы неоднократно подчёркивают, что каждый возраст связан с определёнными требованиями, несоблюдение которых не одобряется (указывают на возрастную норму). Например, это видно по фразеологическим единицам: *совсем ещё дети* – 'крайне наивны, легкомысленны (обычно о молодых людях)' [Там же: 198], *держаться за мамкину юбку* (просторечное, ироничное и шутливое) – 'не проявлять самостоятельности, во всём

подчиняться матери' [Там же: 196], *лезть поперек батьки* ('проявлять излишнюю самостоятельность'), *старая дева* – 'немолодая женщина, не вышедшая замуж' [Там же: 174], *мышинный жеребчик* (устаревшее, ироничное) – 'молодящийся пожилой человек или старик, любящий волочиться за молодыми женщинами; старый волокита' [Там же: 226], *бес в ребро* (разговорное, предосудительное) – 'волокита, бабник (обычно о пожилом мужчине)' [Там же: 22].

Устойчивые наименования, указывающие на детский возраст (*детский сад, младшая группа, первый класс*) используются в русском языке при характеристике людей, уже вышедших из детского возраста, в переносном значении и с иронической оценкой. В словаре фразеологизмов указано, что у сочетания *детский сад* присутствует ироническая или пренебрежительная окраска и его используют, если надо сообщить 'о проявлении чьей-либо наивности, непонимания простых вещей' [Мокиенко, Никитина, 2007: 591]. С семантикой 'о чьём-либо по-детски несерьёзном, неразумном, глупом поведении' сочетание *детский сад* встречается также в Викисловаре [Викисловарь, 2024].

В НРКЯ находим употребления сочетания в ироничном значении, когда говорящему необходимо подчеркнуть неподобающе детское, по его мнению, поведение каких-то взрослых людей. Например: «*Валентин, подкладывая полено в костёр, неодобрительно покачал головой. – Честное слово – детский сад какой-то! Взрослые, серьёзные женщины – и так себя ведут!*» [Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014].

Нередко рядом с фразеологизм *детский сад* расширяется за счет сочетания *штаны / штанишки на лямках*: «*Хватит нюни распускать! Детский сад и штанишки на лямке. Давай-ка еще вмажем и будем денежки считать!*» [В. Вещунов. Перекат // «Дальний Восток», 2019]. У него примерно такое значение, которое также находим в словаре с пометами о жаргонной, шутливой или презрительной окраске [Мокиенко, Никитина, 2007: 757].

Можно сказать, что устойчивым характером обладает всё выражение «*Детский сад, штаны на лямках!*».

Остальные названные устойчивые сочетания (*младшая группа, первый класс*) имеют схожую семантику, однако в словарях фразеологизмов пока не зафиксированы. Их фиксация в НКРЯ позволяет говорить о фразеологическом употреблении сочетаний. Показательно, что обнаруженные примеры нередко звучат очень грубо, что указывает на резкую негативную реакцию говорящих по поводу незрелого поведения окружающих: «*Ты детсад, младшая группа. Ты не мужик, ты абсолютно не понимаешь, когда надо женщине слушать, а когда не надо*» [А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010], «*Сказал – и самому противно: как в первом классе*» [В. Козлов. Гопники (2002)].

Как показывают приведённые примеры, в народном сознании понятие возрастной нормы очень существенно. Оно означает, как правило:

- для детей – что надо поскорее вырасти, а до этого времени не мешать старшим, помогать им;
- для молодёжи – что надо вовремя стать самостоятельными, оторваться от взрослых, начать действовать самому, уверенно;
- для женщин – что важно вовремя выйти замуж и родить детей;
- для пожилых людей – что надо достойно принимать свою старость.

Сформированные исторически в обществе возрастные нормы вытекали из такого понимания нормативного возраста: детям полагалось быть тихими и покорными, слушать старших и готовиться к периоду молодости как наиболее продуктивному; людям старшего возраста – уйти из активной жизни, не вмешиваться в дела молодых (совет от стариков всегда ценился, но не считался обязательным к выполнению) и тратить меньше ресурсов общества; людям любого возраста – терпеливо и достойно выполнять свои возрастные роли, не пытаться выйти за их границы. Любое нарушение (например, для детей – дерзость, стремление к самостоятельности, для пожилых людей – желание

выглядеть моложе своего возраста) воспринималось в обществе как предосудительное поведение. Такие представления можно охарактеризовать как архаичные, утратившие в наше время большую часть своей актуальности, однако они по-прежнему закреплены в семантике и функционировании единиц СП 'возраст человека'.

Значительное количество фразеологизмов связано с указанием на старость, с характеристикой пожилых людей, причём чаще для русских фразеологизмов, обозначающих старость, характерна «помета неодобрительности, подкрепляемая яркой пейоративной образностью» [Диас, Арсентьева, 2018: 60]. Негативная оценка может быть очень слабой, например, ироничной, шутливой: *в обед сто лет* – 'очень стар кто-либо' [Фёдоров, 2008: 342]. Ряд фразеологизмов с ироничной оценкой старости имеет множество вариантов, что говорит об их высокой востребованности, например, *впадать в детство, впадать в младенчество, впадать в ребячество* с семантикой 'терять рассудок от старости' [Там же: 96–97]. Кроме того, встречаются многочисленные фразеологизмы со сниженной стилистической окраской, выражающие резко негативную оценку пожилого возраста: *старый хрен* (грубо-просторечное) – 'пренебрежительная характеристика старика' [Там же: 730], *песок сыплется* (разговорное ироничное) – 'кто-либо очень стар и дряхл' [Там же: 466], *труха сыплется* (просторечное пренебрежительное) – 'очень старый' [Там же: 690].

Осуждение посредством фразеологических единиц звучит в адрес тех людей, кто живёт слишком долго (до периода, когда перестаёт быть полезным, работать). Долгая жизнь в старости не признаётся в народном сознании как достоинство, к ней видно либо предосудительное, либо неясное отношение: *век вековать* – 'долго жить; проживать жизнь' [Там же: 62]. В некоторых подобных фразеологизмах звучит мысль о том, что пожилой человек мешает молодым, забирает у них ресурсы: *заживать чужой век, зажить чужой век* (разговорное, неодобрительное) – 'жить очень долго, до глубокой старости,

переживая других' [Там же: 239]. Это отражает особенности истории: действительно, во времена голода, которые в древности наступали часто, старики могли восприниматься как отнимающие еду у детей. В связи с этим есть целый ряд фразеологизмов о том, что старому человеку не надо цепляться за жизнь, а смерть является закономерной, даже желательной: *пора костям на место* (разговорное, экспрессивное) – 'довольно, пожил – время умирать' [Там же: 507].

Как видим, в большинстве случаев для характеристики возраста и людей по возрасту, по возрастному поведению используются фразеологизмы со сниженной стилистической окраской. Фразеологические единицы с семантикой возраста, имеющие высокую, книжную стилистическую окраску, встречаются реже. Интересно, что обычно они связаны с наименованием пожилого возраста. Это, к примеру, фразеологизмы *на закате дней* (книжное, высокое) – 'в старости' [Фёдоров, 2008: 240], *до седин* (книжно-поэтический) – 'до преклонного возраста, до самой старости' [Там же: 607], *век мафусаила жить* (*мафусаилов век жить*) (устаревшее) – 'жить очень долго, до глубокой старости' [Там же: 61].

В языке постоянно появляются новые фразеологизмы с семантикой возраста, например, *не по-детски*. Данный фразеологизм-неологизм имеет разговорную стилистическую окраску. Он образовался от сравнительно-уподобительного наречия *по-детски* с отрицательной частицей в значении 'не так, как свойственно детям' [Ефремова, 2000] (*мальчик ответил не по-детски серьезно*). Затем выражение стало употребляться в значении меры и степени ('сильно, интенсивно'), характеризуя действия в основном взрослых людей, превратившись во фразеологизм с разговорной и шутливой окраской. Именно в таком значении фразеологическая единица чаще всего используется в современных текстах и в речи: «*Ядреные парни во главе с ядерным Фаустом взрывают-зажигают-нагнетают не по-детски, а по-взрослому*» [НКРЯ 2008]. Нередко употребление носит игровой и/или жаргонный характер,

иллюстрируя общение представителей определённых социальных групп, например, наркоманов: «*Че, плющит? Не по-детски плющит, не? А кому щас легко?*» [НКРЯ 2001].

Образование новых фразеологизмов с единицами СП ‘возраст человека’ в современном русском языке указывает на значимость для русскоязычной картины мира представлений о возрастных нормах и стереотипах (с детским возрастом связывается коннотация ‘несерьёзное’, с взрослым – ‘серьёзное, настоящее, интенсивное’).

Для русского языка весьма характерны слова и сочетания, отражающие отличие между календарным и психологическим возрастом. Их можно разделить на две группы:

1) указывающие, что психологический возраст меньше календарного: человек ощущает себя моложе, чем он есть на самом деле;

2) указывающие, что психологический возраст больше календарного, то есть человек внутренне постарел быстрее, чем «положено» физиологически.

Рассмотрим сначала лексемы и фразеологизмы первой группы.

Значение, сообщающее о меньшем психологическом возрасте, имеют некоторые слова СП ‘возраст человека’. Например, слово *молодой* может обозначать ‘сохранивший в зрелом, пожилом возрасте живость, бодрость, свойственные молодости’ [МАС 1999, 2: 292]. От данного прилагательного образовано наречие *молодо* с аналогичным вариантом семантики. В речи и тексте чаще всего встречаются примеры, в которых с помощью данного наречия указывается на внешние проявления не соответствующей календарному возрасту молодости: «*Он не верил своим глазам. Владка выглядела неправдоподобно **молодо**. Она не старела*» [НКРЯ 2014].

Для указания на психологический возраст, меньший по сравнению с календарным, используются фразеологизм *молод душой*, прецедентное выражение *сердцем не стареть* и др. Они обозначают способность человека в немолодом возрасте сохранить остроту восприятия, свежесть чувств, юный

задор. В речи данные сочетания неизменно используются для положительной оценки личности немолодого человека, его образа жизни, его взгляда на мир. Например: «Он был удивительно **молод душой** до последнего дня, ничего в нем не было стариковского, сварливого...» [НКРЯ 2012].

Сочетание *молод душой* используется как антоним лексем *старый*, *старик*, указывающих в тексте на реальный календарный возраст человека. Данные единицы могут быть противопоставлены в тексте, создавая антитезу и служа ярким средством характеристики какого-либо персонажа: «Да он и не **старик** вовсе – он **молод душой**, он пишет стихи, раздумчивые, философские, он любит Инну Львовну, свою жену...» [НКРЯ 2003].

Выражение «*сердцем не стареть*» является усечённым вариантом крылатой фразы «Главное, ребята, сердцем не стареть» из песни А.Н. Пахмутовой на стихи Н.Н. Добронравова, датируемой 1963 годом [ЭСКС: 179]. Данная крылатая фраза в полном варианте «цитируется обычно, чтобы приободрить кого-либо, утешить в связи с быстротечностью времени» [Там же]. В речевой практике используются как полный, так и усечённый вариант этого выражения. Например: «По словам Колдуна, ему приходится слушать некоторые песни ввиду своей профессии, “чтобы не **стареть сердцем**”» [Газета.ру, 30.03.2023]. Обычно выражение берётся в кавычки, чтобы показать его связь с исходным текстом, откуда происходит цитирование.

В выражениях, передающих информацию о меньшем психологическом возрасте, как видим, фигурируют лексемы *душа* и *сердце*, с помощью которых выражается идея превосходства психологического, духовного над биологическим, физиологическим. Это соотносится с лексическими значениями данных слов. *Душа* в прямом значении – ‘внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т. п.’ [МАС 1999, 1: 456], *сердце* в одном из переносных значений – ‘этот орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека’ [МАС 1999, 4:

80]. Обе лексемы указывают на психологические феномены – чувства человека, его переживания, настроения, которые и определяют субъективное ощущение им возраста. В речи встречаются примеры, когда для передачи информации о психологическом возрасте используются обе лексемы: «Ведущая отметила, что старение неизбежно, однако она не боится показывать свой истинный возраст. По словам звезды, она **молода душой и сердцем**» [Газета.ru, 11.04.2023].

К единицам СП ‘возраст человека’, указывающим, что психологический возраст больше календарного, физиологического, относятся сочетания *молодой старик*, *как старичок*, *как старушка*, новый психологический термин *феномен молодых пенсионеров* (о дисфункциональном накопительстве) и др. Такие единицы используются в речи реже (и их вообще меньше), чем единицы первого типа. Возможно, это обусловлено тем, что людям гораздо чаще свойственно преуменьшать, чем преувеличивать свой возраст.

Сочетание *молодой старик* представляет собой оксюморон и предлагает адресату удивиться тому, что в одном человеке сочетаются несочетаемые качества: физическая молодость и душевная усталость, отсутствие бодрости. Этот оксюморон достаточно часто используется в информационном пространстве. К примеру, он стал псевдонимом одного из поэтов-любителей Павла Пятницкого [Аккаунты: <https://stihi.ru/avtor/consigliori>; <https://vk.com/stihimolodoistarik>].

Авторы публикаций в сети интернет и художественных текстов стремятся осмыслить явление, скрывающееся за сочетанием *молодой старик*, например, Д. Выводов в публикации с названием «**Молодой старик: когда комфорт становится важнее всего**» [<https://brodude.ru/molodoj-starik-kogda-komfort-stanovitsya-vazhnee-vsego/>, 11.03.2014] или Н. Гайдук в рассказе «**Молодой старик**» [<https://proza.ru/2020/06/12/433>, 25.05.2020].

Сравнительные обороты *как старичок, как старушка* используются для характеристики не соответствующего возрасту поведения очень молодых людей, чаще всего детей. В словаре устойчивых сравнений сочетание *как старичок* приведено с указанием на его шутливо-ироничную окраску и семантикой ‘о чрезмерно рассудительном, благоразумном и мудрствующем человеке или ребёнке’ [Мокиенко, Никитина, 2008: 651]. Сочетание *как старушка* используется в том же значении, но только по отношению к девочкам: ‘о чрезмерно рассудительной, благоразумной и мудрствующей девочке’ [Там же: 653].

В речи и тексте с помощью данных сравнительных оборотов автор показывает своё удивление поведением персонажа. Кроме того, эти сравнения имеют негативную коннотацию, пусть и не ярко выраженную; в них звучит сожаление со стороны взрослого о том, что ребёнок спешит взрослеть и стареть, не вполне используя преимущества детства: «*Борисовна поглядела на гостя и, усмехнувшись, ответила мальчику: – Ты у нас, Ваня, как старичок. Все знаешь*» [НКРЯ 1999], «*Откуда она знает? Наверное, Алечка проговорила. Алечка, как старушка, везде сует свой нос*» [НКРЯ 2002].

Итак, носителям русского языка свойственно обращать внимание на несоответствие у окружающих календарного и психологического возрастов и передавать свои наблюдения с помощью подходящих для этого лексем и фразеологизмов. Чаще всего для трансляции данной семантики применяются устойчивые сочетания слов – фразеологизмы.

#### **2.4.3. Лингвокультурная специфика русских номинаций возраста человека (на фоне китайского языка)**

Сопоставление компонентов СП ‘возраст человека’ на материале лексики и фразеологии русского и китайского языков проводят Ч. Доу [Доу, 2019], В. Люй [Люй 2023], Е.П. Маренина и Т. Чжан [Маренина, Чжан, 2018], А. Нью [Нью, 2019], В.В. Скрябикова и Э.С. Денисова [Скрябикова, Денисова,

2020], Х. Цзюй [Цзюй, 2016], Д. Чуньяо [Чуньяо, 2019; 2022], Ч. Янь [Янь, 2020; 2021] и другие лингвисты.

Основные наименования возрастных периодов в русском и китайском языках совпадают: *детство* и 童年 [детство]; *юность* и 少年 [юность]; *молодость* и 青年 [молодость]; *зрелость* и 壮年 [зрелость]; *старость* и 老年 [старость]. Однако есть и отличия: в русском языке между возрастами, обозначенными лексемами *детство* и *юность*, существует возраст *отрочество*, а в китайском языке такое наименование для данного возраста отсутствует. С другой стороны, в китайском языке между возрастами 壮年 [зрелость] и 老年 [старость] выделяется промежуточный возраст 中年 [средний возраст], а в русском языке соответствующего наименования нет [Чуньяо, 2022: 7].

Характеристики разных возрастов в русской и китайской лингвокультурах также в целом совпадают. Так, детство схоже характеризуется наивностью, несамостоятельностью и детскостью (ср.: детскость – 天真, ребячество – 孩子气, ребячливость – 童心, ученичество – 幼稚) [Чуньяо, 2022: 11]. В характеристике подросткового возраста, тем не менее, наблюдаются отличия. В русской лингвокультуре принято оценивать этот возрастной период скорее негативно, что видно в лексемах: *юнец*, *недоросток*, *недомерок* и др. В китайской лингвокультуре подростковый возраст – это в первую очередь время, когда человек полон энергии, обладает полностью здоровым телом, а его будущее видится прекрасным, светлым. В связи с этим здесь функционируют для наименования подросткового возраста фразеологические единицы 风华正茂 – ‘в расцвете сил, молодости’, 生龙活虎 – ‘бодрый, энергичный, живой, как дракон и тигр’ [Маренина, Чжан, 2018: 88]. Интересно также то, что осень, которая в русской лингвокультуре ассоциируется со второй половиной жизни, старостью, в китайской лингвокультуре соотносится, как и весна, с подростковым возрастом,

юностью. Это видно, например, во фразеологизме 春秋鼎盛 – ‘весна и осень в расцвете’ [Там же].

Для молодого человека важным качеством в обеих лингвокультурах считается самостоятельность. Зрелость описывается как период наибольших возможностей человека, время достижения им значительных высот в жизни. Интересно, что в китайском языке наименование *зрелость* – так же является метафорическим, как и в русском: 成年 – ‘взрослость, зрелость’, то есть в сознании носителей и китайского, и русского языков существует параллель между концептами взросления человека и вызревания плода.

Для выражения семантики возраста в русском и китайском языках используются не только лексемы, но и фразеологические единицы. Отличия в их семантике объясняются «особенностями менталитета народа, историко-культурными фактами» [Цзюй, 2016: 149]. В то же время есть и сходство, например, «в русской и китайской лингвокультурах существует сходная норма, т. е. возраст женщины не следует выражать конкретно» [Чуньяо, 2019: 177].

В русской и китайской фразеологии, как и в лексике, обнаруживаются сходства и отличия в дифференциации разных возрастов. В частности, не для всех наименований людей по возрасту есть соответствия в обоих языках, к примеру, в китайском языке существует фразеологизм, с помощью которого именуют девочку-подростка: 豆蔻年华 – ‘она как цветущий кардамон’ [Цзюй, 2016: 151], в русской фразеологии схожей единицы не обнаруживается, что связано с лингвокультурными особенностями.

Другие возрасты имеют наименования и в русской, и в китайской фразеологии. Например, для наименования возраста девушки, которой пора замуж, в русском языке используется фразеологизм *на выданье, в самом соку*, а в китайском – 標梅之年 – ‘время, когда отцветает слива’. В китайском языке использован оригинальный образ, указывающий на значение цветущей сливы в китайской культуре, а именно то, что цветы дикой сливы символизируют

расцвет жизни, ей возрождение [Грибина, Ермолаева, Илюшина, Федосеева 2017: 92]. Полного совпадения между фразеологизмами быть не может, однако частичное совпадение всё же наблюдается: русский фразеологизм *в самом соку* так же соотносится с образом полного жизни растения, как и упоминание о сливе.

В некоторых фразеологизмах совпадения образного плана при наименовании людей по возрасту являются значительными. К примеру, для пренебрежительного наименования ‘молодого, наивного и неопытного человека’ в русском языке применяется фразеологическая единица *желторотый птенец* [Федоров, 2008: 544]. В китайском языке ей соответствует фразеологизм 羽毛未丰 – ‘неоперившийся птенец’, «у которого ещё не выросло перо» [Цзюй, 2016: 151]. Для указания на юность и неопытность человека в обоих языках используются фразеологизмы, построенные на метафоре грудного вскармливания. В русском языке есть просторечный и пренебрежительный фразеологизм *молоко на губах не обсохло* с семантикой ‘кто-либо совсем ещё молод и неопытен для какого-либо серьёзного дела, поступка, решения’ [Фёдоров, 2008: 378], а в китайском – выражение 乳臭未干, которое буквально переводится: ‘тот, кого кормят грудью’ со схожей семантикой.

С помощью схожих фразеологизмов в русском и китайском языках именуют старость. В русском языке используется фразеологизм *вечер жизни* – ‘старость’ (с пометами «переносное», «высокое» [Ожегов, Шведова, 1999: 77]), а в китайском – 垂暮之年 с семантикой ‘время уже приблизилось к вечеру’ [Цзюй, 2016: 151]. Данные концептуальные метафоры схоже представляют в обоих языках жизнь человека как день – период с утра до вечера. В то же время в восприятии старости, отражённом во фразеологии, наблюдаются и отличия. В китайском языке есть фразеологические единицы, с помощью которых подчёркивается позитивное восприятие старости: 长生久

视 – ‘глаза хорошо видят, уши хорошо слышат’; 焕发青春 – ‘молодая энергия стариков’; 美意延年 – ‘хорошее настроение продлевает срок жизни’ [Цзюй, 2016: 151]. В русском языке фразеологизмы с такой семантикой немногочисленны, гораздо чаще старость характеризуется в негативном ключе: *в чужой век жить* (устаревшее, неодобрительное) – ‘жить чрезмерно долго, до глубокой старости’ [Фёдоров, 2008: 61], *впадать в детство* (ироничное) – ‘терять рассудок от старости’ [Там же: 96], *выживать из памяти* (разговорное, экспрессивное) – ‘страдать забывчивостью, рассеянностью от старости’ [Там же: 113], *выживать из ума* (разговорное, экспрессивное) – ‘глупеть от старости; терять способность рассуждать, здраво мыслить’ [Там же], *на свалку пора* (просторечное, ироничное) – ‘о том, кто по состоянию здоровья, по старости не пригоден к работе, к активной деятельности’ [Там же: 596] и др.

Как видим, в русской лингвокультуре фиксируются такие признаки старости, как ослабление здоровья и интеллектуальных способностей, а также присутствует мысль о том, что старики утруждают своей долгой жизнью остальных членов коллектива. В русских фразеологизмах можно увидеть представления о возрасте не в линейной, а в «циклической» модели времени (метафоры времен года), сопоставление старости и детства, младенчества: *впадать в детство, старый что малый*.

Сопоставление наименований возраста в русском и китайском языках позволяет увидеть как универсальные для разных культур явления, так и специфику русской и китайской языковых картин мира, выявить те значимые для каждой из культур объекты и образы, этнические, культурные и ментальные особенности, которые отличают представления о возрасте в данных культурах.

## 2.5. Выводы

1. Семантическое поле 'возраст человека' в русском языке представляет собой совокупность лексических и фразеологических единиц, передающих семантику возраста. Ядерной единицей СП являются лексема *возраст*, в ядерную зону СП входят также наименования возрастных периодов (*детский, молодость*), числительные, указывающие на количество прожитых лет (*двадцатилетний*). к приядерной зоне относятся наименования по принадлежности к возрастному периоду (*ребёнок, старик*), глаголы изменения возраста (*взрослеть*). Кроме того, в составе СП 'возраст человека' выделяются зоны ближней, дальней и крайней периферии, единицы которых сочетают семантику возраста с другими семантическими компонентами (*дедушка, детвора, взрослость, омоложение, дошкольник, поколение, миллениалы, геронтология* и др.) или выражают её опосредованно, являясь знаками вторичной номинации (*сосунок, осень жизни, по-детски* и др.). Потенциально наиболее активно пополняемыми являются области дальней и крайней периферии поля, однако особенностью СП является то, что семантическим изменениям подвергается и ядерная зона поля.

2. Единицы СП 'возраст человека' могут быть как однословными, так и неоднословными: коллокациями - устойчивыми описательными конструкциями (*дети дошкольного возраста*), синтаксемами (*в возрасте*), фразеологизмами-идиомами (*бальзаковский возраст, не первой молодости*). Состав единиц обоих типов в современном русском языке постоянно пополняется.

3. Возраст является не только неотъемлемой индивидуальной характеристикой отдельного человека, но и признаком, на основании которого выделяются социальные группы, то есть совокупности людей, имеющие и другие общие характеристики (особенности здоровья, поведения, отношения к миру и прочее). В русском языке существуют разные способы номинации

человека по возрасту и совокупностей лиц, объединенных по признаку 'возраст' в социальные группы.

4. Анализ фразеологизмов СП 'возраст' показывает, что в русской лингвокультуре очень существенно понятие возрастной нормы, несоблюдение которой оценивается отрицательно. При этом возрастная шкала коррелирует с оценочной шкалой: молодость оценивается позитивно, а другие возрастные этапы (детство, подростковый возраст, старость) квалифицируются как антинорма. В русской лингвокультуре фиксируются такие признаки старости, как ослабление здоровья и интеллектуальных способностей. В русских фразеологизмах можно увидеть представления о возрасте не в линейной, а в «циклической» модели времени (метафоры времен года), сопоставление старости и детства, младенчества: *впадать в детство, старый что малый*. указание на отличие календарного и психологического возраста (*молод душой, молодой старик*).

4. Единицы СП 'возраст человека' обладают разнообразной стилистической окраской (могут быть нейтральными и стилистически маркированными), что указывает на их функционирование в различных сферах использования языка и на различные виды оценки, выражаемой с их помощью. В большинстве случаев для характеристики возраста и людей по возрасту, по возрастному поведению используются фразеологизмы со сниженной стилистической окраской. Фразеологические единицы с семантикой возраста, имеющие высокую, книжную стилистическую окраску, встречаются реже. Интересно, что обычно они связаны с наименованием пожилого возраста.

### ГЛАВА 3. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ 'ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА' (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

#### 3.1. Изменения в семантике и прагматике единиц поля, направленные на эвфемизацию старшего возрастного периода

Значительная часть изменений в составе СП и функционировании его единиц в современном публицистическом дискурсе направлена на эвфемизацию старшего возрастного периода (старости). Одним из средств эвфемизации, как известно, является использование гиперонима - слова с более общим значением (меньшим количеством дифференциальных признаков), за счет чего происходит семантическая редукция и «вуалирование» действительности [Лаптев 2015: 47]. Рассмотрим некоторые устойчивые сочетания со словом *возраст* (гиперонима по отношению к *старость*), использующиеся как эвфемистические замены.

##### 3.1.1. Сочетания со словом *возраст*: *в возрасте, среднего возраста, преклонного / старшего / пожилого возраста* и пр.

В современном русском языке широко используются трёхкомпонентные атрибутивные конструкции со словом *возраст*, построенные по модели «наименование лица + прилагательное + *возраста*». Это конструкции типа *человек / мужчина / женщина преклонного возраста; юноша / мужчина призывного возраста; ребенок школьного возраста* и т. п.

Синтаксемы с семантикой возраста и лексемой *возраст* в составе, являясь устойчивыми единицами, представлены в газетном корпусе НКРЯ значительным количеством употреблений (анализировались именно данные словоформы в составе сочетаний):

- *среднего возраста* (1573 примера),
- *школьного возраста* (1025 примеров),
- *преклонного возраста* (906 примеров),

- *призывного возраста* (756 примеров),
- *дошкольного возраста* (520 примеров),
- *с раннего возраста* (206 примеров),
- *почтенного возраста* (194 примера),
- *солидного возраста* (88 примеров),
- *нежного возраста* (68 примеров) и т. п.

Некоторые синтаксемы обладают книжной стилистической окраской, в связи с чем используются в научном и официально-деловом стилях речи. Это сочетания *дети школьного / дошкольного возраста, люди преклонного возраста* и др. Например: «Число людей с избыточным весом растет во всех регионах, особенно этому подвержены **дети школьного возраста**» [Lenta.ru, 2019], «Чаще всего это немедикаментозное лечение, что характерно для России, в частности, для **людей преклонного возраста**» [НКРЯ 2000]. В специальных дискурсах такие сочетания выполняют идентифицирующую функцию, служа точному наименованию возрастного периода.

В публицистике с помощью такой конструкции могут создаваться экспрессивные характеристики, нередко ироничные: «двенадцатилетний Георгий на улице с папой уже не первый раз – привыкает с **нежного возраста, так сказать**» [НКРЯ 2012], «Доходы у них небольшие, но **люди преклонного возраста** по понятным причинам всё равно считаются привлекательными заёмщиками» [НКРЯ 2021].

Во многих случаях фразеологизмы со словом *возраст* выполняют функцию эвфемизации: *солидный возраст, старший возраст* более мягко именуют период старости: «Для Кристофера Ли, прославившегося ролями главных злодеев кинематографа, начиная с графа Дракулы и заканчивая волшебником Саруманом, **солидный возраст** точно не является помехой» [НКРЯ 2013]. Эвфемизм *солидный* имеет значения ‘основательный, глубокий, серьезный’, ‘заслуживающий доверия, с установившейся репутацией, авторитетом’ [МАС 1999, 4: 190]; с помощью данного прилагательного

подчёркиваются преимущества пожилого возраста – обладание большим опытом и авторитетом, статусность, влияние. Подобные сочетания выполняют роль эвфемизмов, указывая на возраст (как правило, пожилой) завуалированно: «*Директор института академик Сергей Александрович Федотов, несмотря на свой **солидный возраст**, ученое звание академика РАН и более чем тридцатилетнее пребывание в директорской должности, оказался на редкость коммуникабельным и приятным в общении человеком*» [НКРЯ 2019].

Эвфемизмом также является сочетание *почтенный возраст, почтенного возраста (почтенных лет)*, которое употребляется «вместо стареющий, старый» [Сеничкина, 2008: 343]. Его внутренняя форма отражает глубокое уважение, поскольку этимологически слово *почтенный* связано с глаголом *почитать* – ‘относиться к кому-, чему-либо с уважением, почтением, чтить’ [МАС 1999, 3: 344]. В реальной языковой практике семантика почтения перестала ощущаться и сочетание используется просто как замена для табуированных наименований: «*Спектаклей, в которых не задействованы актеры **почтенного возраста**, всего четыре*» [НКРЯ 2020]. Нередко сочетание используется в уступительной конструкции с союзом *несмотря на*: «***Несмотря на почтенный возраст**, уделяла внимание нашему проекту, делилась историями и деталями*» [НКРЯ 2019].

Очень распространённой в современном информационном пространстве является синтаксема *кризис среднего возраста*. В газетном корпусе НКРЯ находим 380 соответствующих примеров. Определение данного сочетания обнаруживаем в психологической литературе, где оно обозначает разновидность возрастного и личностного кризиса и чаще именуется «кризисом середины жизни». И.С. Кон полагает, что данный кризис наблюдается в 40–50 лет, когда «начинается постепенный спад» в личностном развитии человека, до этого поступательном [Кон, 1984: 208]. В этом возрасте человек «начинает всё острее чувствовать, что есть много вещей, которые ему

уже “нельзя делать” или “поздно начинать”» [Там же: 216]. Конкретными проявлениями кризиса среднего возраста, по мнению психологов, становятся «телесные изменения, стадии семейного цикла, развитие Я, сдвиги в профессиональных и гендерных ролях» [Солодников, Солодникова, 2009: 182].

В современном публицистическом дискурсе встречаются довольно точные в психологическом плане описания состояния, именуемого данной синтаксемой. Например: *«В 45 лет Джанлуку наступил кризис среднего возраста: он понял, что бизнесмен из него никакой, и решил потратить остаток жизни не на работу, а на себя»* [НКРЯ 2017]. Чаще всего, описывая кризис среднего возраста, писатели и журналисты отмечают гендерные особенности поведения людей, в первую очередь – увлечение мужчин данного возраста более молодыми женщинами: *«Известно, что ближе к сорока у них наступает “кризис среднего возраста”, они рьяно начинают менять спутниц жизни, предпочитая то, что оказывается в более красивой упаковке, а потом плачут, что те только за сумочками гоняются»* [НКРЯ 2010].

За счёт фразеологизмов состав единиц СП ‘возраст человека’ постоянно пополняется. Так, в НКРЯ можно обнаружить оригинальные метафорические сочетания, построенные по модели «наименование лица + прилагательное + *возраста*». Чаще всего они являются эвфемизмами и служат для завуалированного наименования людей пожилого возраста. В СМИ авторы стремятся назвать героев своих публикаций мягче, например: *«В городе развивается программа “Цифровой волонтер”, призванная помочь людям “серебряного” возраста разобраться с компьютером, смартфоном и другими цифровыми устройствами, научить их самостоятельно заказывать через Интернет продукты или лекарства, находить нужную информацию»* [НКРЯ 2020]. В словарях неологизмов сочетание *серебряный возраст* нами не обнаружено, хотя лингвистами оно характеризуется как частотное [Вепрева, Купина, 2019: 116]. Лексема *серебряный* отмечается в словаре эвфемизмов

Е.П. Сеничкиной в связи с заменой слова *седой* (в сочетаниях *поблёскивают серебряные нити* [Сеничкина 2008: 356], *серебряные волосы, серебряная голова* [Там же: 389]) и, тем самым, смягчением указания на пожилой возраст.

Какие-то из рассмотренных коллокаций, очевидно, станут со временем идиомами. Однако остальные, как нам кажется, не утратятся. Скорее, наоборот, число коллокаций, обозначающих возраст, будет увеличиваться. Для человека характерно желание осмыслить свою жизнь, собственное Я, и более точно, детально описать своё состояние, в том числе свой возраст и его влияние на ощущение мира, на поведение окружающих. Фразеологизмы позволяют давать возрастным качествам людей более развёрнутую и конкретную характеристику.

### 3.1.2. Семантические дериваты *возраст* и *возрастной* (*возраст* в значении ‘пожилой возраст’ и *возрастной* в значении ‘пожилой’)

СП ‘возраст’ активно пополняется за счет семантической деривации. Так, в современной речи широко используется семантический неологизм *возраст* в значении ‘пожилой возраст’. Значение ‘большой возраст или возраст больший, чем подразумеваемый’ у слова *возраст* зафиксировано в «Активном словаре русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна [Активный словарь русского языка]. В «Словаре эвфемизмов» Сеничкиной отмечается, что слово *возраст* употребляется «вместо старость», и это значение является разговорным, переносным [Сеничкина, 2008: 85]. В данном случае мы имеем дело с такими семантическими процессами, как эвфемизация и одновременно сужение лексического значения: вместо семантики возраста вообще, любого возраста лексема указывает на определённый возраст.

Как правило, высказывания, где слово *возраст* употребляется в значении ‘пожилой возраст’, выстраиваются таким образом, что возраст, о котором идёт речь (*немолодой, 30+, пожилой*) ни для кого не составляет тайны, вполне ясен. Например: «*И одна актриса, которая скрывала свой*

*возраст*, спросила у директора: мол, что нужно делать, чтобы подольше прожить?» [НКРЯ 2002]. Читателю ясно, что актриса скрывала не молодой возраст. Эта уверенность формируется за счёт экстралингвистических факторов, фоновых знаний говорящих: и автор, и читатели прекрасно понимают, что актриса скрывает свой возраст, чтобы казаться молодой, значит, для нее и окружающих реальный возраст таковым уже не является.

Аналогично воспринимается следующий пример: «**Несмотря на возраст**, он продолжал участвовать в научной жизни, выступал с докладами, писал книги» [НКРЯ 2004]. Лексема *возраст* употреблена здесь в уступительной конструкции, то есть обозначает несоответствие чего-либо имеющимся условиям, в данном случае – немолодого возраста – активной научной жизни. Уступительная конструкция *несмотря на возраст* (без определения перед словом *возраст*) является в русском языке достаточно распространённой; в НКРЯ обнаруживаем 356 примеров. В них, как правило, говорится о людях, биологический, психологический и календарный возраст которых не совпадает: психологический меньше календарного.

Герои, по отношению к которым употребляется данное сочетание, бодры, ведут себя как молодые: «*На репетициях я увидел, как Касьян Ярославич вдохновенно, **несмотря на возраст**, показывает движения и все время внимательно слушает музыку, придумывая сложные балетные переплетения танцовщиков*» [НКРЯ 2013]. В более редких случаях данное сочетание используется при описании людей младшего возраста, которые совершают что-то значимое вопреки своему возрасту, то есть ведут себя как взрослые: «*Первыми на лед по традиции вышли самые юные гонцики, некоторым из которых всего 4 года. **Несмотря на свой возраст**, ребята уверенно проходили трассу, стремясь к победе*» [НКРЯ 2020]. Можно говорить о том, что подобные конструкции эксплицируют возрастные нормы. Обратим внимание на то, что в последнем примере используется определение

*свой*, тогда как применительно к старшему возрасту определение обычно не используется.

Если речь идёт о женщинах, то важнее становится мысль о внешнем несоответствии возрасту, о том, что та или иная женщина выглядит гораздо моложе своих лет: «*Это правда: долгие десятилетия Фатеева опровергала свой **возраст** одним лишь внешним видом, да и сегодня выглядит моложе своих лет*» [НКРЯ 2020]. Способность выглядеть моложе своих лет становится доказательством незаурядности женщин, о которых идёт речь.

Семантическим дериватом последнего времени является также лексема **возрастной** в значении ‘пожилой’. Примечательно, что в «Большом академическом словаре» приводится оттенок основного значения «*возрастной* – взрослый, вступивший в зрелый возраст» [БАС 3: 80], данный оттенок значения характеризуется как устаревший и иллюстрируется примером из произведения 19 века: «Возрастные парни из хора поглядывают, крепко ли их сторона держится...» [БАС 3: 80]. В словаре Т.Ф. Ефремовой данное значение прилагательного зафиксировано как разговорно-сниженное: ‘вступивший в зрелый возраст’ (основное значение дается как ‘зрелый период в развитии человека, животного, растения’ [Ефремова, 2000]). Обратим внимание, что оттенок значения ‘взрослый’ является просторечным и устаревшим и что он относился к другой возрастной группе, нежели современное (новое) производное значение *возрастной* (*пациент*) ‘пожилой’. В МАС и в других толковых словарях производные значения или оттенки значения отсутствуют, как и в словарях неологизмов. Таким образом, можно утверждать, что слово *возрастной*<sup>1</sup>, относящееся к ядру поля, демонстрирует на протяжении последних двухсот лет уже второй случай семантической деривации – сужения значения (19 век – ‘зрелый возраст’, 20 век – ‘пожилой возраст’).

Современный семантический дериват, в отличие от предыдущего, несомненно, эвфемизм, призванный смягчить указание на пожилой возраст. В

современном употреблении слово является нейтральным. Например: «*Ранее **возрастной** спортсмен из Свердловской области умер после неудачного прыжка в бассейн*» [Газета.ру, 02.05.2023], «*К пластической хирургии, правда, прибегают теперь немногие и в основном **возрастные пациентки** — 45+» [МосквичМаг 2023]. «*Петр Иванович был бледен **возрастной**, усталой бледностью*» [НКРЯ 2014].*

Вообще имя прилагательное *возрастной* значительно расширило своё употребление в современном русском языке, реализуясь в ряде терминологизированных сочетаний: *возрастной ценз, возрастные изменения, возрастные проблемы* и др. Некоторые из данных сочетаний со временем могут получить статус фразеологизмов. Как мы считаем, особенно близко к этому сочетание *возрастной ценз*, регулярно употребляемое в различных текстах. В НКРЯ мы находим 926 примеров его использования. Например: «*Компаниям, предоставляющим услуги по прокату самокатов, рекомендовано ввести **возрастной ценз** на управление самокатами с 16 лет*» [НКРЯ 2021]. Именно важность для современного общества понятия *возрастной ценз* объясняет распространённость «цифровой модели», которая рассмотрена ниже (6+, 14+, 18+, 21+ и др.)

Итак, как показывают современные контексты, во многих случаях употребление слова *возраст* и его дериватов связано с эвфемизацией, смягчением информации о пожилом возрасте.

### 3.1.3. Использование слова *ветеран*

#### как эвфемистической номинации пожилого возраста<sup>1</sup>

В толковых словарях русского языка зафиксировано значение слова *ветеран* «Опытный, бывалый, испытанный в боях воин» [БАС 2: 247], в структуре значения основной является сема ‘опытный’, имеющая положительную коннотацию. То есть ветераном может быть человек любого

---

<sup>1</sup> Материал данного параграфа излагается по работе [Ван Шоин 2023]

возраста, даже молодой; главный критерий – наличие у него опыта. Слово *ветеран* входит, однако, в состав рассматриваемого СП на основании компонента производного значения, также зафиксированного в современных толковых словарях, например, в «БАС»: «Старый, заслуженный работник (деятель) в какой-либо области» с иллюстрацией «*ветеран труда*» [БАС 2: 247]. Однако в значительной части современных употреблений слово в данном значении используется в эвфемистической функции и сема ‘опытный’ как бы замещает сему ‘старый’, имеющую негативную коннотацию, присутствующую, к примеру, в слове *пенсионер*.

В современном публицистическом дискурсе ветеранами часто называют пожилых людей, которые длительное время проработали на каком-то предприятии. Например: «**Ветераны** ГосЦНИРТИ неоднократно поднимали вопрос: институт должен носить имя своего основателя, А.И. Берга!» [НКРЯ 2012]; «**Но ветераны** Московского автозавода имени Лихачева хорошо помнят улыбчивого и общительного китайского стажера, который дирижировал хором своих соотечественников...» [НКРЯ 2012]. Использование лексемы *ветеран* как эвфемизма позволяет авторам СМИ упоминать о работавших ранее на предприятиях сотрудниках в уважительном ключе, как о людях, достойных почтения, мнение которых высоко ценится и заслуживает внимания. При этом подразумевается, что это люди пожилого возраста, пенсионеры, не обязательно официально имеющие звание ветерана труда.

В наиболее полном на данный момент словаре эвфемизмов русского языка Е.П. Сеничкиной отмечаются такие эвфемизмы, указывающие на пожилых людей и на состояние старости, как *век Мафусаила*, *вечер (жизни, лет)*, *вторая молодость*, *золотая осень*, *золотой возраст*, *осень жизни (лет)*, *пожилого возраста*, *пожилой*, *почтенного возраста (лет)*, *преклонного возраста (лет)*, *солидный*, *старшее поколение* и др. Лексема *ветеран*, несомненно, имеющая эвфемистические употребления, в данном словаре не

приводится [Сеничкина, 2008]. Не упоминается и не рассматривается данная лексема и в монографическом исследовании А.П. Кудряшовой, посвящённом эвфемизмам этого типа [Кудряшова, 2015], и в других научных публикациях, ориентированных на анализ эвфемизации сферы возраста [Лаптев, 2015; Чеметева, Давыдова, 2018]. Тем не менее принадлежность лексемы *ветеран* к эвфемизмам по признаку возраста очевидна и должна быть рассмотрена.

Чаще всего слово *ветеран* выступает в устойчивом сочетании *ветеран труда*. В НКРЯ зафиксировано 179 примеров использования данного сочетания. Звание *ветеран труда* имеет положительную коннотацию, звучит почётно, гордо, указывает на наличие дополнительных прав. Например: «*Я не позволю над собой издеваться. Я ветеран труда. Много лет на административных должностях*» [НКРЯ 2013]. Использование данного наименования позволяет показать высокий статус человека, в связи с которым ему необходимо помогать, оказывать особое уважение, а любое отсутствие уважения и помощи воспринимается как недопустимое, возмутительное, требующее принятия мер, порицания: «*Ветеран труда Агния Оконь уже два года живет вообще без отопления!*» [НКРЯ 2009].

Лексема *ветеран* функционирует как составная часть наименований, обозначающих различные комитеты, отделы, департаменты соответствующей направленности. Данные наименования также зафиксированы в НКРЯ. Так, сочетание с официальной стилистической окраской *по делам ветеранов*, отсылающее к указанным структурам, встречается здесь 15 раз. Например: «*На их вопросы отвечает начальник Отдела по делам ветеранов Управления социальной защиты Л.А. Габченко*» [НКРЯ 2003]. Наиболее часто используется в СМИ сочетание *совет ветеранов* (159 раз). Например: «*В новом виде возрождаются на комбинате и общественные организации, такие, как совет ветеранов, женсовет*» [НКРЯ 2004]. Несколько реже (26 раз) – сочетание *союз ветеранов*. Например: «*Организации, представляющие интересы различных категорий льготников, – такие, как Союз ветеранов*

*России, Союз чернобыльцев, Союз воинов Афганистана и др. – способны квалифицированно отстаивать их права» [НКРЯ 2004].*

Лексема *ветеран* в прямом значении, входит в состав сочетания *льготы ветеранам* (количество примеров в НКРЯ – 17): *«И конечно, свою монополию на память государство укрепило социальной политикой: льготы ветеранам стали весомым эквивалентом общественного уважения» [НКРЯ 2005].*

В сочетаниях *помощь ветеранам* (23 примера), *забота о ветеранах* (4 примера), *хор ветеранов* (7 примеров) и др. забота о ветеранах позиционируется как действие, важное для государственной политики, однако вероятнее всего слово *ветеран* здесь использовано в производном эвфемистическом значении. Ср: *«В помощь ветеранам, которые обращаются на завод с различными просьбами, создана специальная приёмная, которую возглавил Евгений Иванович Комплешов» [НКРЯ 2004].* Словом *ветераны* в данном контексте обозначены люди, долго проработавшие на предприятии и вышедшие на пенсию, но не обязательно имеющие соответствующее звание.

Интересно и показательное функционирование в современном русском языке сочетания *хор ветеранов*. Это вполне официальное название для коллектива исполнителей пожилого возраста. Хоры ветеранов создавались в 1950–1970-х гг. именно как певческие объединения ветеранов войны и труда, в настоящий момент эта специфика утрачена. По сути, сейчас *хоры ветеранов* – это самодеятельные вокальные объединения, которые функционируют на базе Дворцов культуры, Домов творчества и иных подобных организаций и в состав которых входят не только ветераны войны или труда, но и простые пенсионеры. Информация о выступлениях таких коллективов регулярно появляется в СМИ. Например: *«Зерноградскому народному хору ветеранов войны и труда исполнилось 15 лет. В его репертуаре частушки и романсы, классика и народные песни» [НКРЯ 2003].* Наименование *хор ветеранов*, таким образом, отражает языковую и социальную традицию. Сочетание *хор*

*ветеранов* позволяет увидеть общую тенденцию расширения лексемой *ветеран* своего значения на данном этапе развития русского языка.

Мы считаем, что лексема *ветеран* в современном публицистическом дискурсе расширяет своё использование как эвфемизм. Одновременно можно говорить о том, что люди пожилого возраста на данном этапе развития общества нуждаются во внимании и защите, одним из способов проявления которой является эвфемизация наименования представителей старшей возрастной группы. Всё это вместе с увеличением доли в обществе пожилых людей (в связи с ростом продолжительности жизни, повышением их общественной активности). Лексема *ветеран*, используемая как эвфемизм со значением ‘старый человек’, актуализирует сему ‘опытный’, реализует положительную коннотацию основного значения.

Таким образом, на формирование эвфемизмов и расширение ими сферы использования влияют в первую очередь социальные факторы, что подтверждает социальную обусловленность эвфемизации как языкового явления. Эвфемизмы, обозначающие пожилых людей, относятся к альтернативным средствам вербализации признака старшего возраста, посредством которых говорящий прибегает к речевому маневрированию и воздерживается от использования слов и сочетаний, социально неодобряемых в современном информационном пространстве, в том числе в публицистическом и политическом дискурсе. Наличие в информационном пространстве лексем, используемых как эвфемизмы для обозначения представителей старшего поколения, указывает на признание обществом существования проблемы возраста: люди пожилого возраста становятся уязвимыми, нуждаются в защите. Некоторую степень такой защиты, по крайней мере, в речи, и способны обеспечить эвфемизмы.

### 3.1.4. Значение и употребление слова *пенсия* и дериватов (*пенсионер(-ка), предпенсионер, пенсионный*)<sup>1</sup>

Лексема *пенсия*, её дериваты (*пенсионер(ка), предпенсионер, пенсионный*) и коллокации, в которых она выступает в качестве коллоката, связаны с представлениями носителей русского языка о старости – одном из важнейших возрастных периодов человека. Лексема *пенсия* и её дериваты только входят в круг анализируемой лингвистами лексики с семантикой пожилого возраста. Л.О. Бутакова описывает ассоциативный эксперимент, в результате которого выявлено, что лексемы *пенсионер, пенсионерка, пенсия* воспринимаются носителями русского языка очень стереотипно, а уровень позитивного эмоционально-чувственного переживания данных слов-стимулов является средним [Бутакова, 2019: 143]. Рассматриваемые слова, не обозначая прямо пожилой возраст и людей такого возраста, в современной речи часто используются с данной семантикой, что обуславливает исследовательский интерес к ним.

В «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР в 17-ти томах семантика слова *пенсия* толкуется как «периодическая (обычно ежемесячная) денежная выплата, имеющая целью материальное обеспечение граждан при утрате ими работоспособности, при потере кормильца и пр.» [БАС 9: 380]. Данная дефиниция не указывает прямо на то, что чаще всего пенсия назначается по возрасту (по старости). В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой такое указание присутствует как одно из оснований для выплаты; здесь *пенсия* – ‘денежное обеспечение, получаемое гражданами из общественных фондов потребления в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности’ [МАС 1999, 3: 40]. В данном словаре имеется отсутствующее в дефиниции указанного выше словаря уточнение по поводу такого источника денежной выплаты, как общественные фонды потребления. Аналогичная дефиниция слова *пенсия* приведена в

---

<sup>1</sup> Материал данного параграфа излагается по работе [Ван Шоин, 2024].

большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова [БТСРЯ: 791]. В дефиниции из «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой источник пенсионной выплаты не указан, зато здесь более чётко и полно сформулированы её основания: «денежное обеспечение за выслугу лет, по инвалидности, нетрудоспособности, в случае потери кормильца» [Ожегов, Шведова, 1999: 498]. В указанном словаре зафиксировано также второе значение слова *пенсия*, появившееся в результате метонимического переноса: «деньги, получаемые в качестве такого обеспечения» [Там же].

Слово *пенсионер* в БАСе имеет объяснение «человек, получающий пенсию» [БАС 9: 379], *пенсионерка* – «женский к пенсионер» [Там же], *пенсионерский* – «относящийся к пенсионеру, пенсионерам» [Там же], *пенсионный* – «относящийся к пенсии» [Там же]. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой дериваты лексемы *пенсия* имеют схожие или одинаковые пояснения: *пенсионер* – «тот, кто получает пенсию» [МАС 1999, 3: 40], *пенсионерка* – «женский к пенсионер» [Там же], *пенсионерский* – «прилагательное к пенсионер» [Там же], *пенсионный* – «прилагательное к пенсия, связанный с пенсией» [Там же].

Основным семантическим признаком слова *пенсия* и его дериватов, в соответствии со словарными дефинициями, является наличие какой-то выплаты социального плана. Семантика выплаты восходит к этимологии слова *пенсия*: по данным словаря М. Фасмера, в русский язык оно пришло из польского языка (*pensja*) или из немецкого (*Pension*), где было образовано от латинского *pensio* – «платеж», происходящего от глагола *pendo, pensum, pendere* с семантикой «ценить, оценивать» [Фасмер 3: 232]. Особенностью данной выплаты является то, что она является не вознаграждением за труд, а предназначена для социальной поддержки граждан, которые не способны самостоятельно заработать на жизнь, обеспечить своё существование.

Дефиниции толковых словарей представляют основные языковые значения слова *пенсия* и его дериватов, однако функционирование этих слов в

речи показывает их семантическое развитие. Согласно материалу НКРЯ, слово *пенсия* употребляется в современной речи практически исключительно в значении ‘пенсия по старости’. Лексема *пенсия* обозначает какой-то другой вид пенсии только примерно в 6 % встречающихся в НКРЯ примеров, причём в этом случае обязательно контекстуальное указание на вид пенсии с помощью соответствующего распространителя. Например: «...*Оказалось, что после смерти отца дочке назначили **пенсию по потере кормильца***» [НКРЯ 2018]. Если же речь идёт о пенсии по старости, то уточнение её оснований и распространения слова не требуется: «*Девочек перевели в другие цеха, кто-то уволился, **ушел на пенсию**, а я все равно приходила в наше здание*» [НКРЯ 2016]. По нашему мнению, функционирование слова *пенсия* в современной русской речи даёт основания говорить о сужении лексического значения слова и о появлении у него ещё одного лексико-семантического варианта. Лексемы *пенсионер* и *пенсионерка* используются для обозначения людей, получающих пенсию по старости, ещё чаще, практически в 100 % контекстов. Пенсионерами не называют тех, кто получает пенсию по потере кормильца или по инвалидности, не достигнув пожилого возраста.

Исходя из контекстов употребления слова *пенсия* и его дериватов (*пенсионер, пенсионерка, пенсионный*) можно выявить стереотипные представления, в том числе оценочные, о пенсионерах, – коннотации лексемы *пенсия* и её дериватов. Так как в подавляющем числе контекстов говорится о пенсионерах по старости, то основным признаком пенсионера, согласно контекстам НКРЯ, – это его пожилой возраст. Можно считать, что это не прагматическая, а семантическая характеристика, компонент нового ЛСВ слова. В НКРЯ представлены примеры с синонимией слова *пенсионер* и слов со значением ‘старый’: «*Он **старый, пенсионер**, и помощи от властей ждать ему не приходилось*» [НКРЯ 2015]. Впрочем, эксплицитное указание на пожилой возраст встречается редко, так как данный признак входит в значение слова и отдельное упоминание о нём избыточно. В приведённом примере

слово *старый* служит для усиления «возрастной» семантики лексемы *пенсионер*, а комбинация данных слов призвана мотивировать коннотативный признак ‘ненужности’ пенсионера, который не ждёт *помощи от властей*.

По контекстам НКРЯ выявляется еще одна стереотипная характеристика пенсионера в понимании носителей языка – коннотация ‘бездеятельность, отсутствие регулярных занятий’. Это проявляется, к примеру, когда лексема *пенсионер* выступает в составе сравнительной конструкции, обозначая объект сравнения (некто сопоставляется с пенсионером по признаку пассивности): *Днем Крылов, будто пенсионер, сидел, запахнувшись в утепленный плащ, на влажной дворовой скамейке и смотрел на мокрые нахмуренные астры...*» [НКРЯ 2017]. Как отмечает М.Н. Крылова, грамматический арсенал современных сравнительных конструкций небогат (чаще всего, как и в примере выше, говорящими используются сравнительные обороты), а вот к образам сравнения носителями языка предъявляются высокие требования с точки зрения их смысловой наполненности, ёмкости, оценочности [Крылова, 2013: 36]. Лексема *пенсионер* становится ярким образом для характеристики человека, который ничем не занят, скучает, отдыхает, много спит. Аналогично используется и слово *пенсионерка*: «*А я ему верю, да проспала из-за него, как пенсионерка. Стыд, страшно подумать*» [НКРЯ 2002].

Следствием сочетания семантики пожилого возраста и бездеятельности может стать понимание пенсионера как ненужного, лишнего, бесполезного человека. Например: «*Вот мне, предпринимателю, зачем пенсионерка? Я ее не приглашал*» [НКРЯ 2014]. Пенсионер стереотипно изображается как человек, вышедший из активного состава общества, даже ставший обузой. При этом такая оценка пенсионного возраста и людей в этом возрасте осознаётся говорящими как негуманная, неправильная, недопустимая. Высказывания, касающиеся этой этической проблемы, регулярно появляются в медиапространстве. Например: «*Одной из главных задач современного общества, по мнению участников конференции, является разрушение*

*стереотипа, в соответствии с которым старение – это проблема, пенсионный возраст – это период дожития, а пожилой человек – обуза для молодых и трудоспособных»* [НКРЯ 2015]. Стереотип, о разрушении которого идёт речь, тем не менее остаётся достаточно устойчивым, о чём свидетельствуют контексты НКРЯ.

Описания деятельных, живых, бойких, активных пенсионеров встречаются в контекстах НКРЯ гораздо реже, чем описания бездеятельных, безынициативных, немощных, и, возможно, именно поэтому привлекают внимание. Стереотипы, характеризующие пенсионера как человека пожилого, старого, слабого, разрушаются упоминанием деталей, которые ассоциируются с молодыми, бодрыми, полными сил людьми: *«Тот самый Виктор Дмитриевич, вызывающий опасения пенсионер, пружинисто взбегаёт на школьное крыльцо, на плече у него – велосипед, на лице – улыбка»* [НКРЯ 2013]. В приведённом примере признаки, которые декларируются как не свойственные пенсионеру и поэтому удивляющие, – это пружинистая походка, езда на велосипеде, улыбка как признак хорошего настроения и доброжелательности. Создаётся позитивный образ, для которого характеристика *пенсионер* воспринимается как случайная, не главная.

Контексты, в которых пенсионеры предстают активными и счастливыми людьми, действительно, редки. Чаще они описываются как люди несчастные, не живущие полной жизнью, доживающие свои дни в заботах и безденежье: *«...Бабушка Вера, простая, затюканная бытовухой пенсионерка»* [НКРЯ 2013].

К стереотипным признакам пенсионеров, которые частотно проявляются в контекстах НКРЯ, относятся и физические характеристики, например, внешняя непривлекательность: *«Случайные подружки становились всё менее презентабельными. Так подкатил пенсионный возраст»* [НКРЯ 2016] и физическая слабость, немощь: *«Если постоялец (годы и болезни делают свое) становится немощным, его переводят в дом-интернат, что в*

поселке Горького (как вариант – на Красной Речке), где **пенсионеру** будет обеспечен надлежащий уход» [НКРЯ 2004].

В описаниях пенсионеров в художественных текстах, как правило, сочетается несколько наиболее типических признаков, с помощью которых характеризуются люди пожилого возраста. К примеру, это могут быть физическая немощь и безынициативность (действие по привычке, на основании сформированного ранее опыта): *«Борьба с ним, а вернее трусливое и заранее обречённое на безуспешность бегство от него (так старается догнать уже закрывающий двери автобус **пенсионер с палочкой в дрожащей руке, просто по привычке зная, что отъезжающие автобусы надлежит догонять)**...»* [НКРЯ 2013]. В данном примере снова видим сравнение, точнее – сопоставление (на этот раз в форме вставной конструкции с указательным словом *так*), объектом сопоставления является пенсионер, его качества и действия. Апелляция к подобному стереотипному образу позволяет говорящему создать яркую и понятную адресатам именно за счет своей максимальной стереотипности картину.

Ещё одна коннотация лексемы *пенсионер(ка)*, проявляемая в рассматриваемых контекстах, – понимание пенсионера как обычного, ординарного человека, не наделённого какими-то особыми способностями, такого же, «как все». Определение *обычный* является достаточно распространенным атрибутом рассматриваемых лексем. Нередко упоминание об «обычности» пенсионера звучит иронично и подразумевает, что ощущение ординарности только мнимое, а на самом деле человек не такой уж обычный, просто его неординарность скрыта за маской «обычного пенсионера». Например: *«Сейчас вроде бы **обычный пенсионер-мухомор**, но если присмотреться – ан нет, не обычный!»* [НКРЯ 2011], *«Сегодня я **обычный пенсионер**, подрабатывающий инвестконсультациями в разных регионах страны»* [НКРЯ 2017].

Особое место среди дериватов слова *пенсия* занимает лексема *предпенсионер*, образованная префиксальным способом от слова *пенсионер*. Она является неологизмом с терминологическим значением, в толковых словарях не зафиксирована, свойственна официально-деловому стилю. Объяснение семантики слова *предпенсионер* находим в НКРЯ: «Также законодательно появилось понятие “**предпенсионер**”. Это люди, которым до пенсии остается пять лет» [НКРЯ 2019]. В основном корпусе контексты с данным словом отсутствуют, что объясняется задержкой с вводом контекстов, а в газетном корпусе нами обнаружено 363 примера, из которых 11 – в форме единственного числа. Все контексты относятся к официально-деловому стилю, представлены в документах и новостных сообщениях официального характера: «В Москве упростили порядок получения статуса **предпенсионера**» [НКРЯ 2021]. Количество и характер контекстов указывает на то, что лексема *предпенсионер* ещё не вошла в широкое употребление. В официальных сообщениях декларируется необходимость оказывать помощь предпенсионерам со стороны государства, звучит мысль об их социальной незащищённости в связи с немолодым возрастом и скорым выходом на пенсию. Например: «По его словам, безработные **предпенсионеры** находятся в уязвимом социальном положении и нуждаются в соответствующей правовой помощи» [НКРЯ 2019].

Состав дериватов слова *пенсия* пополняется не только за счёт единиц официально-делового стиля. В последнее время в неформальной русской речи достаточно активно функционирует лексема *пенс* в значении ‘пенсионер’, образованная от производящей основы *пенсионер* усечением. Эта лексема имеет просторечную стилистическую окраску и обычно используется как насмешливое или даже обидное наименование. По нашим наблюдениям, лексема *пенс* применяется говорящими активно, но сферой её функционирования является непосредственная разговорная речь, в том числе письменная (в интернет-коммуникации), поэтому в НКРЯ она встречается не

очень часто. С помощью слова *пенс* называют пожилого человека, который чем-то неприятен, вызывает у говорящего негативные чувства. Например: «*А то такую милашку быстро какой-нибудь **пенс** из Германии заберет*» [НКРЯ 2013], «*Там атакуют Трампа, чтобы после импичмента президентом стал удобный **пенс***» [НКРЯ 2019]. В форме множественного числа лексема *пенсы* обозначает пожилых людей как совокупность: «*Подходит дама средних лет и просит написать про другую катастрофу – местного депутата, он же сосед, который исправно сносит скамейку у подъезда, чтобы **пенсы** не галдели под окном, не мешали его послеполуденному отдыху*» [НКРЯ 2012]. Лексема *пенс* семантически связана только со словом *пенсионер* в значении ‘лицо, получающее пенсию по возрасту’, то есть во вновь образуемых дериватах лексемы *пенсия* значение возраста становится единственным.

Основные коллокации, в состав которых входят слова *пенсия* и дериваты: *будущий пенсионер, почётный пенсионер, персональная пенсия, персональный пенсионер, пенсионный возраст, пенсионная реформа, пенсионный фонд, пенсия по старости, пенсия по возрасту* и др. Все они связаны с указанием на пожилой возраст и относятся к каким-то вопросам, касающимся *пенсии по старости* (= *по возрасту*). Если употребление слов *пенсия* и дериватов как самостоятельных номинативных единиц ещё подразумевает их, пусть и нечастое, использование в других значениях, не соотносимых с возрастом, то в качестве коллокатов они имеют исключительно «возрастную» семантику, обозначая пенсию для пожилых людей и связанные с нею явления. Для подавляющего большинства контекстов, в которых используются данные сочетания, характерна официально-деловая окраска, то есть сочетания функционируют как термины или близкие к ним единицы.

В современном русском языке функционируют два сочетания, являющиеся синонимичными, – *пенсия по старости* и *пенсия по возрасту*. Оба они являются официальными, первый встречается в Законе о трудовых пенсиях, второе – в Трудовом кодексе Российской Федерации. В официальных

документах чаще используется сочетание *пенсия по старости*, так как они апеллируют главным образом к Закону о трудовых пенсиях, что отражается и в частоте использования данных сочетаний в НКРЯ: «*Пенсия по старости назначается при наличии не менее пяти лет страхового стажа, если гражданин трудился не во вредных условиях труда и не претендует на льготную пенсию*» [НКРЯ 2003]. Можно отметить нежелание носителей языка использовать выражение *пенсия по старости* в разговорной речи. Естественно, это психологически неприятно, поскольку в этом случае имеется в виду, что человек, выйдя на пенсию, сразу становится старым. Нежелание (сознательное или подсознательное) мириться с резким возрастным переходом обуславливает применение в устной речи обычных граждан выражения *пенсия по возрасту*. Например, видим его в зафиксированных в СМИ вопросах, которые граждане задают юристам и другим специалистам: «*Какой трудовой стаж работы нужно иметь, чтобы беспрепятственно оформить пенсию по возрасту?*» [НКРЯ 2003]; «*Увеличится ли размер моей пенсии, если по достижении 55 лет я перейду с пенсии по инвалидности на пенсию по возрасту?*» [НКРЯ 2002].

Лексема *пенсия* и её дериваты относятся к активной лексике современного русского языка, часто используются говорящими, встречаются в различных стилях, разновидностях и жанрах русской речи. В толковых словарях значение слова *пенсия* не предполагает обязательной связи с семантикой пожилого возраста. Однако в подавляющем большинстве контекстов НКРЯ слово *пенсия* и его дериваты используются для обозначения явлений и объектов, связанных с пожилыми людьми, получающими пенсию по старости. Можно говорить о сужении значения рассматриваемых лексем и образовании у них нового ЛСВ, входящего в семантическое поле 'возраст'. Контексты НКРЯ с анализируемыми лексемами показывают стереотипные представления, связываемые с лексемами *пенсионер* и *пенсионерка* и согласующиеся с прагматическими компонентами, которые описаны для

лексики со значением ‘старость’: ‘бездеятельность’, ‘бесполезность’, ‘внешняя непривлекательность и неприметность’, ‘физическая немощь’, ‘ворчливость’, ‘сварливость’, ‘низкие когнитивные способности’, ‘безынициативность’, ‘малообеспеченность’, ‘страсть к накопительству’. Последняя коннотация проявляет себя в языке в новом термине *феномен молодых пенсионеров* (о дисфункциональном накопительстве относительно молодых людей). Контексты, в которых происходит отход от данных стереотипов, становятся оригинальными, привлекающими внимание; в сознании носителей языка пенсионеры, ведущие себя нестереотипно, как люди более молодого возраста, заслуживают уважения.

Если лексемы *пенсия*, *пенсионер* являются коллокатами и входят в состав сочетаний разной степени устойчивости (*пенсионный возраст*, *будущий пенсионер* и др.), то признак пожилого возраста в их семантической структуре становится не просто преобладающим, а единственным; они используются только для наименования пенсии по старости, людей, эту пенсию получающих, предметов и явлений, с нею связанных. Большая часть коллокаций с лексемой *пенсия* и дериватами используются в официально-деловом стиле, где их окраска чаще всего нейтральная, официальная, торжественная (*будущий пенсионер*, *персональная пенсия*). В художественном стиле и в разговорной речи ряду сочетаний свойственно ироничное, насмешливое употребление.

### **3.1.5. Эвфемистическое использование других слов и фразеологизмов**

Эвфемизация наименований возраста и людей по возрасту в современном русском языке очень распространена, что связано с тенденцией к политкорректности речи, особенно ярко обнаруживающейся в публицистическом дискурсе. Возраст является одним из параметров человека, по которым возможна дискриминация, в первую очередь, в сфере труда [Деменева, Деменев, Удовиков, 2018], поэтому прямо называть количество лет или безапелляционно объявлять о возрасте человека в речи воспитанных

людей, в СМИ и публицистике не принято. Эвфемизмы помогают справиться с этим негласным общественным и культурным запретом.

Эвфемистические наименования по возрасту в ряде языков рассматривают различные учёные: Н.А. Ванюшина [Ванюшина, 2009], Ю.В. Горшунов [Горшунов, 2021], Е.В. Долгова [Долгова, 2022], Т.А. Ковалева [Ковалева, 2015], В.В. Скрябикова и Э.С. Денисова [Скрябикова, Денисова, 2020] и др. Тема возраста является табуированной у многих народов, и в первую очередь запреты касаются указания на пожилой возраст. Многие эвфемистические наименования возраста уже рассмотрены нами выше: лексема *пожилой*, сочетания *в возрасте*, *солидный возраст*, *преклонный возраст*, сочетания, построенные по модели «наименование лица + прилагательное + *возраста*» (*люди старшего возраста*), лексемы *возраст* в значении ‘пожилой возраст’ и *возрастной* в значении ‘пожилой’, лексемы *ветеран*, *пенсия*, *пенсионер*, *пенсионный* и др. Рассмотрим ещё несколько активно функционирующих в современном русском языке эвфемизмов.

Выше уже отмечалось широкое распространение «**цифровой**» модели номинации, которая в диапазоне 50+ и далее (60+, 65+, 70+ и др.) используется в качестве эвфемизма для обозначения пожилых людей. Такая модель стала особенно актуальна в период пандемии COVID-19 в объявлениях о различных ограничениях, касающихся граждан старшего возраста: «*С понедельника 65+ в Москве призвали сидеть дома, пообещав бесплатно доставлять все необходимое*» [<https://argumentiru.com/2020/09/is-516652>; 26.09.2020], «*Кабмин рекомендовал переводить работников 65+ на удаленку в приоритетном порядке*» [<https://tass.ru/ekonomika/10847535>; 05.03.2021]. Введение для граждан пожилого возраста различных ограничений ощущается в обществе как некоторая дискриминация, и «числовые» обозначения возраста призваны её смягчить. Кроме того, они выполняют функцию компрессии, позволяют сократить обозначение возраста до меньшего количества знаков.

На неологизмы такого вида обратили внимание исследователи. С.В. Былкова говорит о существовании в современных медиатекстах концепта «поколение 60+», выступающего как «одна из главных составляющих языкового образа человека» [Былкова, 2014: 18] и отражающего то, что «люди преклонного возраста по-разному смотрят на жизнь» [Там же: 20].

Семантика старости может передаваться через отрицание молодости, например, с помощью устойчивого сочетания *уже не молод*, которое в НКРЯ встречается 32 раза со слитным написанием *не* и 35 раз – с раздельным. Отметим, что по правилам русской орфографии написание должно быть раздельным, так как наречие *уже* играет здесь роль «пояснительного слова» при кратком прилагательном [Розенталь, 1989: 68]. В словаре эвфемизмов зафиксирована переносная семантика прилагательного *немолодой*, употребляемого «вместо стареющий; старый» [Сеничкина, 2008: 253]. Сочетание *уже не молод* отрицает старость, не говорит о ней напрямую; семантически оно обозначает, что человек вышел из состояния молодости, но не свидетельствует напрямую, что он достиг старости. В связи с этим оно потенциально может указывать на различный возраст. Так, при описании достижений спортсменов сочетание может обозначать, что человеку всего лишь около тридцати: «Джейми *уже не молод*, а блестяще отыграл только один сезон»<sup>1</sup> [НКРЯ 2016]. Если же речь идёт не о спортсменах, то сочетание чаще всего употребляется по отношению к пожилым людям, смягчая информацию об их возрасте: «Президент Зума призвал помнить, что Мандела *уже не молод*»<sup>2</sup> [НКРЯ 2013].

Аналогично различный возраст может обозначать прилагательное *немолодой*, употребляемое вне данного сочетания. Например: «По состоянию на 2017 год Масвидаль – *немолодой* боец с солидным послужным списком красивых, но часто проигранных поединков»<sup>3</sup> [НКРЯ 2019], «Я *немолодой*,

---

<sup>1</sup> Английскому футболисту Джейми Варди на момент публикации было 29 лет.

<sup>2</sup> Политику Нельсону Манделе, о котором идёт речь в публикации, – 94 года.

<sup>3</sup> Американскому бойцу Хорхе Масвидалю в 2017 году – 31 год.

мне 87 лет» [НКРЯ 2020]. Схоже используется наречие *немолодо*, обозначающее ‘старо’ [Сеничкина, 2008: 253]. Например: «*Пластически оперированные Николь Кидман, Ума Турман и Кейт Уинслед отважно морщат лбы, выставляют руки с набухшими венами и не запудривают пигментные пятна на щеках, отчего выглядят **немолодо**, но естественно, незащищенно и нежно*» [НКРЯ 2017].

Семантика ‘старый, увядающий’ передаётся также с помощью эвфемизма *зрелый* [Сеничкина, 2008: 139]. В публицистике данное слово чаще всего встречается в сочетаниях *зрелая женщина, зрелый мужчина* (дополнительным средством эвфемизации при этом выступают слова *мужчина* и *женщина*, обозначающие, как правило, людей среднего возраста), *зрелая кожа*. Если данные сочетания использованы как эвфемизмы, то они обозначают довольно пожилых людей. Например: «*Практика показывает, что, подстегнув обмен веществ, удастся снять большинство сексологических жалоб **зрелого мужчины***» [НКРЯ 2004]. Однако чаще всего сочетания употребляются в прямом значении, указывая на людей среднего возраста. Например: «*Итак, он уже взрослый, **зрелый мужчина**, знающий реальную жизнь*»<sup>1</sup> [НКРЯ 2003], то есть используются не в эвфемистическом значении, а в семантике ‘достигший полного развития, возмужалый’ [МАС 1999, 1: 622].

Языковым эвфемизмом может выступать также прилагательное *опытный*, что зафиксировано в словаре, где отмечено употребление эвфемизма «вместо старый» [Сеничкина, 2008: 292]. Это прилагательное указывает на один из характерных признаков человека в возрасте – наличие у него опыта в какой-то сфере и вообще в жизни (житейского опыта). В языковом употреблении распространено устойчивое выражение «*Не старый, а **опытный***», с помощью которого акцентируется данный эвфемизм. Такую надпись предлагают сделать на праздничном торте ко дню рождения кондитеры [<https://i-tort.ru/s/tort-na-den-rozhdeniya/s-nadpisyu/s-prikolnoy->

---

<sup>1</sup> В публикации речь идёт о мужчине 30 лет.

nadpisyu/ty-staryy/ne-staryy-a-opytnyy/], данное выражение используют как заголовок, например, в статье, призывающей учить итальянский язык [[https://vk.com/wall-176519579\\_559](https://vk.com/wall-176519579_559)]. Выражение может стать основой для иронии и сарказма, к примеру, если выступает в комплексе с несколькими параллельными конструкциями, схожими по строению и семантике: «*Не лысый, а с современной прической, не старый, а опытный, не безработный, а самозанятый, не без надежды на пенсию, а презирающий подачки от государства!*» [<https://ruanekdot.ru>]. С помощью подобных шуток говорящий высказывает критическое мнение об используемых в языке эвфемизмах, которые в ряде случаев нацелены на то, чтобы скрыть истинное положение дел, завуалировать неприятные смыслы.

Используются «вместо *стар(-а)*» эвфемизмы *третий возраст, третьего возраста* [Сеничкина, 2008: 423]. Сочетание *третий возраст* является термином социологии и социальной психологии. Под ним понимается «стадия жизненного цикла, на которой человек оставляет сферу труда или изменяет характер своих профессиональных занятий в силу обстоятельств, связанных с физиологическими особенностями пожилого возраста» [Воронин, 2006: 115], то есть *третий возраст* – это фактически первые годы после выхода человека на пенсию. Термин образовался в европейской культуре, в России является заимствованным и используется не очень активно. На Западе при его употреблении имеется в виду, что этот возраст открывает перед человеком новые возможности; у пенсионера появляется больше свободного времени, он может путешествовать, заниматься самодеятельностью, приобретать новые навыки, вернуться к получению образования, самореализоваться, заняться предпринимательством и т. п. Этот период жизни человека воспринимается как «возраст новых возможностей» [Охотникова, 2021: 164].

Возможно, в России термин получил меньшее распространение в устной речи в связи с культурно-историческими различиями. Его применяют как

название дома престарелых «Третий возраст». В публицистике звучит мысль о том, что *третий возраст* – нерадостное время, отнюдь не время новых возможностей, а горестная старость, с которой людям трудно смириться. Например: «Не озлобиться, не возненавидеть весь свет. Принять. С достоинством принять этот нелегкий “*третий*” *возраст*. Ну, может, и как награду. А что? Я знаю таких людей» [НКРЯ 2016].

В качестве эвфемизмов сферы возраста нередко выступают переносные, метафорические наименования, например, *возраст осени*, *золотой возраст* (оба с семантикой «вместо старость» [Сеничкина, 2008: 85, 138]), *возраст элегантности* – «вместо возраст средних лет и ранней старости» [Там же: 85], *закат* – «вместо упадок; старость» [Там же: 131], *закат дней (жизни)* – «вместо старость» [Там же], *на закате дней* – «вместо в старости» [Там же: 202], *на закате лет* и др.

Эвфемизм такого типа *серебряный возраст* анализируют И.Т. Вепрева и Н.А. Купина, отмечая, что с его помощью в СМИ заменяют канцеляризм *возраст дожития* [Вепрева, Купина, 2019: 116], негативный смысл которого рассмотрен нами ранее. Метафорический смысл имеет и эвфемизм *вторая молодость*, обозначающий «переживание любви и подъём творческой энергии в пожилом возрасте» [Сеничкина, 2008: 90].

В публицистике метафорические эвфемистические наименования пожилого возраста являются действенным средством, с помощью которого журналисты смягчают информацию о годах пожилых людей и создают положительное отношение к старости. С их помощью:

– называют фотовыставки ко дню пожилого человека (отмечаемому 1 октября): «*Возраст осени, ты дорог и прекрасен*» [<https://www.culture.ru/events/2284971/vystavka-vozrast-oseni-ty-dorog-i-prekrasen>];

– передают мысль о том, что достойная встреча старости реальна: *«Эти пенсионеры отправились в отели, круизы и горы, чтобы встретить золотой возраст достойно»* [НКРЯ 2019];

– объясняют, что в старости возможно и даже ещё проще, чем в молодости, быть элегантной (в этом случае речь обычно идёт о женщинах): *«Она очень жестко объяснила, что наступил возраст элегантности, в котором не надо быть смешной и не надо бояться своей женственности»* [НКРЯ 2000];

– призывают сохранять активность и оптимизм в любом возрасте: *«На закате жизни, несмотря на недомогание, английская королева продолжала заниматься танцами, верховой ездой, сидела на специальной диете, а также заботилась о своем внешнем виде»* [НКРЯ 2019] и т. п.

Отметим, что не все имеющиеся в русском языке эвфемизмы для номинации возрастных периодов используются в языке современной публицистики. Так, выражение *года выходят (вышли)*, употребляемое «вместо стар» [Сеничкина, 2008: 97], не встречается в газетном корпусе НКРЯ.

Встречаются эвфемизмы несколько устаревшие и ощущаемые в связи с этим как стилистически выделяющиеся в тексте. Таково, например, сочетание *в годах*, которое в словаре фразеологизмов поясняется как ‘пожилой’ [Фёдоров, 2008: 343]. В газетном корпусе НКРЯ обнаруживаем 69 примеров его использования. Чаще всего сочетание употребляется как нейтральный по стилю эвфемизм, цель которого – просто номинировать объект, не нарушая табу на указание пожилого возраста: *«Малый бизнес вообще идеальное место для человека в годах»* [НКРЯ 2012]. Нередко стилистический оттенок сочетания используется как средство создания иронии, например, в следующем сравнении: *«КПРФ образца января 2018 года напоминает ранее неухоженную даму в годах, которая неожиданно сделала себе подтяжку лица в хорошей клинике»* [НКРЯ 2018].

Эвфемизмы с семантикой возраста употребляются в качестве **обращений**. Исторически так сложилось, что в современном русском языке нет общепринятого нейтрального обращения. В 1990-х гг., в период перестройки, было выведено из обихода обращение *товарищи*, а новое (или возвращённое старое) *господа* так и не прижилось. В этих условиях функцию обращения выполняют различные языковые единицы: наименования родства (*сын, мать, тётя, дядя*), этикетные единицы (*Извините, ...*) и т. п. Некоторые лингвисты считают, что это не случайно: «Отсутствие нейтрального обращения свидетельствует о том, что пока нет четкого понимания, какие отношения существуют между членами общества, а также между человеком и государством» [Короткевич, 2016: 164].

В данной ситуации свою нишу в качестве обращений заняли и языковые единицы с семантикой возраста, среди которых наиболее распространённые и нейтральные: *девушка* и *молодой человек*. Эти обращения используются, соответственно, по отношению к женщинам и мужчинам самого разного возраста – работникам торговли, общепита, сферы услуг, официальных организаций и т. п. Сфера их распространения – устная речь, однако в публицистике соответствующие примеры в виде цитат реплик персонажей также обнаруживаются: «*Девушка, откройте дверь, нужно посмотреть, как вы себя чувствуете*» [НКРЯ 2009], «*Кашка не выдержал и ответил: “Молодой человек, отойдите от меня”*» [НКРЯ 2013]. (Данные номинации человека расширяют значения и возрастной диапазон не только в функции обращения. Ср: «*В Совфеде предложили давать девушкам с детьми баллы при поступлении в вуз, но родить нужно в течение года до подачи документов*» [МЕЛ, 26.09.2024].)

В результате активного использования в качестве обращений наименований *девушка* и *молодой человек* в речи получают «перекося», обнаруживаются несоответствия между смыслом этих наименований и возрастом людей, с которыми к ним обращаются. К примеру, обращение

*девушка*, которое наиболее распространено и нейтрально, звучит в адрес продавщицы или официантки любого возраста, при этом чем старше женщина, тем менее уместным оно становится. Однако обращения *женщина* и, тем более, *бабушка* выглядят грубыми, поэтому обращение *девушка* продолжает использоваться, выступая в качестве эвфемизма. Схоже обстоит ситуация с обращением *молодой человек*. Хотя в данном случае, при обращении к мужчине, нежелание прямо указывать на его возраст уже не так противоречит требованиям русского этикета, поэтому сочетанием *молодой человек* редко называют мужчин действительно пожилого возраста (Это обращение ограничивается людьми *зрелого возраста*).

Итак, как видим, эвфемистические наименования людей и их совокупностей по возрасту широко применимы, при этом в первую очередь получают распространение разнообразные наименования, заменяющие в речи слова *старый, старость*.

### 3.2. Номинации со значением ‘поколение’

На наш взгляд, основной лексической единицей для обозначения совокупностей людей, объединенных по признаку ‘возраст’, является лексема *поколение* и конструкции с ее участием. Кратко обоснуем это утверждение.

Поколение людей, то есть «совокупность людей близкого возраста, живущих в одно время» [МАС 1999, 3: 248], может быть осмыслено как социальная группа («общность людей, выделяемая из более широкого социального контекста по какому-либо признаку» [БРЭ]) и в таком качестве получать в речи и в языке отдельные наименования. Иногда таким наименованием оказывается однословная субстантивная номинация (*шестидесятники*), однако обычно в русском языке используется атрибутивное словосочетание, включающее слово *поколение* с зависимым прилагательным или существительным, указывающим на период или событие: *поколение перестройки, военное поколение*, или субстантивное

словосочетание со словом *дети*: *дети войны*, *дети 20 съезда*, *дети перестройки*. Семантика и сочетаемость лексемы *поколение* описана в [Чурилина, Позднякова, 2020], однако рассматриваемый нами аспект в данной работе практически не затрагивается.

Для объединения в поколение (то есть в большую социальную группу) людей, рожденных примерно в одно время, важны не только и не столько хронологические рамки, сколько общественно-политическая и культурная общность, совместное переживание людьми одних и тех же событий, которые часто и используются для указания на объединяющий признак (*военное поколение*, *дети перестройки*). Именно поэтому до начала XXI в. – эпохи глобальной цифровой революции – достаточно редки контексты, в которых к одному поколению относят людей разных стран. Если же в разных языках названия совпадают, то за ними может скрываться разное содержание, связанное с особенностями национальной истории и культуры. Сравним слово *восьмидесятники*, которое относится к периоду перестройки в России («люди, которые сформировались в эту самую эпоху перемен» [Медведев, 2009]), и китайское слово *八零后* (буквально – ‘поствосьмидесятники’), которым обозначают людей – в основном единственных детей в семье, родившихся после 1980 г., то есть в период ограничения рождаемости в Китае). Такая насыщенность рассматриваемых номинаций культурно-исторической (энциклопедической) информацией делает актуальным их описание в лингвострановедческом и лингводидактическом аспектах.

### **3.2.1. Атрибутивные синтагмы со словом *поколение***

Лексема *поколение* является основным способом наименования социальной группы по возрасту, наиболее активно используемым в современном информационном пространстве. Важно то, что в ее семантике прямого указания на конкретный возраст нет, она обозначает возраст относительно других членов группы, поэтому является релятивом и связана со

сферой дейксиса, ориентирована на позицию говорящего. Абсолютный возраст каждого человека меняется вместе с возрастом представителей его поколения.

Данная лексема часто употребляется в составе разнообразных атрибутивных конструкций – сочетаний, обозначающих совокупности людей. Во-первых, выделяются сочетания, построенные по моделям:

– «имя прилагательное + поколение»: *старшее поколение, молодое поколение, новое поколение, военное поколение, грамотное поколение, прекрасное поколение;*

– «(человек) + прилагательное или притяжательное местоимение + поколения»: *люди нашего поколения, дети военного поколения* и др.

Например: «По его словам, срочные меры нужны, чтобы защитить **старшее поколение** и другие уязвимые категории горожан» [НКРЯ 2021], «По её словам, на сегодняшний день в регионах началась реализация плана мероприятий второго этапа стратегии действий в интересах **граждан старшего поколения**» [НКРЯ 2021].

С помощью таких сочетаний происходит уточнение качеств, присущих представителям того или иного поколения, выявляются общие признаки (помимо времени рождения, возраста), по которым совокупность людей можно считать поколением: «Светланка “Денди” все просила к дню рождения. **Компьютерное поколение**. Будущее двадцать первого века» [НКРЯ 2019]. На основе данной модели формируются имена собственные – названия различных организаций: «**Защищённое поколение**» [НКРЯ 2021], «**Новое поколение**» [НКРЯ 2021], «**Старшее поколение**» [НКРЯ 2021].

Во-вторых, в русском языке функционирует модель «поколение + существительное в родительном падеже – обозначение эпохи или ее признака»: *поколение железнодорожников, поколение офтальмологов, поколение руководителей, поколение предпринимателей, поколение музыкантов* и др. Такие сочетания называют совокупности лиц, связанных не

только возрастом, но и сферой жизни и деятельности, общими интересами, профессией. Например: «*Публикации “Гудка” читало не одно поколение железнодорожников*» [НКРЯ 2021]. Данная модель активно используется также тогда, когда автору хочется выявить новые признаки, связывающие людей того или иного поколения, например, употребление ими новых табачных изделий: «*Зато в 2018 году, как обнаружилось, выросло поколение насвая и снюса – жевательного и сосательного табака*» [НКРЯ 2021].

По схожей модели, но с существительным в именительном падеже (то есть на основе подчинительной связи не управление, а примыкание) образованы сочетания типа «*Поколение Крым*» (наименование общественной организации) [НКРЯ 2021]. Эта модель отсылает к англоязычным наименованиям, из которых в русской речи наиболее популярно «*Поколение пепси*».

Появление и функционирование в языке новых наименований поколений рассмотрено в следующем параграфе. Отметим, что многие неологизмы данной семантики конструируются на основе лексемы *поколение*. Большая их часть является окказиональной и встречается в одиночных или немногочисленных употреблениях. Если лексема *поколение* находится после атрибута, то применяется написание через дефис: «*Мы ведь, Валюша, угодили в сэндвич-поколение: дети пойдут, их предстоит на ноги ставить, а к тому времени уход понадобится нашим старшим*» [НКРЯ 2019]; в противном случае используется раздельное написание: «*Российский социальный психолог Марк Сандомирский ввел даже особый термин для обозначения современной молодежи – “поколение жесть”*» [НКРЯ 2016]. Окказиональные наименования со словом *поколение* являются образными, экспрессивно передают характеристику совокупностей людей.

Чаще всего синтаксемы со словом *поколение*, номинирующие совокупность лиц по возрасту, выполняют прагматическую, экспрессивную функции. К примеру, сочетания с семантикой возраста помогают говорящему

идентифицировать себя с другими людьми схожего возраста, выделять общие признаки и чувствовать себя «вписанным» в определённое общество: «*Детей нашего поколения это словосочетание манило слаще пломбира*» [НКРЯ 2014].

В словарях неологизмов обозначающие возраст сочетания, имеющие в составе слово *поколение*, фиксируются постоянно. Их перечень с указанием года появления находим в справочнике «Новое в русской лексике» за 2017 год: «поколение памперсов 1997; поколение Z 1998; цифровое поколение 2000; поколение зет 2003; новое молчаливое поколение 2006; поколение домоседов 2009; iПоколение 2011; поколение снежинок 2016» [НРЛ, 2017: 118].

Некоторые из сочетаний со словом *поколение* используются чаще других, приобретают особый общественный и публицистический смысл, становясь фразеологическими, например, *потерянное поколение*.

### **3.2.2. Фразеологизм *потерянное поколение* в современном употреблении<sup>1</sup>**

Формирование поколений является культурно значимым и не только переживается обществом, но и воплощается в художественном творчестве: вспомним такие разные, но объединенные «поколенческой» тематикой произведения, как «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Generation P» В.О. Пелевина. В результате художественного осмысления коллективного исторического опыта появляются авторские наименования, которые со временем становятся прецедентными феноменами [Захаренко, Красных, Гудков, 1997: 82]. Так, например, выражение *дети XX съезда* принадлежит Е.А. Евтушенко [Евтушенко, 1971: 11], *величайшее поколение* взято из названия книги американского журналиста Т. Брокау [Brokaw, 1998], выражение *потерянное поколение* приписывается Гертруде

---

<sup>1</sup> Материал данного параграфа излагается по работе [Шоин Ван, Жданова 2023]

Стайн, а в широкое употребление оно было введено Э. Хемингуэем [ЛЭТП: 773].

Выражение *потерянное поколение* является литературоведческим термином. Прочитируем «Литературную энциклопедию терминов и понятий»: «Потерянным поколением обычно называют людей, прошедших через первую мировую войну, духовно травмированных, разуверившихся в урапатриотических идеалах, некогда их увлекавших, подчас внутренне опустошенных или остро ощущающих свою неприкаянность и отчужденность от общества» [ЛЭТП: 773]. Термин употребляется по отношению как к самим писателям (Э. Хемингуэю, Э. Ремарку, Р. Олдингтону и другим), так и к их персонажам и современникам. Термин достаточно широко известен и может считаться устойчивой прецедентной номинацией, точное значение которой, однако, не всегда известно современным носителям языка. Отметим, что в исходном значении термина не содержится отрицательной оценки обозначаемого поколения.

Для выяснения того, как современные молодые образованные носители русского языка употребляют и интерпретируют данную номинацию, нами был проведен лингвистический опрос, в котором участвовали 35 респондентов – студентов гуманитарных факультетов МГУ. Лингвистический опрос включал задания: *Знакомо ли Вам выражение «потерянное поколение»? Если Вы ответили на предыдущий вопрос утвердительно, то укажите, с какими годами Вы соотносите это поколение, и дайте его краткую характеристику.*

На первый вопрос 100 % респондентов ответили утвердительно. Ответы на вторую часть задания представлены в Таблице 3.1. Нумерация отражает объединение однотипных ответов в инварианты (по убыванию частотности ответов). Подчеркиванием выделены фрагменты, важные для дальнейшего анализа.

Таблица 3.1 – Ответы респондентов на вопрос 2

Годы в ответах	Краткая характеристика поколения в ответах
<p>1. С годами <u>своего поколения</u> (2000-2005 гг.). /  Дети XXI века. /  Поколение нулевых. /  Поколение Z с 2000-х гг. и дальше. /  2003-2015-е гг. /  Связываю с людьми, рожденными с 2001 г. <u>по настоящие дни.</u> /  Поколение подростков от 2000 года <u>до нынешнего дня.</u> /  Начиная с 2000-х гг. 2000-е гг. /  с 1999 по 2010 гг.</p>	<p>1. Слышится от представителей поколения <u>родителей или бабушек и дедушек.</u>  20-25 лет, <u>безответственные</u> люди.  Поколение <u>Интернета.</u>  В основном подростки, которые <u>знают мало</u> об искусстве и науке, <u>ничем не увлекаются.</u>  Пользовались <u>компьютером</u> с рождения.  Поколение, которое увлекается по большей части <u>только компьютерами, телефонами, соцсетями.</u>  <u>Современная молодёжь, поглощённая интернетом, по мнению старших.</u> Редко обращаются к книгам, изменились их ценности.  <u>Бестолковое, ленивое, не имеющее перспектив.</u>  Быстрее воспринимают <u>информацию</u>, цель – самореализация, деньги, уделяют внимание психологическому здоровью.  Поколение, воспитывающееся <u>на новых, несоветских традициях</u></p>
<p>2. 1941-1955-е гг. /  Послевоенные годы. (1940-1950-е гг.) /  1920-1940-е гг. /  1920-е -1950-е гг./  1920-1930-е гг. / годы великой депрессии. /  20-е гг. /  1900-1930-е гг. /  1890-1900-е гг.</p>	<p>2. <u>Молодые</u> люди, пережившие Первую мировую войну в очень раннем возрасте и не сумевшие устроиться в жизни после её окончания.  Поколение, заставшее мировые войны и переживающее кризис убеждений.  Время после Первой мировой войны, люди, которые потеряли себя, цель и смысл жизни.  Ровесники Хемингуэя.  Те, кто жил в период между двух войн.  Между Первой и Второй мировыми войнами.  Столкновение с глобальными переменами в стране, привычка к насилию и сдержанности в эмоциях</p>
<p>3. Это перманентный термин</p>	<p>3. <u>Молодое</u> поколение.  <u>Юные ребята.</u>  Каждый взрослый, каждое взрослое поколение <u>называет менее взрослое потерянным</u>, поэтому здесь трудно установить временные рамки</p>
<p>4. 2020-2022-е гг.</p>	<p>4. Ребята, которые только идут в школу, очень сильно отличаются от предыдущих выпусков. <u>Раньше</u> ребята читали больше книг, <u>а теперь</u> все зависли в телефонах</p>
<p>5. 90-е годы XX века /  90-е / 1985-2000-е гг. /  1975-1985-е гг.</p>	<p>5. Так называют поколение, родившееся в перестройку.  Поколение перестройки</p>
<p>6. 1825-1855-е гг.</p>	<p>6. Времена Николая I, после восстания декабристов.  Эпоха правления Николая I, ужесточение режима. Люди <u>не имели чёткой цели</u>, после войны 1812 года <u>не было четкого курса</u> направления страны</p>

Из таблицы 3.1 видно, что терминологическое значение не является самым распространенным в ответах респондентов, его опережает отнесение характеристики *потерянное* к собственному поколению и понимание ее как отрицательно оценочной (что расходится с коннотациями исходного термина). Граница *потерянного поколения* в большинстве согласованных ответов обозначена как *рожденные в XXI веке / после 2000 г.* Так как все респонденты относятся к возрастной группе 16–23 года, *потерянным* они считают именно свое поколение, правда, иногда отмечают, что отрицательная оценка является не их собственной, а высказанной представителями предыдущих поколений (родителей, бабушек и дедушек). Основные черты своего поколения, обозначенные в ответах, являются попыткой мотивировать отрицательную оценку, выраженную в атрибуте: *безответственные, мало знают, ничем не увлекаются, ленивые, не имеют перспектив* и т. д. (в таблице 3.1 подчеркнуты соответствующие фрагменты ответов).

Значимая характеристика поколения – хорошее владение компьютером, интернетом и прочими современными технологиями. Даже это вроде бы положительное свойство в ответах подается как отрицательное (молодежь, которая *увлекается только компьютерами, поглощенная интернетом*), что, как кажется, является не столько самокритикой, сколько пересказом чужих слов. Таким образом, можно предположить, что использование синтагмы *потерянное поколение* по отношению к современной молодежи не принадлежит собственно молодежной речи, а распространено в речи представителей более взрослых возрастных групп.

К рассмотренному выше самому частотному значению ‘современное поколение’ близки еще два, которые представлены в меньшем количестве согласованных ответов, нежели исходное терминологическое значение, поэтому получили в таблице 3.1 нумерацию 3 и 4. Четыре респондента полагают, что негативную оценку со стороны предыдущих поколений получает каждое новое, молодое *поколение* (один из ответов – *это*

*перманентный термин* – мы указали в таблице 3.1 вместо дат, которые по очевидной причине в ответах этих респондентов отсутствуют). Два респондента отнесли негативную характеристику не к своему поколению, а к следующему, более юному (*ребята, которые только идут в школу*).

Вторым по количеству согласованных ответов является исходное терминологическое значение (в более или менее точных формулировках). Отметим, впрочем, что в совокупности ответы, в которых термин понимается не как идиома, а как детерминологизированное свободное словосочетание с оценочным атрибутом, существенно частотнее (соотношение 29 / 6).

В четырех ответах респонденты считают *потерянным* поколение соотечественников, родившихся или взрослеющих в период перестройки, в трех – эпоху после восстания декабристов.

Сравним данные, полученные в результате лингвистического эксперимента, с данными, полученными в результате анализа контекстов, выбранных из Национального корпуса русского языка. По запросу *потерянное поколение* в основном подкорпусе найден 31 контекст, в газетном подкорпусе – 81 контекст. Таким образом, нами проанализировано 112 контекстов. Терминологических употреблений среди них 18, например: «**Потерянное поколение**: в Лондоне почтили непохороненных солдат Первой мировой» [НКРЯ 2018]. Термин в большинстве таких употреблений используется для проведения параллелей с современностью, хотя и в соответствии с исходным значением (отсылки в контекстах к 1920 гг. XX в., Первой мировой войне, Э. Хемингуэю, Э. Ремарку, Г. Стайн и под.). Однако в подавляющем большинстве контекстов термин *потерянное поколение* детерминологизируется (превышение над терминологическим употреблением более чем в 5 раз) и применяется по отношению как к разным поколениям людей в российской истории и современности, так и более узко – применительно к отдельным сферам деятельности (футбол, биатлон, рок-музыка, театр и т. д.).

Анализ контекстов позволяет выделить следующие нетерминологические значения:

1. ‘Молодежь’/‘Молодежь, которая не имеет цели и идеалов’: *«В каждом поколении существовала проблема отцов и детей, и всегда твердили, что растет потерянное поколение»* [НКРЯ 2003].

2. ‘Люди, не оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере, неудачники’ (о спортсменах, актерах, музыкантах и т. д.): *«“Потерянное поколение” – так многие тренеры любят объяснять провалы последних лет»* [НКРЯ 2010].

3. ‘Люди, участвовавшие в локальных войнах XX – начала XXI веков’: *«Немцы после Перовой мировой, американцы после Вьетнама составили потерянное поколение»* [НКРЯ 2005].

4. ‘Соотечественники, детство, юность или молодость которых пришлась на эпоху общественных перемен 1980–1990 гг.’: *«Одно “потерянное поколение” у нас уже есть – дети 90-х, которые сейчас сами стали «непростыми родителями» и приводят в школы собственных детей»* [НКРЯ 2016].

5. ‘Социально не защищенные группы людей’» *«В городе существует “потерянное поколение”: люди, которые только-только вышли или вскоре выйдут на пенсию»* [НКРЯ 2013].

Итак, рассматриваемый калькированный термин представляет собой двусловную идиому, включающую существительное *поколение* и атрибут с характеризующим значением, поэтому может употребляться безотносительно к исходному значению и культурно-национальной специфике и таким образом детерминологизироваться. Термин является прецедентным феноменом: 100 % респондентов опознали его как знакомую воспроизводимую составную номинацию, то есть слышали его раньше. Сопоставление результатов эксперимента и анализа контекстов Национального корпуса русского языка показывает значительную их согласованность. И в опросе, и в корпусе

терминологическое употребление является достаточно частотным (второе по частотности среди всех выделенных типов), однако существенно уступает совокупности нетерминологических употреблений. Единственное четко хронологически атрибутированное поколение (кроме обозначенного исходным термином) – это «поколение перестройки». Детерминологизированные употребления в подавляющем большинстве случаев относятся к молодому поколению, актуализируется оппозиция «отцов» и «детей», а атрибут *потерянное* становится отрицательно оценочным. Примечательна специализация значения, представленная в значительном количестве контекстов: ‘люди, не оправдавшие надежд, возлагавшихся на них в профессиональной сфере’. Таким образом, выделяются две линии семантического развития деэтимологизированного термина: с сохранением семантического компонента ‘неблагоприятные для молодого человека внешние условия’ (война, эпоха перемен) и с выдвиганием в ядро значения ‘отсутствие цели, неуспех’ и отрицательно оценочного компонента.

### **3.2.3. Неологизмы-заимствования со значением ‘поколение’**

*(миллениалы, зумеры и др.)<sup>1</sup>*

Новые номинации СП ‘возраст человека’ иллюстрируют динамический аспект в лексике, её постоянную пополняемость в связи с необходимостью именовать новые явления или давать более точные новые наименования имеющимся явлениям.

В составе номинаций-неологизмов с семантикой возраста можно выделить несколько групп. Наиболее значительная по количеству наименований – это термины теории поколений: *бумеры, зумеры, миллениалы, поколение «игрек», поколение «некст»* и др.

---

<sup>1</sup> Материал данного параграфа излагается по работе [Жданова, Ван Шоин 2023]

Теория поколений была разработана американскими учёными Нейлом Хоу и Уильямом Штраусом в 1990-х гг., начиная с публикации в 1991 г. книги «Поколение» [Howe, Strauss, 1991]. В соответствии с нею «ценности человека формируются не только в результате семейного воспитания, но и под влиянием общественных событий, всего контекста, в котором он находится в период взросления» [Шишкунова, 2017: 882], поэтому, чтобы понять общественный процесс, необходимо более точно установить тип и особенности поколения тех людей, которые в нём участвуют. В рамках данной теории появилась необходимость создания терминов, которые именуют то или иное поколение как совокупность лиц.

Новое поколение, по мнению Н. Хоу и У. Штрауса, появляется примерно каждые 20 лет и очень сильно зависит от того, в каких условиях росло, как проводило своё детство. Границы между поколениями определяются с учётом смены исторических эпох, значительных изменений в обществе. В современном мире, где ускоренно развиваются технологии, смена поколений, очевидно, начинает проходить более быстрыми темпами.

Основные термины теории поколений были разработаны Н. Хоу и У. Штраусом (*бэби-бумеры, поколение X, поколение Y, поколение Z*), а уже из их трудов вошли в русский язык как заимствованные наименования в результате перевода и транслитерации. Кроме того, состав данных терминов пополнился в российской науке, когда теория поколений была адаптирована к истории страны [Шамис, Никонов, 2017]. Были выделены и получили соответствующие наименования совокупности лиц:

– *молчаливое поколение*, в другой терминологии *поколение победителей* (1924–1944);

– *бэби-бумеры* (1944–1964);

– *поколение X* (1964–1984);

– *поколение Y*, или *миллениалы* (1984–2005);

– *поколение Z*, или *зумеры*, или *цифровое поколение* (2005–2025).

Как видим, наряду с терминами, которые являются научными, функционируют наименования с разговорной стилистической окраской: *миллениалы*, *зумеры*, «иксы», «игреки». Впрочем, термины теории поколений, используемые в научных трудах, часто также выглядят как разговорные.

Несмотря на несовершенство теории поколений, обусловившее её критику [Карасев, 2022; Ковин, 2020 и др.], она стала авторитетным научным направлением и порождает устойчивый научный и практический интерес, в связи с чем постоянно появляются новые термины для обозначения новых поколений (подпоколений). К примеру, название *альфа* стали применять к поколению современных детей, рождённых начиная с 2011 г. [Кайзер, 2021: 854].

Словарная фиксация наименований теории поколений пока не является полной. Рассмотрим, как некоторые из данных терминов представлены в последних сборниках «Новое в русской лексике» [НРЛ, 2015–2021].

Наименование *центилал* появляется в сборнике 2017 г. с семантикой ‘поколение людей, родившихся в период распространения цифровых технологий и Интернета (конец 1990-х – начало 2000-х гг.)’ [НРЛ, 2017: 118]. Слово *зумер* с пояснением: «В мемах с бумером часто фигурирует зумер (zoomer) – представитель поколения Z; людей, рожденных после 1995 года» находим в сборнике 2018 г. [НРЛ, 2018: 39]. Лексема *думер* (от англ. *doom* – ‘судьба’) появляется в сборнике 2019 г., где так «называют людей, рожденных в поздних 1990-х», которые «страдают от депрессии и не могут приспособиться в обществе» [НРЛ, 2019: 44].

Словари неологизмов фиксируют многочисленные новые (в том числе, окказиональные) наименования поколений, часто с пометкой «шутливое». Обычно они являются вариациями привычных терминов, похожи на них. Например, *ковид-бумер* (по аналогии с *бэби-бумер*) – ‘о представителе поколения, которое появится на свет в результате пребывания пар на карантине по коронавирусной инфекции COVID-19’ [НРЛ, 2020: 94]; *ковиниал*

(по аналогии с *миллениал*) – с тем же значением (то есть речь идёт о появлении новых синонимов) [Там же: 135]. В издании 2020 г. приводится целый перечень таких синонимов, начавших использоваться в СМИ: *карантинейджер, карантинец, ковид-бумер, ковид-дети, ковид-поколение, COVID-поколение, ковиниалы, корниал, корона-дети, корона-детки, корониал, коронник* [Там же: 447].

Образование наименований новых поколений происходит практически ежегодно; в настоящий момент они обычно не являются научными и демонстрируют живые словообразовательные процессы: *гугл-поколение* [НРЛ, 2017: 37], *тик-ток-поколение* [НРЛ, 2021: 266] и др. Способом образования новых наименований поколений на основе заимствования часто становится сложение двух слов, первое из которых выражает какую-то характеристику, признак, по которому объединяются люди одного возраста, помимо, собственно, этого возраста; второе слово – *поколение*, написание дефисное. К примеру, лексема *фиджитал-поколение*, зафиксированная в 2019 г., имеет такое образование: «фиджитал-... (англ. *phygital*: от *physical* ‘физический, материальный’ и *digital* ‘цифровой’; соединяющий онлайн- и офлайн-технологии, 2013) + поколение (совокупность людей близкого возраста, живущих в одно время); от англ. *phygital generation*» [НРЛ, 2019: 96].

Нередко наименования поколений заимствуются в нескольких вариантах, отражающих различные способы транслитерации и перевода заимствованных слов на русский язык. К примеру, английское наименование *Google Generation* перешло в русский язык в трёх вариантах: *поколение Google* [НРЛ, 2006]; *Google-поколение* [НРЛ, 2012] и *гугл-поколение* [НРЛ, 2017]. Семантически данные заимствования равны, это графические синонимы (варианты), которые обозначают поколение молодых людей, имеющих возможность и предпочитающих искать информацию в сети интернет, в частности, с помощью поисковой системы Google.

Помимо лексемы *поколение* в качестве второго компонента сложного наименования могут выступать слова *дети, детки, ребёнок* (*корона-дети, ковид-дети, корона-детки* и т. п.). К примеру, слово *тик-ток-ребёнок* отмечается в сборнике 2022 г. С его помощью именуют не только ребёнка, активно пользующегося сервисом TikTok, но и представителя поколения, выросшего в условиях интернета и не представляющего мир без него [НРЛ, 2022: 209].

Первым компонентом сложного слова может быть аббревиатура. Например, слово *ИИ-дети* образовано следующим способом: «ИИ... (связанный с использованием технологии искусственного интеллекта) + дети (мальчики или девочки в раннем возрасте, до отрочества)» [НРЛ, 2016: 50].

Более редкий способ словообразования – контаминация, то есть объединение двух слов с их частичным наложением друг на друга. Лексема *ковидёнок* образована от слов «ковид (д → д') + ребёнок»; так шутливо говорят «о ребенке, рождение которого планируется в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19» [НРЛ, 2020: 97]. Слово *президети* (президент + дети) приводится в сборнике 2021 г. [НРЛ, 2021: 170]. Оно обозначает детей из многодетных семей, которые побывали на приёме у Президента Российской Федерации.

Также в сборниках «Новое в русской лексике» фиксируются слова, производные от наименований поколений: *зумерок* (презрительное) – ‘о представителе поколения Z’ [НРЛ, 2019: 48], *миллениальный* [Там же: 62], *посмиллениальный* [НРЛ, 2014] и др. Некоторые из них весьма оригинальны, имеют окказиональную природу. К примеру, в сборнике 2019 г. зафиксировано сложное имя прилагательное *миллениально-барбершопный*, образованное от двух имён прилагательных, основы которых соединены с помощью интерфикса: «миллениальный (относящийся к поколению миллениалов – поколению людей, родившихся в период начала 1980–2000-х

гг., на рубеже нового тысячелетия, 2014) + о + барбершопный (относящийся к барбершопу – мужской парикмахерской, 2001)» [НРЛ, 2019: 62].

Подобные наименования поколений являются насмешливыми, включают характеристику представителей поколения с какой-то неприглядной стороны. Так, слово *миллениально-барбершопный* передаёт мысль о формировании поколения, мужчины в котором избыточно много внимания, по мнению каких-то носителей языка, уделяют своей внешности и вообще изнежены. Схожую коннотацию транслирует сложное существительное *гаджетник-потребитель*, входящее в составное наименование *поколение гаджетников-потребителей Z* [НРЛ, 2019: 34]. Существительное образовано следующим образом: «*гаджетник* (любитель гаджетов, тот, кто активно пользуется гаджетами, 2006) + *потребитель* (тот, кто стремится только к удовлетворению своих потребностей, ничего не производя сам, неодобр.)» [Там же], то есть *поколение гаджетников-потребителей Z* – это негативная характеристика людей, родившихся в 1997–2012 гг. и ориентированных, по мнению создателя окказионализма, на использование гаджетов и потребление, а не на созидательный труд.

Закрепятся ли подобные наименования в языке, пока неизвестно, но столь активное их конструирование свидетельствует о том, что теория поколений очень востребована и продолжает разрабатываться, дополняться.

Термины теории поколений очень популярны, достаточно понятны и широко применяются в информационном пространстве, в первую очередь в публицистическом дискурсе: «*Компания N&M запускает свой косметический бренд, ориентированный на зумеров*» [Газета.ru, 13.04.2023], «*Такого же мнения по поводу страхования от работодателя придерживаются 35 % миллениалов, 44 % представителей поколения X и 56 % бумеров*» [Газета.ru, 05.04.2023].

Данная теория активно пересказывается в средствах массовой информации, прежде всего электронных (протицируем одно из них: «Вряд ли

хоть кто-то в интернете не слышал о теории поколений» [Теория поколений: как и почему она поменялась за 30 лет?, <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/599711/>]. Количество пересказов теории (нами собрано около 100 ссылок, но это лишь небольшая часть имеющихся в интернете) обратно пропорционально их качеству, и чаще всего пересказы сводятся к соотнесению некоторых названий поколений с характеристиками этих поколений (иногда с адаптацией к российским реалиям, но чаще без неё) и к установлению хронологических границ, которые иногда существенно разнятся.

Продвижение терминов «теории поколений» в современном медиапространстве имеет достаточно агрессивный характер, однако возникают вопросы, насколько хорошо молодые носители русского языка понимают их значение и каковы перспективы вхождения данных неологизмов в язык. Для ответа на эти вопросы нами были проведены лингвистические эксперименты (два опроса молодых носителей языка), а также классифицированы и проанализированы контексты с названиями поколений, собранные в НКРЯ и в поиске Яндекса (так как в НКРЯ данные вводятся с задержкой и не вполне отражают актуальную ситуацию).

В лингвистическом эксперименте № 1 – Опросе-1 участвовали 35 респондентов – студентов гуманитарных факультетов МГУ. Респондентам была предложена анкета, включавшая 8 однотипных заданий (по количеству терминов); синонимичные разнокоренные термины, например, *игреки* и *миллениалы*, предлагались в разных заданиях; варианты терминов, приведенные через косую черту, предлагались в одном задании: *Знакомо ли вам выражение ...? Если Вы ответили на предыдущий вопрос утвердительно, то укажите, с какими годами Вы соотносите это поколение, и дайте его краткую характеристику.* Предложенные в анкетах термины: *поколение победителей, величайшее поколение, молчаливое поколение, поколение миллениалов (миллениалы), поколение X (иксеры), поколение Y (игреки),*

поколение беби-бумеров (бумеры), поколение альфа, поколение Z (зумеры). Названия архетипов «теории поколений» в опрос не включались, так как они представляют собой метафоры (странник, герой, художник и пр.), которые в современной русской речи в названиях поколений не используются.

Краткие результаты Опроса-1 представлены в таблице 3.2. Во втором столбце полужирным шрифтом выделены случаи, где ответов «знаю» больше половины. В третьем и четвертом столбцах полужирным шрифтом выделены ответы, которые очевидно не соотносятся со значениями терминов и хронологией «теории поколений».

Таблица 3.2 – Результаты Опроса-1.

Название поколения и годы рождения по «теории поколений»	Ответ «Знаю»	Годы, указанные в ответах (годы рождения или социальной активности)	Краткая характеристика поколения в ответах
<i>поколение победителей (1900-1923 г.р.)</i>	40 %	<i>Поколение людей 1925-1930 годов;</i> <i>Поколение, которое родилось в 1910-е -1930-е;</i> <i>1940-е;</i> <b>Поколение Великой Отечественной войны</b>	<i>Рождённые в начале XX века, подчеркивается мужество и стойкость представителей того поколения.</i> <i>Поколение людей 1925-1930 годов, в молодом возрасте вступивших во Вторую Мировую войну, а также переживших её.</i> <i>Скорее всего, то поколение, которое родилось в 1910-е -1930-е и застало войну в осознанном возрасте.</i> <b>Люди, прошедшие Великую Отечественную войну, родившиеся в 1920-х годах и ранее.</b> <b>Поколение времён ВОв</b>
<i>величайшее поколение (1900-1923 г.р.)</i>	22,9 %	<i>Поколение начала XX века;</i> <i>До 1925 года;</i> <b>1920-1970;</b> <b>Родившиеся в 60-е годы;</b> <b>1955-1965</b>	<i>Поколение американцев 1915-х годов рождения, которые воспитывались во времена Великой депрессии и затем участвовали в боях Второй мировой войны</i> <b>Так говорят про участников Великой Отечественной войны.</b> <b>Соотношу с прошлым</b>
<i>молчаливое поколение (1924-1943 г. р.)</i>	8,6 %	<i>1928-1945;</i> <i>Поколение 1920-1930-х;</i> <b>1945-1955</b>	<i>Люди рожали меньше детей в связи с войной и депрессией.</i> <b>Сталинский режим</b>

поколение беби-бумеров (бумеры) (1943-1963 г.р.)	<b>54,2 %</b>	1940-1960-е 1950-1960 Люди 1980-х; 80-е 1950-1970-е; 60-70-е; 1970-е бэби- бум; <b>90-е;</b> Поколение 1990- х годов; <b>1998-2000;</b> <b>Конец 20 века</b>	Это то же самое, что послевоенное поколение ("бэби бум" после Второй мировой войны), обычно используется с негативной окраской представителями нового поколения. 1945-1965, до компьютеров, интернета и прочей современной техники. Люди, рождённые до 1985 года. Не знают мемов. В узком смысле – старшие 30, в широком – уроженцы 1960х 1980-1990е гг. Люди, чья юность проходила параллельно с развитием цифровых технологий. <b>1990, перестройка, лихие девяностые</b>
Поколение X (иксеры) (1963-1983 г.р.)	8,6 %	1960-1970.	То же, что и бумеры
поколение миллениалов (миллениалы) (1983-2000 г.р.)	<b>57,1 %</b>	1985-2000; поколение рожденных в 1990х-2000-х; 90-е; 1988-2000; 1980-1999; Начало XXI века; 1987-1999/	1980-2000, развитие компьютеров. 1985-2003, постмодернисты. С людьми, рожденными с 1995 по 2000. Люди, которые во время обучения не пользовались компьютерами. 1990-2000е; общество потребителей, деньги и материальное превыше многого другого. Поколение людей 1981-1990 годов рождения, переход во взрослую жизнь совершается позже чем у предыдущих поколений, встретили новое тысячелетие в юном возрасте. 1980-е: сдержанные, спокойные миллениалы заботятся о себе и своем комфорте. Рожденные в 90-ых умеют схватывать информацию, тяжело создают семьи, карьеристы.
поколение Y (игреки) (1983-2000 г.р.)	28,6 %	90-е; <b>Люди 1970-х;</b> <b>1970-1980</b>	Поколение молодых людей, родившихся в начале 21 века. Вроде это поколение миллениалов. Миллениалы То же самое, что и поколение миллениалов. 1980-1990-е то же, что и миллениалы. <b>90-е: несемейные</b> <b>Вроде бы это те, кто застал девяностые :)</b>
поколение альфа	11,4 %	Поколение людей, родившихся в	нет

(2000 г.р. – настоящее время)		2010-2020 года; <b>Люди 1990-х; 50-е, 60-е</b>	
поколение Z (зумеры) (2000 г.р. – настоящее время)	<b>60 %</b>	Рождѐнные после 2000 года; Поколение рождѐнных в 2000 и позже; 2010-е – настоящее время; Настоящее время; 2000-2015	Люди, чѐе детство проходило при высоком уровне развития ИТ технологий, 2000-2010, компьютеры, гаджеты, MTV

В хронологии «теории поколений» используются указания на годы рождения, тогда как в русском языке в названиях поколений в качестве хронологических ориентиров чаще всего используются указания на значимые события, которые приходятся на пору взросления или зрелости людей, составляющих данное поколение (ср.: *военное поколение* – ‘люди, которые воевали или застали войну в сознательном возрасте’). Ср. также: «Восьмидесятники – это не люди, рождѐнные в 80-е годы, это люди, которые социально родились в 80-е годы» [Медведев, 2009]. Исключение составляет конструкция со словом *дети* (*дети войны, дети перестройки* – ‘люди, родившиеся во время войны, перестройки’). Русскоязычные респонденты интерпретировали синтагмы со словом *поколение*, не имея инструкций относительно того, надо ли указывать годы рождения или социальной активности, что надо учитывать при анализе ответов.

Все предъявленные респондентам номинации представляют собой атрибутивные синтагмы со словом *поколение*, в пяти случаях в задании в качестве варианта термина введены однокоренные атрибуту заимствованные существительные (*бумеры, иксеры, миллениалы, зумеры*). Первые три номинации (*поколение победителей, величайшее поколение, молчаливое поколение*), являясь кальками, не имеют внешних признаков заимствованного термина, атрибутом в них является общеизвестное слово русского языка с

характеризующим значением, с опорой на которое синтагма может быть понята и интерпретирована применительно к российскому обществу: *поколение победителей, величайшее поколение* понимаются некоторыми респондентами как поколение участников Великой Отечественной войны, *молчаливое поколение* – как жившее при Сталине.

По результатам Опроса-1 можно выделить три термина, относительно хорошо знакомых респондентам (больше половины ответов «знаю», хронологическая отнесенность, соответствующая «теории поколений», согласованные с ней и между собой характеристики поколений): *поколение миллениалов (миллениалы), поколение бумеров (бумеры) и поколение Z (зумеры)*. Заметим, что поиск в НКРЯ именно для этих слов дает положительные результаты: по газетному подкорпусу *миллениалы* – 375 контекстов, *бумеры* – 1017 контекстов (омонимия не снята, не менее половины контекстов реализуют другие значения), *зумеры* – 49 контекстов. Обратим внимание на существенное – примерно на порядок – отставание в выборке НКРЯ количества контекстов со словом *зумеры* (вариант написания *зуммер* не дает существенной прибавки, так как из 59 примеров НКРЯ лишь один реализует интересующее нас значение, а остальные – ‘сигнальное устройство и его звук’).

Для более точной оценки степени вхождения данных слов в активный словарный запас носителей русского языка, принадлежащих к наиболее восприимчивой к заимствованным неологизмам социальной группе, был проведен еще один лингвистический эксперимент – Опрос-2. Респондентам – молодым людям (17–25 лет) с неполным высшим гуманитарным образованием – были предложены (отдельно для каждого из слов *бумеры, зумеры, миллениалы*) следующие задания: *Знакомо ли вам слово ...? Если Вы ответили на предыдущий вопрос «да», то укажите значение слова .... Придумайте предложение со словом ... Придумайте со словом словосочетание, используя прилагательное или другое определение ... Приведите синоним к слову ..., если*

такой синоним есть. Неологизмы были предложены в форме единственного числа, респондентам не было сообщено о том, что опрос посвящен словам со значением 'поколение', а слово *бумер* размещено в начале анкеты для того, чтобы выявить представления респондентов о значениях слова *бумер*, имеющего омоним. Цифры, выделенные полужирным шрифтом, обозначают количество однотипных ответов (даны через косую черту), цифры без выделения указывают количество одинаковых ответов. Полужирным шрифтом выделены ответы, очевидно **не** соотносимые с «теорией поколений». Подчеркнуты значимые для дальнейшего анализа ответы. Результаты Опроса -2 представлены в таблице 3.3.

Таблица 3.3. Результаты Опроса-2.

Задания	<i>Бумер</i>	<i>Зумер</i>	<i>Миллениал</i>
Знакомо ли вам слово	Да, 65,7 % (23 ответа)	Да, 65,7 % (23 ответа)	Да, 57,1% (20 ответов)
Укажите значение слова	<p><b>14</b> со значением «поколение», в том числе:  3 человек 40+ /  4 человек <u>старшего</u> поколения /  3 <u>старшее</u> поколение /  2 люди, родившиеся в 1980-е годы /  1 люди, родившиеся в 1945-1961;  1 знаю два значения: человек из поколения беби-бумеров и &lt;автомобиль (жаргон)&gt;.</p> <p><b>9</b> в других значениях, в том числе:  6 машина / машина <b>БМВ</b> / автомобиль марки <b>БМВ</b> /  1 знаю два значения: &lt;человек из поколения беби-бумеров&gt; и автомобиль (жаргон) /</p>	<p><b>22</b> со значением «поколение», в том числе:  1 родившиеся в 2000–2011 гг. /  2 зумер — человек из поколения Z (с 2000-х годов) /  4 поколение 2000-х годов /  2 поколение людей, родившихся после 2000-х годов /  2 люди, рожденные в 2000-х годах /  1 человек, родившийся в 2000-х годах /  1 человек, родившийся в период с 2000 по 2004 г. /  3 человек, рожденный после 2000-х годов /  1 с точки зрения сленга это ребенок /  2 это представитель поколения ZOOM /  1 <u>представитель молодежи</u> /</p>	<p><b>11</b> со значением «поколение», в том числе:  2 люди, родившиеся в 2000-е годы  1 люди, родившиеся в 90-е, встретили новое тысячелетие /  2 поколение 1980–2000 гг. /  1 человек, рожденный в 90-е годы /  1 люди, рожденные в 90-х годах /  1 миллениал — человек из поколения 80–90-х /  1 люди, родившиеся в 60–90-х годах /  2 родившиеся в 1980–1990 гг. /  1 тот, кто шарит в теме  1 люди поколения Z  1 это <u>наше</u> поколение</p>

	<p><b>1 название жевательной резинки</b>  <b>1 слово знакомо, но что означает, не знаю</b></p>	<p><b>1 поколение более позднее, чем бумер /</b>  <b>1 человек из молодого поколения, как правило, несовершеннолетний</b>  <b>1 человек, который настраивает зум в камере</b></p>	<p><b>1 человек, который родился в начале 2000 г.</b>  <b>1 современная молодежь</b>  <b>1 человек нового поколения</b></p>
<p>Придумайте предложение со словом</p>	<p><b>3 Окей, бумер!</b>  <b>мои родители — это бумеры /</b>  <b>этот бумер пластинки покупает /</b>  <b>часто бумеры не разбираются в современных технологиях /</b>  <b>бумер приехал за мной на девятке, это полный кринж /</b>  <b>бумеры любят критиковать зумеров /</b>  <b>они так похожи на бумеров /</b>  <b>Миша — настоящий бумер, он ничего не знает о нынешней моде /</b>  <b>появилось поколение бумеров (уже не новое) /</b>  <b>он был бумером в свое время</b>  <b>мой друг купил себе бумер /</b>  <b>я вчера купила новый бумер /</b></p>	<p><b>Я зумер</b>  <b>я зумер, я шарю</b>  <b>мы, зумеры, сидим в Zoot</b>  <b>все новое поколение — то зумеры</b>  <b>ох уж эти зумеры со своими смартфонами</b>  <b>весь тикток погряз в зумерах</b>  <b>считается, что зумеры зависимы от интернета, хотя это не так</b>  <b>он никогда не выпускает из рук телефона — он настоящий зумер</b>  <b>зумеры придумали что-то новое</b>  <b>зумеры родились в эпоху интернета</b>  <b>зумеры любят проводить время в интернете</b>  <b>зумеры освоили все монтажерские программы</b>  <b>зумеры не считаются с ценностями</b></p>	<p><b>Я миллениал, мое время было интересным</b>  <b>миллениалы родились в XX в.</b>  <b>миллениалы — дети современных технологий</b>  <b>миллениалы — яркие социофобы</b>  <b>миллениалы выступают за сохранение экологии планеты</b>  <b>миллениалы выбирают комфорт</b>  <b>Миша — истинный миллениал</b>  <b>миллениалы чаще всего берут кредит в банке</b>  <b>миллениал отличается от зумера скоростью восприятия информации</b>  <b>у миллениалов другое мышление</b>  <b>в поединке умов будут сражаться</b></p>

	<i>черный бумер едет по улицам Москвы / я сел в бумер и уехал / черный бумер</i>	<i>прошлое поколение говорит, что зумеры глупые зумер зумирует кадр зумеры совсем распоясались</i>	<i>миллениалы и пожилые люди миллениалы родились с 1999 по 2000 гг.</i>
Придумайте со словом словосочетание, используя прилагательное или другое определение	<i>Старый популярный загадочный консервативный странный рассерженный бэби-бумер 5 черный красивый быстрый новый</i>	<i>Неординарный амбициозный сумасшедший молодой клевый дикий новомодный обиженные информационный странный импульсивный глупый</i>	<i>Превосходный невероятные прагматичные грустный милый новое поколение спокойные настоящий старательные маленький неопытный</i>
Приведите синоним к слову, если такой синоним есть	<i>Взрослый люди средних лет поколение XX в. старик БМВ автомобиль</i>	<i>4 молодой 3 молодежь 1 молодое поколение 2 подростки 2 поколение Z дети 2000-х 3 модник профессионал хайпарик в теме</i>	<i>поколение Y новичок старшие предки</i>

Подведем итоги Опроса № 2. В целом они согласуются с результатами Опроса-1 и расходятся с выборкой НКРЯ в том, что наиболее употребительным и освоенным по результатам обоих опросов является в настоящее время слово *зумеры*, а в НКРЯ, напротив, количество контекстов с лексемой *зумеры* на порядок меньше, чем с лексемами *миллениалы* и *бумеры*. Это может объясняться, с одной стороны, задержкой ввода в НКРЯ актуальных контекстов, с другой – ориентированностью молодых респондентов на номинацию, относящуюся к собственной возрастной группе. В связи с этим обращает на себя внимание большое количество форм 1-го лица в приведенных респондентами примерах для слова *зумер*, преобладание среди предложенных респондентами определений и синонимов слов со значением

‘молодой возраст’, преобладание в примерах указаний на владение современными устройствами и технологиями. Отметим в связи с этим языковую игру (*Зумер зумирует кадр* и *Мы, зумеры, сидим в Zoom*), которая также устанавливает связь между названием поколения и технологиями и демонстрирует два варианта этимологизации слова (от *zoom* ‘приближать’ и *Zoom* – популярная программа для интернет-конференций), второй вариант является «народной этимологией».

Слово *бумер* в ответах респондентов имеет противоположные характеристики: большое количество контекстных партнеров и синонимов со значением ‘взрослый’, ‘старый’, указания на невладение современными технологиями, несовременные привычки (*ездит на «девятке», покупает пластинки*). В одном из ответов эти поколения прямо противопоставляются: «*Бумеры любят критиковать зумеров*». Отметим, что в значительном количестве ответов реализуется значение жаргонного омонима ‘автомобиль BMW’, однако их все же меньше, чем ответов про ‘поколение’. В НКРЯ обратное соотношение. В газетном подкорпусе 1017 контекстов с неснятой омонимией для слова *бумер*, и в большинстве случаев это не название поколения, а жаргонное обозначение автомобиля BMW, контекстов со значением ‘поколение’ около 200, то есть меньшинство. Расхождения с результатами нашего Опроса-2, где омоним со значением ‘поколение’ преобладает, вызваны, по нашему мнению, более широким возрастным составом авторов контекстов НКРЯ. Старшей возрастной группе «теория поколений» и ее терминология, которая популяризируется преимущественно в интернет-коммуникациях, известна гораздо хуже, чем респондентам нашего опроса, поэтому люди старшего поколения, видимо, вряд ли знают, что в современном молодежном жаргоне *бумеры* – это они сами.

Если *зумеры* и *бумеры* составляют, по данным Опроса-2, семантическую оппозицию ‘молодой’ / ‘старый’, то со словом *миллениалы* ситуация двойственная. С одной стороны, некоторая часть респондентов

идентифицирует себя с более молодыми *зумерами*, и в ответах про *миллениалов* появляются в качестве синонимов *предки* и *старые*. С другой стороны, часть респондентов относит себя к *миллениалам*, и это дает в ответах форму 1-го лица и характеристики со значением ‘новый, современный’. Так как среди респондентов не было людей старше 25 лет, предположим, что эта двойственность связана не с реальной принадлежностью к разным поколениям, а с неоднозначным пониманием слова *миллениалы*: либо как ‘предыдущее поколение по отношению к *зумерам* – современной молодежи’, либо как ‘люди XXI века, современная молодежь’ (и тогда *зумеры* – это ‘подростки, дети’ – см. такие ответы в Опросе-1).

Заметим, что в «теории поколений» термин *millennial generation* исходно относился к детям, которые к рубежу тысячелетий (миллениуму – *millenium*) должны были достичь совершеннолетия. Термин со временем сократился до *millennial* и вошел в русский язык в виде лексемы *миллениалы*. В значительном количестве контекстов в русскоязычном дискурсе слово фиксируется со второго десятилетия XXI в., в настоящее время значение слова в русском языке имеет существенные отличия от значения в языке-доноре. По результатам анализа около 200 контекстов НКРЯ и других интернет-ресурсов со словом *миллениалы* можно выделить следующие повторяющиеся характеристики: люди, родившиеся между концом 1990-х и 2000-х, являются первым поколением эпохи интернета, рост и взросление сопровождались развитием технологий и сетевой коммуникации, современники цифровизации, поэтому свободно чувствуют себя в цифровой реальности и часто предпочитают общение в интернете, жизненные приоритеты и система ценностей существенно отличаются от старших поколений, что вызывает критику со стороны последних (подробнее о *миллениалы* см. [Ван Шоин, 2022]).

На основе анализа контекстов НКРЯ и других интернет-ресурсов со словом *бумеры* можно выделить следующие повторяющиеся характеристики:

доверие представителей поколения к СМИ, использование телевидение и лишь иногда интернета, заинтересованность в стабильности, приверженность традициям, трудолюбие. Кроме конкуренции с широко известным омонимом, слову *бумер* мешает войти в общее употребление в значении 'поколение' отсутствие понятной носителям языка внутренней формы. Даже в варианте *беби-бумер* мотивировка применительно к российской действительности не проясняется (1943 год рождения, который является «нижней» границей поколения, в отечественной истории связан не с «бумом», то есть подъемом рождаемости, а с так называемой «демографической ямой»). Да и слово *беби-бум*, само по себе понятное, скорее запутывает мотивировку за счет компонента *беби*, соотносимого с семантикой детства, тогда как в современных словоупотреблениях *бумеры* – это поколение родителей.

Основная часть контекстов со словом *бумер* в интересующем нас значении имплицитно или эксплицитно описывает конфликт отцов и детей, где первые – *бумеры*, а вторые – *зумеры*, то есть современная молодежь, «цифровое поколение»: *«Противоречия между бумерами и зумерами возникают по той же причине, по какой они появлялись в предыдущие эпохи»*; *«Бумеры стараются обучить зумеров понимать то искусство, которое им понятно и близко»*, *«Зумеры, создавая новое искусство, не пытаются объяснить его бумерам»* [НКРЯ 2021]; *«...О социальных сетях и пограничных боях между бумерами и зумерами»* [НКРЯ 2021].

Следует отметить большое количество контекстов, где у *зумеров* отмечаются негативные качества, стандартно приписываемые молодежи (неуважение к старшим, безответственность и пр.), что подтверждает приобретение словом *зумеры* значения 'современные подростки, молодые люди' без прямой связи с «теорией поколений». Использование программы Zoom во время пандемии привело к ложной этимологизации слова, которая, тем не менее, способствует его освоению. На основе анализа контекстов НКРЯ и других интернет-ресурсов со словом *зумеры* (проанализировано около 200

контекстов) выделяются синонимичные слову *зумеры* выражения: *цифровые люди, цифровые аборигены, поколение гаджетов*. Главная характеристика *зумеров* – их богатый опыт в использовании современных технологий, с которыми они знакомятся практически с рождения: «Зумеров считают “цифровыми людьми”, так как многие из них не застали времен без высокотехнологичных инноваций» [Масленко, 2023].

Слово *зумеры* в молодежном жаргоне имеет достаточно высокую деривационную активность: фиксируются феминитивы (*зумерка* и *зумерша*), относительное прилагательное *зумерский*, пренебрежительное уменьшительное *зумеркиИ*. По модели *бумеры* / *зумеры* появляются заимствования, характеризующие поколения, но не связанные с «теорией поколений»: *думеры* (от doom), *блумеры* (от bloom).

В современном медиа-дискурсе представлены и другие номинации, построенные по сходной модели: все новые поколения называют термином *поколение «некст»* (возможно написание в кавычках и без). Эта номинация не привязана к конкретному времени или событиям, поэтому является относительной. В публицистике часто наблюдаются попытки дать обобщённую характеристику молодым поколениям, нередко негативную: «*Вот, мол, товарищи дорогие, поколение некст, которое не только не уступает места дамам определенного возраста, но еще и нецензурно выражается при этом*» [НКРЯ 2013].

Номинации *поколение альфа, центиалы, думеры, ковид-бумеры, ковид-поколение, гугл-поколение* являются менее распространёнными и в публицистическом дискурсе используются редко. Очевидно, это окказиональные единицы, не получившие широкого распространения в речи и в СМИ.

Неологизм СП ‘возраст человека’, ассоциируемый с теорией поколений, – имя прилагательное *межпоколенный*. В словаре актуальной лексики он поясняется так: ‘существующий между разными человеческими поколениями’

[Викисловарь, 2023]. Ранее термин функционировал в специальной, преимущественно психологической литературе, что наблюдается и в настоящее время: «*Это устойчивая во времени межпоколенная группа, для которой характерна стабильность состава...*» [НКРЯ 1999], но сейчас получил более широкое использование, как нам кажется, именно в связи с популяризацией теории поколений. Например: «*В России межпоколенные трансферты в основном идут в обратную сторону*» [Газета.ru, 30.05.2014].

Итак, при неочевидной научной ценности «теория поколений» оказала заметное влияние на массовое сознание и дала импульс для появления номинаций, заполнивших языковую лакуну – потребность в однословных номинациях поколений, возникшую в связи с существенными изменениями, происходившими в мире на рубеже XX–XXI вв. и обусловившими потребность в самоидентификации с поколением как социальной общностью. В связи с этим наибольшим потенциалом для вхождения в язык в качестве самономинаций, по крайней мере, в молодежный жаргон, обладают лексемы *зумеры* и *миллениалы*, обозначающие поколения молодежи XXI в. Слово *миллениалы* за счет хронологически маркированной внутренней формы с течением времени меняет значение с ‘новое, молодое поколение’ на ‘старшее поколение’, о сущности чего продолжают спорить социологи. Отмечают, в частности, что миллениалы не соответствуют стандартам «взрослой жизни»; их средний возраст – около 40 лет, однако большинство из них так и не стало взрослыми; они не стремятся заводить семью, детей, стабильную работу. Средний возраст, в котором они находятся, оказывается для них психологически тяжёлым. Эта ситуация продолжает стимулировать активное использование в публицистике лексемы *миллениал*: «*У миллениалов чаще нет семьи и ипотеки, зато они могут позволить себе путешествия*» [Морозова 2024]. У слова *зумеры* актуализируется семантика ‘цифровое поколение’ и ‘новое поколение’, включенность в оппозицию «отцов и детей». Результаты лингвистических экспериментов показывают, что термины, употребительные

в речи, отрываются от заданных в «теории поколений» хронологических границ: слова *бумер* и *зумер* развивают значения ‘поколение родителей, старшее поколение’ и ‘поколение детей, новое поколение’. Лексема *миллениалы* за счет внутренней формы хронологически атрибутирована, однако границы поколения, обозначенные респондентами в опросах, существенно отличаются от заданных в «теории поколений», ответы респондентов показывают изменение значения от ‘новое поколение’ к ‘прежнее, предыдущее поколение’.

### **3.3. Заимствованные и словообразовательные неологизмы (*эйджизм* и другие). «Цифровая модель»**

Новые номинации СП ‘возраст человека’ появляются также за счёт наименований от производящей основы *эйдж* (от англ. *age* – ‘возраст’). Часть слов образована суффиксальным способом (*эйджизм*, *эйджистский* и др.), часть – префиксальным (*антиэйдж*, *антиэйджинг*, *проэйдж*), а также префиксально-суффиксальным (*антиэйджинговый*). К словам, полностью заимствованным, относятся *эйджизм*, *антиэйдж*, к словам, образованным в русском языке, – *эйджистский*, *антиэйджинговый* [Яковлева, 2019: 143].

Английский корень *age* – ‘возраст’ включает и слово *тинэйджер*, которое является сегодня уже не новым, достаточно давно вошедшим в русский язык. Однако его появление зафиксировано не так уж и давно; видим данное слово в «Словаре перестройки» В.И. Максимова с семантикой ‘подросток (юноша или девушка) в переходном возрасте (12-19 лет)’ [Максимов, 1992: 215]. Лексема произошла от английского *teenager* – человек, в наименовании возраста которого есть часть *-teen*, то есть в возрасте 13–19 лет. Интересно, что данное наименование изначально не совпадало с русским *подросток*, поскольку в России подростками не считают молодых людей в возрасте 17–19 лет, однако лексема всё равно закрепилась и начала ассоциироваться с молодёжью. К примеру, в словаре Т.Ф. Ефремовой никакого уточнения насчёт возраста не приводится и лексема (в более редком

орфографическом варианте *тинейджер*) просто пояснена как ‘подросток’ [Ефремова, 2000].

В отличие от слова *тинэйджер*, лексемы *эйджизм*, *антиэйдж*, *антиэйджинг* и под. ввиду новизны ограниченно представлены в толковых и других словарях. В словарях неологизмов они также не зафиксированы. Наиболее популярное из данных слов *эйджизм* в Викисловаре Т.Ф. Ефремовой поясняется как ‘негативный стереотип в отношении людей какой-либо возрастной категории, но чаще всего подразумевается стереотип пожилого возраста’ [Викисловарь, 2023] и даётся с пометой «психологическое». Здесь же есть информация о том, что термин предложен в 1969 г. американским социологом Р.Н. Батлером и сконструирован по аналогии с терминами *расизм* и *сексизм*. Его активно применяют в современном публицистическом дискурсе с неизменно негативной окраской как наименование нежелательного дискриминационного явления: «По мнению знаменитости, *эйджизм* стал глобальной проблемой, которую необходимо решать всеми силами» [Газета.ru, 05.04.2023].

Остальные неологизмы (*антиэйдж*, *антиэйджинг*, *проэйдж*) являются более редкими в информационном пространстве. Термин *антиэйдж*- (*anti-age*), переводимый в соответствии с семантикой входящих в него элементов как *антивозраст*, *антивозрастной*, входит как начальный элемент в сложные наименования (*антиэйдж-эффект*, *антиэйдж-медицина*, *антиэйдж-крем*, *антиэйдж-рацион*, *антиэйдж-терапия* и др.). Чаще всего под ним понимаются явления *антивозрастной* медицины (по-видимому, это исходное значение), но термин расширяет своё использование, и появляются наименования *антиэйдж-туризм* [Зырянова, 2020], *антиэйдж-культура* и др. Термин *антиэйджинг* используется как синонимичный к *антиэйдж* (в медицинской семантике); по-видимому, и он заимствован из английского языка в готовом виде.

В публикациях СМИ журналисты стремятся пояснить для своих читателей новые номинации с корнем *-эйдж-*, которые многим могут быть незнакомы. При этом разъясняется суть самого явления: «Смысл *антиэйдж-медицины* в том, чтобы помочь человеку как можно дольше оставаться молодым и здоровым» [НКРЯ 2013]. Отметим, что термин *антиэйдж* используется редко: в газетном корпусе НКРЯ обнаруживаем всего 7 примеров + 2 примера с латинским написанием *antiage*. В СМИ звучит мысль о том, что в мире наименование *антиэйдж* утратило популярность, поскольку «продвигает мысль о том, что возраст – это симптом, с которым надо бороться» [Щербакова, 2019]. По нашим наблюдениям, термин *антиэйдж* более всего востребован в заголовках публикаций СМИ: «*Антиэйдж* как стиль жизни: секреты, которые должен знать каждый», «Программа “*антиэйдж*”: 20 правил для сохранения красоты и энергии», «Основные правила питания *анти-эйдж*: что есть, чтобы долго оставаться молодым»<sup>1</sup> и т. п. Это публикации, целевая аудитория которых – пожилые люди, желающие получить информацию о противодействии старости.

Неологизмами-заимствованиями являются не только англицизмы, и соответствующие им калькированные термины, например, префиксальное образование *антивозрастной*, чаще всего функционирующее в составе сочетаний: *антивозрастная медицина, антивозрастной уход, антивозрастная косметика* и др. Очевидно, это калька с английского *anti-age*, то есть в современном русском языке функционируют и обычное заимствование, и калька данного популярного во всём мире термина. Русские наименования гораздо распространённой в публицистическом дискурсе, чем англицизмы. Так, термин *антивозрастной* встречается в газетном корпусе НКРЯ более 100 раз (ср.: *антиэйдж* – 7). Речь в таких публикациях обычно идёт о медицине, косметике, косметологии, культуре старения и т. п. Многие материалы имеют рекламный характер, например: «*Антивозрастная*

---

<sup>1</sup> Три приведённые примера демонстрируют три варианта написания слова в СМИ: без кавычек слитно, в кавычках слитно, без кавычек через дефис.

*сыворотка для глаз содержит морской планктон и экстракт водорослей и предназначена для разглаживания кожи под глазами и снятия отечности» [НКРЯ 2020].*

Лексема *проэйдж* (pro-age) также связана с процессом борьбы с возрастом косметическими и медицинскими способами. Конкурируя друг с другом, термины получают дифференциальные семантические особенности. Н. Гарина отмечает, что отличие состоит в степени принятия старения и активности борьбы с ним. Если *антиэйдж* – «серьезная борьба с возрастными изменениями» и допускает кардинальные меры (вплоть до подтяжки лица и других косметических операций), то *проэйдж* предполагает только «разумный уход за собой и грамотную профилактику старения» [Гарина, 2018]. Данная семантика отражена и в публикациях СМИ: «*Как итог: эра anti-age сменилась на эпоху pro-age – разумного отношения к своему возрасту, принятия его и ухода за кожей с учетом ее потребностей, а не трендов*» [<https://style.rbc.ru/beauty/6412cd0f9a7947691200b2a2>, 17.03.2023]. В силу новизны термины чаще используются в публицистическом дискурсе как варваризмы – в латинской графике.

**«Цифровая модель».** Номинации типа «16+» становятся всё более популярными. Исходно они использовались для маркировки возрастных ограничений – показывали, с какого минимального возраста разрешён тот или иной продукт: книга, журнал, кинофильм и др.

Так, один из современных детских онлайн-кинотеатров называется «*Ноль плюс*» [<https://zeroplus.tv>]. Такое же наименование получил проводимый данным кинотеатром кинофестиваль, состоявшийся уже 10 раз. «*0+ Медиа*» называется российская компания по продвижению детских брендов, товаров и услуг [<https://0plusmedia.ru>]. В России ежегодно Министерством науки и высшего образования и другими организациями проводится фестиваль-форум «*НАУКА 0+*», цель которого – популяризация науки [<https://events.festivalnauki.ru>]. Цель данных наименований – подчеркнуть, что

для организаторов неважен возраст участников, что все желающие могут принять участие в мероприятии (работе, восприятии и др.).

Если речь идёт о различных возрастных ограничениях для кинофильмов и мультфильмов (0+, 6+, 12+, 14+, 16+ 18+), то вопрос о них постоянно рассматривается в различных публикациях, авторы которых излагают основания для подобных маркировок и обсуждают ограничения, установленные в России и в мире для различных медиапродуктов: «*Доходит до смешного: отмеченный в Каннах “Самый счастливый день в жизни Олли Мяки” получил 16+*» [А. Гореликов. До 18 нельзя: Как работают возрастные ограничения; <https://www.kinopoisk.ru/media/article/3240260/>].

Начиная с 30+ все последующие наименования (40+, 45+, 50+, 60+ и др.) чаще всего являются эвфемизмами для обозначения старшего, немолодого, пожилого возраста. Например, в публикации с названием «*“Не вижу смысла быть несчастной”. Модели 30+ о возрасте, красоте и разрушении барьеров*» [<https://morsmagazine.ru/lyudi/komu-za-tridtsat-shest-sekretov-molodosti-ot-zhenshhin-balzakovskogo-vozrasta/>] даются портреты женщин 38–49 лет, которые рассказывают о себе, своём понимании возраста, секретах своей молодости. Данная публикация интересна тем, что в заголовке возраст указан с помощью эвфемизма, а в тексте даются точные сведения о возрасте женщин-героинь.

Неологизмы с семантикой возраста продолжают появляться в современном русском языке. Одним из последних является слово *гранфлюенсер* (существующее в варианте транслитерации *гранфлюэнсер*). Это заимствование английского слова *granfluencer* (контаминация: *grandparent* – ‘бабушка или дедушка’ + *influencer* – ‘пользователь социальных сетей, потенциально способный повлиять на мнения и поведение целевой аудитории’) с семантикой ‘о популярном блогере пожилого возраста’ [НРЛ, 2021: 62]. Как видим, неологическая лексика нацелена не просто на формирование новых наименований по возрасту, а на появление

специализированных номинаций, предназначенных для обозначения новых явлений в общественной жизни.

### **3.4. Динамика представлений о границах возрастных периодов (по данным публицистического дискурса)**

Представления о возрасте, возрастных периодах и возрастных нормах складывались на протяжении столетий существования русского народа и существуют как вполне устойчивые, закреплённые в миропонимании, связанные с обычаями, менталитетом людей. Они отразились в лексике, фразеологии, поговорках, фольклоре. Однако изменение условий жизни повлекло трансформации в области самых разных представлений людей, в том числе касающихся возраста.

Главное изменение, которое можно заметить, – это изменение абсолютных границ возрастных этапов (в начале прошлого века пожилым могли назвать человека 30 лет, сейчас этот возраст находится скорее в начале возраста зрелости).

Изменение абсолютных границ возрастных периодов хорошо видно по изменению значения фразеологизма *бальзаковский возраст*, которое поясняется в толковом словаре как ‘возраст женщины от 30 до 40 лет’ [МАС 1999, 1: 59]. Аналогично объяснение его семантики и в словаре фразеологизмов [Фёдоров, 2008: 86]. В обоих словарях видим этимологическую информацию: «По имени французского писателя О. Бальзака, изображавшего в своих романах героинь преимущественно в возрасте 30–40 лет» [МАС 1999, 1: 59; Фёдоров, 2008: 86]. В настоящее время эти возрастные границы существенно передвинулись (в связи с увеличением продолжительности жизни и периода социальной активности женщин), и фразеологизм *бальзаковский возраст* имеет значение ‘почти пожилой’ и соотносится с гораздо большим количеством прожитых лет, чем во времена О. де Бальзака, в любом случае – старше сорока лет, иногда – старше

пятидесяти, то есть «“сроки” бальзаковского возраста перенесли на 20 лет вперёд» [Полякова, 2019]. Данные изменения зафиксированы и в словаре эвфемизмов Е.П. Сеничкиной, где отмечено, что сочетание *бальзаковский возраст* употребляется «вместо возраст стареющей женщины» [Сеничкина, 2008: 62].

По употреблению в публицистическом дискурсе слов, обозначающих детей и детство, можно заметить изменение границ и в начале возрастной шкалы, стремление говорящих причислять к детям молодых людей до 18 лет и старше, например: *«Если средства решено направить на образование, нужно посмотреть, как **ребёнок** сдаст ЕГЭ, будет он поступать куда-то или нет»* [НКРЯ 2020]. В данном высказывании человека 17–18 лет называют ребёнком. Существуют и примеры с противоположной трактовкой детства, когда говорится о раннем взрослении, о досрочном завершении периода детства: *«А теперь Арина удивляет многих прямо-таки **недетскими**, очень серьезными комментариями к боксерским боям»* [НКРЯ 2008]. Исследователи говорят о «размывании границ детского и взрослого мира» [Мамычева, 2010: 75] в современной культуре, что, как видим, отражается и в публицистике. За детьми признаётся способность высказывать серьёзные суждения, говорить рассудительно, быть умными и самодостаточными, принимать самостоятельные решения: *«Ее ровесница Татьяна рассуждает совсем **повзрослому**. В жизни без наркотиков гораздо больше интересного»* [НКРЯ 2020].

Второе концептуальное изменение – осознание разных видов возрастов (календарного (паспортного), психологического, биологического (физиологического, физического) и пр.), возможности их несовпадения, что отражается в употреблении соответствующих лексем. Ср.: *молодость* в зн. ‘моложавый внешний вид’: *«62-летняя Шэрон Стоун снялась в боди и удивила фанатов своей молодостью»* [НКРЯ 2020], *«Молодость актрисы удивила ее поклонников, и они восхитились фотографией в комментариях»* [Там же].

«**Возраст** – всего лишь цифра. 30-летним женщинам тебя не превзойти [Там же].

Если молодость перестает быть возрастным периодом, связанным с количеством прожитых лет, и становится состоянием, возможным в любом возрасте, то и *старость* может утратить свою табуированность. Проявления такого подхода тоже находятся: «*Говорят, красивую старость нужно заслужить*» [Ведомости, 2020.11.01]. Интересный и показательный пример такого типа – название благотворительного фонда помощи пожилым людям и инвалидам «*Старость в радость*» [https://starikam.org]. Данное наименование образовано на основе пословицы «Старость не радость», зафиксированной ещё в словаре пословиц В.И. Даля [Пословицы русского народа, 1989: 246], и основано на разрушении, опровержении её смысла. Предлагается понимать старость как период жизни, в котором возможны радости, который может приносить удовольствия и положительные эмоции, а не печали, боль и лишения. Однако чаще встречаются контексты, где *старости / возраста боятся, страшатся, пугаются: Он не любит свой возраст, боится его.* [МосквичМаг 2021]. То есть *старость (и возраст)* представляются в образе опасного врага, с которым можно *бороться* и который можно *победить*. В современном медиа-дискурсе широко представлена метафора войны применительно к возрасту: *борьба / война с возрастом, антивозрастной, антиэйж-эффект, победа над возрастом / старением* и пр. Ср.: *Не хотим мы стареть, не хотим! Нет, я на уколы ни за что, пластику — упаси бог, это уже за пределами моей борьбы с возрастом.* [МосквичМаг 2021].

Изменение границ возрастных периодов, стереотипного образа старости и культа молодости является постоянным предметом рефлексии носителей языка в медиапространстве. Нами собрано значительное количество таких публикаций. Приведем всего 2 примера: «*Кажется, из города почти исчезли бабушки и дедушки<...> На лавочках во дворах их уже давно нет, да и сами*

*лавочки исчезли.* [МосквичМаг 2023] (изменение стереотипного образа старости). *У нас своя классификация. До сорока пяти у нас девушки. Потом — женщины. Уже навсегда. И никаких старушек и бабушек.* [МосквичМаг 2020] (ироничное указание на изменение возрастных границ и восприятия номинаций по возрасту).

Рассмотренные нами примеры изменения представлений о возрасте, отражённые в современной публицистике, свидетельствуют в первую очередь о смещении возрастных границ в сторону увеличения, об изменении представлений о возрастных ролях – стереотипных ожиданиях от того или иного возраста, то есть о прагматических изменениях.

### 3.5. Выводы

1. СП ‘возраст человека’ является живым, динамичным полем и постоянно пополняется неологизмами различного происхождения: заимствованными словами (*антиэйдж, миллениалы*), лексемами, образованными в русском языке (*ковид-дети, гугл-поколение*), семантическими неологизмами (*возрастной* в значении ‘пожилой’), синтаксемами (*кризис среднего возраста*), фразеологизмами (*возраст дожития*) и др. Использование неологизмов стимулируется социальными процессами, касающимися представителей того или иного возраста

2. В русской языковой картине мира прочно закрепились представления о возрастных нормах, которые проявляются и в современной публицистике. В частности, детство воспринимается как период уязвимости, а дети – как существа незащищённые, нуждающиеся в опеке; детское поведение для взрослого человека порицается, оценивается как недопустимое; в качестве идеального, нормативного возраста позиционируется молодость. Можно сказать, что в публицистическом дискурсе действуют, противостоя друг другу, две тенденции. С одной стороны, продолжает быть сильным представление о высокой ценности молодости и, соответственно, девальвируются другие

возрастные периоды. С другой стороны, расширяются рамки представлений о возрастной норме, изменяются границы возрастных периодов и признается наличие разных видов возраста, которые могут не совпадать с фактическим количеством прожитых лет.

3. Признак возраста является одной из важнейших черт, характеризующих человека, определяющих как его мысли, поступки, общественную значимость, так и отношение к нему других членов социума. В связи с этим различные наименования человека и совокупностей лиц по возрасту являются широко употребительными в публицистике. В то же время в публицистике отражаются изменения в восприятии возраста, происходящие в современной культуре. В настоящее время негативное понимание любых возрастов, помимо молодости, утрачивается, хотя равного отношения к разным возрастам, обозначаемым различными номинациями, языком пока не демонстрируется. Молодость начинает пониматься как возраст вне рамок, возможный для людей разных лет. Наблюдается множество эвфемистических наименований, с помощью которых преодолевается представление о ненормативности пожилого возраста: *солидный возраст, 65+, элегантный возраст, возрастной – ‘пожилой’, третий возраст, серебряный возраст, серебряная экономика, немолодой, уже не молод, в годах, зрелый, опытный* и др. В то же время встречаются и прямые наименования старости (*старый, старость, старик*), с помощью которых авторы стремятся передать мысль о нормальности старости, о необходимости естественного к ней отношения, недопустимости считать стариков людьми, заканчивающими жизнь, а также рассказать о проблемах пожилых людей. Изменяется и восприятие детского возраста, в частности, стираются рамки между детством и другими возрастными периодами.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возраст является важнейшей характеристикой человека, во многом определяющей его социальное функционирование. Представления о членении жизни человека на возрастные этапы, о возрастных нормах, о возрасте как признаке категоризации социального мира закреплены в языковой картине мира каждого народа и влияют на выбор жизненных стратегий и взаимодействие с другими членами общества. Эти представления отражены в языке, который не только сохраняет традиционные, идущие из древности представления, но и формирует новые, живо реагируя на изменения, происходящие в обществе.

Лексика и фразеология с общим компонентом 'возраст' занимает значимое место в лексико-фразеологической системе языка, стабильно вызывает исследовательский интерес и достаточно хорошо изучена. Возраст является онтологической и антропоцентрической категорией, связанной с жизнью человека, динамикой его существования. Формирование в лингвистике антропоцентрического подхода усилило внимание к способам вербализации в языке информации о возрасте человека. Лексика с семантикой возраста рассматривается в современной лингвистике с разных точек зрения: в системном аспекте, с функционально-семантической точки зрения, с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций (как концептосфера и концепт «возраст», как фрагмент языковой картины мира и др.). Значимо её исследование с прагматических позиций. Вопрос о возрасте человека в русской языковой картине мира вызывает интерес как исследователей, изучающих русский язык в его литературной и диалектной разновидностях, так и ученых, сопоставляющих материал, представленный в разных языках.

При разнообразии лингвистических методов и материала, многие исследователи сходятся в суждениях, отмечая ряд базовых особенностей единиц СП 'возраст', к которым относят следующие признаки: обязательность

(представление о возрасте как важнейшем качестве человека); стадиальность (наличие этапов); градуальность (понимание возрастных характеристик и качеств как постепенно нарастающей особенности); оппозитивность (жизнь «по возрастающей» – «по убывающей»; молодость – старость); нормативность (соответствие правилам о поведении и чертах человека определенного возраста); стереотипичность (устойчивые ассоциации, связанные с возрастом); оценочность (представление о «хорошем» и «плохом» возрасте); образность (в связи с мифологией, архетипическими представлениями о том или ином возрасте, с концептуальными метафорами). Ученые подходят к исследованию концепта (и концептосферы) «возраст», принимая во внимание достижения философии, психологии, культурологические, исторические и языковые исследования.

Средствами репрезентации знаний о возрасте человека, о прожитых им годах и о том, как они влияют на структуру его личности, в русском языке являются лексические и фразеологические единицы семантического поля 'возраст человека'. Структура поля достаточно сложная и многоуровневая. В центре поля находится ядерная лексема *возраст* как единица с наиболее общим значением; соответствующая ей сема 'возраст' присутствует в семантике всех остальных единиц СП. Также ядерная зона СП включает единицы, для которых сема 'возраст' является центральным компонентом значения: это наименования возрастных периодов (*детство, юность, молодость, зрелость, старость* и др.), характеристики по возрасту (*молодой, старый*). Приядерную зону составляют наименования человека через указание на возраст (*ребёнок, подросток, юноша, девушка, молодой человек, старик, старуха* и др.), глаголы изменения возраста (*взрослеть, стариться*).

СП 'возраст человека' имеет ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Зоны дальней и крайней периферии включают многочисленные лексические и фразеологические единицы, у которых семантика возраста сочетается с другими компонентами значения: *дошкольник, миллениал,*

*пенсионер* и др. Сюда же отнесены имена существительные, в семантике которых на равных сочетаются признаки пола и возраста: *мальчик, девочка, парень* и др.

СП 'возраст человека' в современном русском языке представляет собой постоянно пополняемое множество слов и фразеологизмов. Значительное количество единиц поля со временем выходит из употребления, что демонстрируют словарные пометы (*устар.*), в частности, в РСШШ. Следует отметить, что динамический характер, изменяемость свойственны всем зонам поля, а не только периферии (ср. изменение значений слова *возраст* и *возрастной*). Так как устаревание слов и значений является более протяженным процессом, нежели появление новых, выход единиц СП из употребления для исследуемого периода (первая четверть XXI века) направленно не исследовалось.

Возраст является не только неотъемлемой индивидуальной характеристикой отдельного человека, но и признаком, на основании которого выделяются социальные группы, то есть совокупности людей, имеющие и другие общие характеристики (особенности здоровья, поведения, отношения к миру и прочее). Соответственно, в языке существуют разные способы номинации таких совокупностей лиц (социальных групп). Основной лексической единицей для обозначения совокупностей людей, объединенных по признаку 'возраст', является слово *поколение*, конструкции с ее участием и слова с семантическим компонентом 'поколение'.

Новые слова и сочетания, обогащающие СП 'возраст человека', отражают действие принципов рациональности и креативности, свидетельствуют о гибкости языка, его умении живо отреагировать на общественные тенденции. Для обозначения возраста и связанных с ним феноменов появляются как заимствованные (*антиэйдж, миллениал*), так и словообразовательные неологизмы (*антивозрастной*). Наблюдается тенденция к широкому распространению сочетаний с семантикой возраста

(кризис среднего возраста, поколение некст; не старь, а опытный). Распространена семантическая деривация (*возраст* в значении 'пожилой возраст', *возрастной* в значении 'пожилой'). Формируется и активно используется в языке всё большее количество эвфемизмов, с помощью которых, как правило, именуют пожилых людей: *человек преклонного возраста, 65+, ветеран, в возраст элегантности*. Размываются и смещаются возрастные рамки (нормативны употребления *ребенок* применительно к 17-18-летним, обращения *девушка, молодой человек* к 30-летним, фразеологизм *бальзаковский возраст* к 40-50-летним).

В новые характеристики возраста закладывается высокая значимость отличий между календарным, биологическим (физиологическим) и психологическим возрастом человека, позиционируется как норма стремление и умение чувствовать себя моложе своего реального возраста.

В русской картине мира прочно закрепились представления о возрастных нормах, которые проявляются и в современной публицистике. В частности, детство воспринимается как период уязвимости, а дети – как существа незащищённые, нуждающиеся в опеке; детское поведение для взрослого человека порицается, оценивается как недопустимое; в качестве идеального, нормативного возраста позиционируется молодость.

Наименования возраста обусловлены, с одной стороны, социально, так как зависят от понимания того или иного возраста членами общества, с другой стороны, психологически, поскольку зависят от восприятия собственного возраста людьми. Сами наименования и их функционирование в русском языке отражают представления о жизни человека, сложившиеся в глубокой древности и продолжающие оказывать влияние на современное понимание возраста. Именно из древности идёт закреплённое в русской «наивной» картине мира стереотипное представление о том, что нормативным, «хорошим» возрастом является молодость. Детство и подростковый возраст воспринимались ранее как подготовка к молодости, старость – как возраст

беспомощности и движения к смерти, и только молодость оказывалась идеальным возрастом, когда человек здоров, полон сил, социально активен, имеет значительное влияние на окружающих и жизнь общества.

Современный русский язык идёт по пути преодоления возрастных стереотипов, исторически закреплённых в его лексике и фразеологии. В публицистическом дискурсе наблюдается тенденция к разрушению возрастных стереотипов, традиционно закреплённых в СП 'возраст человека'. Объективная характеристика возраста дополняется в формировании образа человека множеством субъективных характеристик, таких как душевная бодрость, активная жизненная позиция, самостоятельность, независимость и т. п.

Широкое перспективы исследования традиционных и новых наименований СП 'возраст человека' и их функционирования в языке определяются постоянным социально обусловленным развитием данного семантического поля, появлением в его составе новых слов, фразеологизмов и синтаксем, с помощью которых русский язык живо реагирует на современные общественные, политические, культурные трансформации.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Модели предложений с семантикой возраста человека в русском и уйгурском языках // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. – Донецк: ДНТУ, 2023. – С. 8-12.
2. Александрова А.Е. Лингвокультурологический аспект концептуальной области возраста и его учет в обучении русскому языку американских студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – СПб., 2007. – 24 с.
3. Амангалиева Г.С. Люди во власти: лексико-семантическая группа слов со значением «носители власти» // Гуманитарные науки в условиях социокультурной трансформации: theoria cum praxis: мат. I Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь: ПГНИУ, 2013. – С. 132-136.
4. Антипина И.Ю. Психологический возраст как фактор профессиональной успешности преподавателя вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – Ставрополь, 2007. – 23 с.
5. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова / Избранные труды. Т.2. М., 1995.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
7. Арутюнова Н.Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время: сб. ст. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 170-200.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт; отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

9. Ашхарава А.Т. Концепт «дитя» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2002. – 200 с.
10. Бабаханова К. Лингвистика текста в позициях одноядерных побудительных синтаксем // Вопросы гуманитарных наук. – 2007. – № 3 (30). – С. 143-147.
11. Бабенкова М.С. Общее и различное в комментариях пользователей интернет-порталов по поводу нарушения языковых норм // Stephanos. – 2020. – № 1 (39). – С. 105-110.
12. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Очерки общей и русской фразеологии. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. – 280 с.
13. Басова У.А., Пименова М.В. Мотивирующие признаки макроконцепта дети // Мир в языке и культуре: докл. XXVIII Осенней школы и XXVIII междунар. науч. конф. – СПб.: СПбГЭУ, 2017. – С. 63-68.
14. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» // Вестник Якутского федерального университета. – Том 4. №1. 2007. С. 93–96.
15. Белоусова А.С., Копорская Е.С. Виды этнолингвистической информации, извлекаемой из системных словарей русского языка // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Мат. XIII Конгресса МАПРЯЛ. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С. 35-40.
16. Бельчиков Ю.А. Русский язык. XX век. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 318 с.
17. Белякова СМ. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области): монография. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – 264 с.
18. Бирюкова В.П. Этнокультурная специфика концепта «старость» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2020. – № 3. – С. 41-47.
19. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.

20. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Лексема // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

21. Бурнаева К.А. «Старость» в русской и английской фразеологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 149-154.

22. Бурунова А.А. Английская лексика в новостных СМИ // Modern Science. – 2021. – № 6-1. – С. 443-447.

23. Бутакова Л.О. Возрастная лексика как объект рецепции (на примере стимулов «пенсионер», «пенсионерка», «пенсия») // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Омский гос. ун-т, 2019. – С. 143-149.

24. Былкова С.В. Концепт поколение 60+ в современных медиатекстах // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сб. мат. 8-й междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: Апробация, 2014. – С. 18-20.

25. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

26. Валье Д.Е. дель. Фразеологические единицы, обозначающие возраст человека, в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2019. – 19 с.

27. Ван Шоин. Лексема *миллениалы* в современном публицистическом дискурсе // ЛОМОНОСОВ-2022: мат. междунар. молодежного научного форума. – М.: МАКС Пресс, 2022 [Электронный ресурс]. – URL: [https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov\\_2022/data/section\\_36\\_25755.htm](https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022/data/section_36_25755.htm) (дата обращения: 30.04.2024).

28. Ван Шоин. Эвфемистические обозначения представителей старшей возрастной социальной группы в современном публицистическом дискурсе // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3 (100). – С. 356-358.

29. Ванюшина Н.А. Использование эвфемизмов при обозначении преклонного возраста (на материале немецкого языка) // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8-1. – С. 24-27.

30. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.

31. Васильева Е.В., Ташлыкова М.Б. Прилагательные лексико-семантической группы «психические характеристики человека»: проблема классификации // В мире научных открытий. – 2014. – № 11-10 (59). – С. 3922-3938.

32. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.

33. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Серебряный возраст // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 2 (273). – С. 116-119.

34. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Виноградов В.В. Лексикология и Лексикография. М., «Наука». 1995.

35. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высш. школа, 1986. – 639 с.

36. Власова К.А. Словообразовательные гнезда *молодой – старый* в русском языке (опыт разноаспектного сопоставительного анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Нижний Новгород, 2002. – 19 с.

37. Вознесенская М.М. Метафора детства в русской фразеологии // Prostor in čas v frazeologiji: сб. ст. – Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016. – С. 87-101.

38. Волкоморова О.Б. Лексика возрастной стратификации в русском языке и речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень, 2006. – 175 с.

39. Воробьева Л.Б. Детство в диалектной фразеологической и паремиологической картине мира // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со

дня рождения профессора В.И. Коваля: сб. науч. ст. – Гомель: ГГУ, 2021. – С. 91-96.

40. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

41. Гарина Н. Pro-age: тренд, который заставит вас полюбить свои морщины. 26.10.2018 [Электронный ресурс]. – URL: [https://dzen.ru/a/XiW\\_Sh\\_r1ACvZahf](https://dzen.ru/a/XiW_Sh_r1ACvZahf) (дата обращения: 19.04.2024).

42. Гасанова Г.А. Новые метафоры в современном русском языке // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (97). – С. 610-612.

43. Гафаров Г.В., Кильдибеков Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка (на материале функционально-семантической сферы «жить»). – Уфа: БГУ, 1998. – 180 с.

44. Генералова Е.В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 180-192.

45. Гладченкова Н.Н. Английский язык для людей третьего возраста: канадский опыт обучения иммигрантов // Казанский лингвистический журнал. – 2021. – Т. 4. – № 4. – С. 606-618.

46. Голубева В.В. Выражение категории возраста // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4 (82). – С. 126-129.

47. Горшунов Ю.В. Возраст как объект эвфемизации и политкорректности // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26. – № 4. – С. 1020-1026.

48. Грачева Р.Е. Возраст дожития. 23.06.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://buhlabaz.ru/aktualnyj-kommentarij/vozzrast-dozhitiya> (дата обращения: 30.04.2024).

49. Грибина Г.А., Ермолаева Е.Л., Илюшина Е.С., Федосеева Л.А. Значение цветов сливового дерева и пиона в культуре Китая, в его

изобразительном искусстве и литературе // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 12 (80). – С. 92.

50. Гринина О.В. Возраст – основная координата исследования индивидуального и общественного здоровья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. – 2004. – № 2-26. – № 35-41.

51. Губаревич И.К. Шарыпина М.И. Неологизмы: что-то «кринжовое» или будущее русского языка? // Юный ученый. – 2020. – № 10 (40). – С. 2-4.

52. Деменева Н.А., Деменев Ю.И., Удовиков И.О. Дискриминация по возрасту: проблемы защиты // News of Science and Education. – 2018. – Т. 3. – № 4. – С. 9-17.

53. Джамирова Л.И. Лингвистический объект изучения возраста в национальных группах // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: сб. тр. конф. – Ростов-на-Дону: Донское кн. изд-во, 2017. – С. 38-41.

54. Диас Е., Арсентьева Е.Ф. Фразеологические единицы, обозначающие старый возраст человека, в английском и русском языках // Филология и культура. – 2018. – № 1 (51). – С. 57-63.

55. Дидковская В.Г. Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке. – Новгород: Изд-во НГУ им. Ярослава Мудрого, 1997. – 97 с.

56. Долгова Е.В. Английские фразеологические эвфемизмы о пожилом возрасте как средства эффективной коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 9-2. – С. 99-103.

57. Доу Ч. Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картинах мира // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 1. – С. 132-137.

58. Доу Ч. Устойчивые сравнения с семантикой возраста в русском и китайском языках: сопоставительный аспект // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 450-454.

59. Дуличенко А.А. Русский язык конца XX столетия. – München: Verlag Otto Sagner, 1994. – 359 с.

60. Евтушенко Е.А. Выступление на Пятом съезде писателей СССР 1 июля 1971 г. // Литературная газета. – 1971. – № 28. – С. 11-12.

61. Елькина Ж.В. Концептосфера «возраст» в русском молодежном сленге // Аксиологическая лингвистика: проблемы когнициии коммуникации: сб. науч. тр.; под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2006. – С. 59-65.

62. Есиркеева Д.А. Фразеологические репрезентанты сегментного концепта возраст в русском языке // Наука России: цели и задачи: сб. науч. тр. по мат. II междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Л-Журнал, 2017. – С. 41-43.

63. Жданова Л.А. Общественно-политическая лексика: Структура и динамика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1996. – 20 с.

64. Жданова Л.А., Ван Шоин. Термины «теории поколений» в современном российском медиадискурсе и в молодежной речи // Мир русского слова. – 2023. – № 3. – С. 30-41.

65. Заварзина В.А. О динамических процессах в развитии терминологии образования в русском языке собственно новейшего периода // Современный ученый. – 2023. – № 1. – С. 108-114.

66. Зайцева Н.В. Репрезентация оппозиции *молодость – старость* в русской и англосаксонской лингвокультурах // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: сб. науч. тр. V Междунар. науч.-практ. конф. – Орел: Каргуш, 2021. – С. 221-227.

67. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 1. – М.: Филология, 1997. – С. 82-103.

68. Звегинцев В.А. Семасиология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 322 с.

69. Зубкова А.Ю., Бурдовская Е.Ю. Неологизмы и заимствования в медиатекстах // Неофилология. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 222-231.

70. Зырянова А.Э. Автоматизированные системы управления предприятием туристской индустрии на рынке антиэйдж-туризма // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки: сб. научн. ст. – М.: Перо, 2020. – С. 98-103.

71. Игнатьева Н.В. Культурный потенциал «третьего возраста»: автореф. дис. ... автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Челябинск, 2005. – 28 с.

72. Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – СПб., 1995. – 16 с.

73. Кайзер О.Ю. Дети поколения альфа как новый вызов классической / современной педагогике // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – № 6. – С. 850-857.

74. Калугина Т.А. Пожилой человек как объект исследования: от конкретно-научной к философско-антропологической интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 5 (451). – С. 95-100.

75. Каменева А.Д., Ноздрачева Е.В. Исследование влияния образа жизни на биологический возраст человека // Ученые записки Брянского государственного университета. – 2021. – № 1 (21). – С. 28-33.

76. Карасев А.П. Критический анализ теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува // Право, экономика и управление: теория и практика: мат. IV Всерос. науч.-практ. конф.; ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2022. – С. 44-49.

77. Караулов Ю.И. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57-68.

78. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 354 с.
79. Карпов М. «В СССР люди выросли рано». 28.07.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/28/youth/> (дата обращения: 29.08.2024).
80. Кацкова Д. Имена возраста в русском и словацком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1987. – 19 с.
81. Кифелева А.Р. Сематическое поле возраст человека в современном крымскотатарском // Филология: научные исследования, 2018-4. – С. 16-20.
82. Кобазева Ю.А. Динамика процесса социализации при переходе от младшего к старшему подростковому возрасту: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – М., 2000. – 17 с.
83. Ковалева Т.А. Использование фразеологических эвфемизмов в рамках концепта «возраст» // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2015. – № 3 (11). – С. 43-50.
84. Ковин Е.А. Критический анализ современных теорий поколений в социологии // StudNet. – 2020. – Т. 3. – № 7. – С. 96-100.
85. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. - М: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2012. - 453 с
86. Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2010. – 278 с.
87. Колосова В.В. Исследования стереотипов возраста в новой социально психологической реальности (взгляды отечественных учёных) // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 5. – С. 71.
88. Комиссарова Т.Г. Субъектно-объектный «мир детства» в языковой картине мира вологодского крестьянина // Севернорусские говоры. – 2018. – № 17. – С. 350-360.

89. Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
90. Кон И.С. Этнография детства. Историографический очерк // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии: сб. ст. – М.: Наука, 1983. – С. 5-15.
91. Коробова-Латынцева В.С. Лексико-семантическое поле «человек» в донецком региолекте // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 105-114.
92. Коровкина К.В. Семантический и словообразовательный потенциал прилагательных с семантикой возраста // Предложение и Слово: мат. IV междунар. науч. семинара; отв. ред. О.И. Дмитриева. – Саратов: Научная книга, 2010. – С. 120-126.
93. Короткевич М.А. Формы обращения к незнакомому человеку в современном русском речевом этикете // Теория и практика языковой коммуникации: мат. VIII междунар. науч.-метод. конф. – Уфа: УГАТУ, 2016. – С. 161-165.
94. Костина Л.Т. Исследование группы прилагательных возраста в современном английском языке: в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1978. – 16 с.
95. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
96. Кривова Е.В. Пассивные преобразования в глагольных коллокациях: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2003. – 21 с.
97. Крылова М.Н. Нужна ли в языке заимствованная лексика? // Век информации (сетевое издание). – 2023. – Т. 7. – № 1. – С. 12-19.
98. Крылова М.Н. Сравнительная конструкция в пространстве современного художественного текста // Вестник Кемеровского

государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 22-2. – С. 34-41.

99. Крылова М.Н. Язык как динамическая система // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – № 1 (9). – С. 189-194.

100. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки слав. культуры, 2004. – 888 с.

101. Крючкова Н.В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2003. – 252 с.

102. Кто такие бумеры? А зумеры? 18.06.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/6089715-kto-takiye-bumery-a-zumery> (дата обращения: 06.04.2024).

103. Кубанова А.К. Психология юношеского возраста и формирование самосознания // Казачество. – 2022. – № 62 (5). – С. 51-54.

104. Кудряшова А.П. Эвфемизмы в семантических полях «смерть», «болезнь», «возраст» (на материале современных русского и немецкого языков). – Саратов: ССЭИ, 2015. – 136 с.

105. Кудряшова Ю.С. Концепт «старость» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Инновационные технологии в преподавании иностранных языков: от теории к практике: мат. V регион. науч. конф. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. – С. 35-40.

106. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. – М.: МГУ, 1963. – 59 с.

107. Кулешова А.В. Категории контраста и оппозиции в лингвистическом анализе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 4-7.

108. Курышева О.В. Социально-психологический анализ возрастных норм // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2014. – № 3. – С. 6-16.

109. Курьянович А.В., Дубина Л.В. Сравнительно-лингвокультурологический анализ фразеологизмов тематической группы «человек» (на материале русского, чешского, украинского и польского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1 (219). – С. 84-92.

110. Лаврова Л.В. Лексико-семантические группы слов, характеризующих человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Саратов, 1984. – 19 с.

111. Лаптев И.В. Эвфемизмы тематической группы «старение» в языке рекламы // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 46-49.

112. Лаптева О.Е. Вербализация концепта «возраст» в португальском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2021. – 26 с.

113. Лаптева О.Е. Описание лексико-тематической группы «старость» как фрагмента концепта «возраст» в португальском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 5 (795). – С. 75-86.

114. Лебедев М.Г. Когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры: сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20. – М., 2002. – 44 с.

115. Листраткина К.А. Репрезентация концепта «старость» в паремиологическом фонде русского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 12. – С. 111-113.

116. Литвиненко Ю.Ю. Концепт *возраст* в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2006. – 256 с.

117. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН – СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3-9.
118. Лишаев С.А. Философия возраста (возраст и время): монография. – СПб.: Алетейя, 2022. – 512 с.
119. Лычкина Ю.С. Семантическое поле «характер человека» в современном русском языке и тексте: монография. – Ростов-на-Дону: ИП Ковтун С.А., 2022. – 112 с.
120. Люй В. Гендерный аспект репрезентации концепта «возраст» в русской языковой картине мира (на фоне китайской) // Глобальный научный потенциал. – 2023. – № 8 (149). – С. 162-171.
121. Мамычева Д.И. Трансформации категорий «детство» и «взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 3 (16). – С. 75-80.
122. Марзук Ф.А. Способы вербализации понятия «возраст» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Калининград, 2008. – 22 с.
123. Маренина Е.П., Чжан Т. Фразеологизмы, обозначающие возраст, в китайском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6 (195). – С. 88-91.
124. Масленко Д. Кто такие зумеры, простыми словами. 18.08.2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/613f114f9a7947b4806047ec> (дата обращения: 01.04.2024).
125. Матвеев В.И. Структура семантического поля возраста человека (на материале русского, украинского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Киев, 1987. – 24 с.
126. Медведев С.А. «Восьмидесятники»: победители или потерянное поколение. 07.10.2009 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/news/1163625/10922923.html> (дата обращения: 01.05.2024).

127. Менон Р.Н. Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 20 с.

128. Меркулова И.А., Проценко Е.А. Функционирование перекодированной лексики в русском медиапространстве // Русистика. – 2022. – Т. 20. – № 3. – С. 284-297.

129. Милованова М.В., Терентьева Е.В. Функционально-семантический потенциал глагольных коллокаций памяти в российских СМИ: корпусное исследование // Научный диалог. – 2017. – № 9. – С. 55-68.

130. Митченко З.В. Отражение феномена детства и действия сказочных персонажей в псковском фольклорном дискурсе // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: сб. мат. III Междунар. науч. конф.; под ред. Н.В. Большаковой, А.Г. Разумовской. – Киев: Логос, 2020. – С. 325-338.

131. Молодость продлили: Всемирная организация здравоохранения озвучила новую градацию возрастов. 19.04.2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://gubdaily.ru/news/molodost-prodlili-vsemirnaya-organizaciya-zdravooxraneniya-ozvuchila-novuyu-gradaciyu-vozrastov/> (дата обращения: 29.08.2024).

132. Морозова А. Миллениалы не соответствуют стандартам «взрослой жизни». 22.04.2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://vfokuse.mail.ru/article/millennialy-ne-sootvetstvuyut-standartam-vzrosloy-zhizni-60776814/> (дата обращения: 27.04.2024).

133. Моспанова Н.Ю. Тематическая группа «детство (детский возраст)» и ее лексико-семантические особенности в брянских говорах // Поливановские чтения. – 2022. – № 16. – С. 129-135.

134. Мухина И.К. Национально-культурные представления в структуре оппозитивных концептов «юность» – «старость» // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур: VI Междунар. науч.-практ. конф.:

тр. и мат.; под ред. В.В. Орехова, Е.Я. Титаренко. – Симферополь: Ариал, 2018. – С. 296-299.

135. Мухранова Е.Н. Возраст как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – СПб., 2006. – 22 с.

136. Нивина Е.А. Лексика тематической группы «Человек» в говорах Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2003. – 26 с.

137. Никифорова Е.Б. Активный и пассивный словарный запас русского языка первых десятилетий XXI в.: динамические процессы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 4 (157). – С. 104-111.

138. Николенко О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2006. – 24 с.

139. Новичихина М.Е. О роли номинации в процессе коммуникации (или о «пенсии по старости» и «возрасте дожития») // Акценты. Новое в массовой коммуникации. – 2012. – № 3-4 (106-107). – С. 39-40.

140. Нью А. Тело и его возраст в русской языковой картине мира на фоне китайской // Вестник Нижегородского университета ИМ. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 211-216.

141. Нью А. Тело и его оценка в русском языке на фоне китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2019. – 31 с.

142. Нью А. Тело и его оценка в русском языке на фоне китайского языка: монография. – СПб.: Нестор-История, 2023. – 320 с.

143. Овсянникова Н.В. Феномен старости в истории культуры (на примерах Среднего Поволжья XVII – XXI столетия): автореф. дис. ... докт. истор. наук: 24.00.01. – Тольятти, 2018. – 41 с.

144. Овчинникова С.В. Лексико-семантическое поле внешности в соотношении с концептосферой внутреннего мира человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2001. – 19 с.
145. Оспанова И.В., Котова Ю.С. Типология эмотивных синтаксем русского языка // Евразийское Научное Объединение. – 2018. – № 12-5 (46). – С. 300-303.
146. Охалина А.А. Лексико-фразеологический аспект номинации времени в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень, 2013. – 32 с.
147. Охотникова Т.В. Третий возраст как возраст новых возможностей в условиях мирового эпидемиологического кризиса // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф.: в 4 т. Т. 3. – Белгород: БГИКиИ, 2021. – С. 164-168.
148. Палийчук Д. А. Проблема определения понятия коллокация в современной лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. – 2022. – № 1. – С. 20-25.
149. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Активные процессы в вербализации эмоций в осетинском и русском языках // Известия СОИГСИ. – 2022. – № 46 (85). – С. 117-125.
150. Писарская Т.Р., Чжи Ли, Сунь Ц., Якименко Н.Е. Фразеология о возрасте в русском, испанском и китайском языках // Русский язык как иностранный и методика его преподавания. – 2022. – № 33. – С. 105-110.
151. Половинко Е.А. Лингвистические и экстралингвистические факторы наполнения семантических полей в современном русском литературном языке (семантическое роле возраст): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Днепропетровск, 2006. – 171 с.
152. Полякова И. Всё о бальзаковском возрасте. 23.05.2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://womans.ws/2019/05/23/vse-o-balzakovskom-vozraste/> (дата обращения: 27.04.2024).

153. Пономарева Т.А. Концепт молодости / старости в поэзии Клюева // Николай Клюев: образ мира и судьба: науч. сб.; отв. ред. В.А. Доманский. – Томск: ТГУ, 2013. – С. 170-182.
154. Потаенко Н.А. Время в языке: учебное пособие. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1996. – 238 с.
155. Праведников С.П. Вариантность имен существительных лексико-тематической группы «человек» в речи курских сказочников // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии: сб. докл. межвуз. науч. конф. – Орёл: ОГПИ, 1994. – С. 104-105.
156. Путягин Г.А. О принципах организации групп слов в лексической системе: на материале имен существительных, называющих лиц по возрасту, росту, степени физической красоты и степени физической силы: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00. – Орел, 1975. – 204 с.
157. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 63-79.
158. Рахилина Е.В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен // Логический анализ языка. Язык и время: сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 201-217.
159. Рашидов Х.У. Психология подросткового возраста // Экономика и социум. – 2021. – № 10 (89). – С. 1397-1401.
160. Резвый П. Об оскорбительном понятии «возраст дожития». 17.06.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://newsland.com/post/6377424-ob-oskorbitelnom-poniatii-vozzrast-dozhitia> (дата обращения: 27.04.2024).
161. Рудакова О.И. Ступени деривации центральных лексем концептов «молодость» и «старость» // Вопросы филологических наук. – 2006. – № 5. – С. 100-102.

162. Савцова О.Е. Семантическое поле пословиц и поговорок, характеризующих личность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2010. – 22 с.

163. Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2011. – 22 с.

164. Самсонова Е.В. Управление жизненными кризисами личности на основе теории ролей // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2013. – Т. 18. – № 22-3. – С. 110-113.

165. Саттарова З.М., Абдуллаева А.Э. Лексико-семантическая группа имён прилагательных, обозначающих положительные качества человека // Крымскотатарская филология: проблемы изучения и преподавания. – 2018. – № 1 (2). – С. 77-83.

166. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX века: межуровневый аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2000. – 50 с.

167. Сидоренко С.Г. Функциональные и типологические особенности английских заимствований лексико-семантической группы 'наименование лица' в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ставрополь, 2005. – 28 с.

168. Складаревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Вып. 6. – Сеул, 2001. – С. 177-202.

169. Скрябикова В.В., Денисова Э.С. Экспериментальное исследование эвфемизмов тематических групп «возраст», «болезнь» и «смерть» (на материале русского и китайского языков) // Благословенны первые шаги...: сб. раб. молодых исследователей. – Магнитогорск: МГТУ, 2020. – С. 187-195.

170. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «тождества» слова) // Труды Института языкознания АН СССР. – 1954. – Т. IV. – С. 3-49.

171. Смолькин А.А. Социология возраста // Социодиггер. – 2022. – Т. 3. – № 5-6 (18). – С. 27-29.
172. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник: в 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Academia, 2001. – 703 с.
173. Солодников В.В., Солодникова И.В. «Кризис среднего возраста»: теоретическая интерпретация переживаемого опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 4 (92). – С. 178-202.
174. Сороколетова Н.В. Динамика вербализации времени в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000. – 21 с.
175. Стальмахова Е.А. Философская категория «Время» в языке русской поэзии: семантико-стилистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Брянск, 1998. – 20 с.
176. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 93 с.
177. Сулименко, Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие. – М., 2006.
178. Суховой Е.В. Образ человека по данным наивного языкового сознания (на материале лексико-семантической группы *голова и ее части*) // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 22. – С. 85-86.
179. Сяо Д., Юань Л. Лингвистические маркеры дихотомии «молодость vs. старость» в новостном дискурсе // Litera. – 2022. – № 2. – С. 62-70.

180. Таджибова З.Т. Анализ антропоцентрических фразеологических единиц с семой «возраст» (на материале разносистемных языков) // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 30-5. – С. 40-41.
181. Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1995.
182. Тиллоева С.М. Анализ лексических единиц, входящих в лексико-тематическую группу «внешний облик человека»: сопоставительный аспект (на материале русского, таджикского и персидского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3-1 (57). – С. 180-183.
183. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2000. – 43 с.
184. Толстик С.А. Семантическое поле «худой» в русском языке: эволюция концепта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2004. – 28 с.
185. Угрюмова М.М. «Лингвокультурологический словарь детства (на материале говоров Среднего Приобья)»: в начале пути // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2017. – № 3 (11). – С. 24.
186. Урюпина Т.М., Седова П.В. «Культурные смыслы» в словах лексико-тематической группы «человек как живое существо» // Филологический аспект. – 2018. – № 6 (38). – С. 191-198.
187. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
188. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период: на материале газет. – Uppsala Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1994. – 212 с.
189. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. – София, 1957. – С. 524-538.
190. Фомина Ж.В. Текстовая реализация концептосферы 'возраст' в русской и американской молодёжных лингвокультурах // Вестник

Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). – С. 141-146.

191. Хасанова Ш.Р. Лексико-семантическая группа прилагательных, выражающих цвет кожи лица человека // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2015. – № 4-5 (174). – С. 43-46.

192. Хашимов Р.И. К вопросу о формировании русской возрастной лексики (Историческое формирование и современное функционирование возрастных наименований несовершеннолетних детей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00. – М., 1973. – 21 с.

193. Цзюй Х. Сопоставительный анализ фразеологизмов возраста человека в русском и китайском языках // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2016. – № 11. – С. 149-153.

194. Чеметева Ю.В., Давыдова М.Л. Эвфемизация юридических терминов в отношении «третьего возраста»: необходимость и пределы // Logos et Praxis. – 2018. – Т. 17. – № 2. – С. 83-92.

195. Чен Чиао В. Слова, называющие лицо женского пола, в русском языке и речи: словарь vs. ментальный лексикон говорящего: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Санкт-Петербург, 2010. – 21 с.

196. Черкасова М.Н. Заимствованная лексика русского языка конца XX века, 1986-1996 гг.: На материале публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 1997. – 24 с.

197. Черникова Н.В. Семантические неологизмы в современном русском языке, 80-е – 90-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1997. – 19 с.

198. Чернышева М.И. Семантический анализ лексем со значением первенства и старейшинства в переводной старославянской и древнерусской письменности (в ракурсе гнездового рассмотрения) // Понятие первенства:

Истоки и контексты / М.М. Бернацкий, И.С. Вевюрко, Л.А. Герд и др. – М.: ПСТГУ, 2022. – С. 127-152.

199. Чжу М. Фразеологизмы лексико-семантической группы «части тела человека» и их использование в русской и китайской речи // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: мат. XVII студ. науч.-практ. конф. – М.: РУДН, 2020. – С. 138-140.

200. Чуньяо Д. Номинация возраста человека в лексике и фразеологии русского и китайского языков: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. – М., 2022. – 20 с.

201. Чуньяо Д. Русские и китайские фразеологизмы с семантикой 'возраст': сопоставительный аспект // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 173-179.

202. Чурилина Л.Н., Позднякова Н.В. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры «поколение» // Фразеология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 122-131.

203. Шамис Е.М., Никонов Е.Н. Теория поколений. Необыкновенный Икс. – М.: Ун-т Синергия: Школа Бизнеса, 2017. – 138 с.

204. Шангараева Л.Ф., Закирова Л.Р. Национально-культурное своеобразие семантики пословиц, выражающих возраст человека, в английском и русском языках // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф. (V Бодуэновские чтения): тр. и мат. – Казань: КФУ, 2015. – С. 357-359.

205. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: учебник: в 3 ч. Ч. 1: Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.

206. Шевелёва Е.Н. Процессы неологизации в лексике тематической сферы «Досуг» в русском языке новейшего периода: по материалам словарей

и современных средств массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2011. – 24 с.

207. Шемет К., Маковецкая Е.Н. Страх старения и культ вечной молодости: новая философия возраста современного человека // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: мат. всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. – Омск: Фин. ун-т, 2021. – С. 251-253.

208. Шишкунова В.А. Теория поколения: понятие и характеристика // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – Т. 3. – № 13. – С. 882-884.

209. Шмелькова В.В. Сущность процесса лексической деархаизации в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – М., 2010. – 35 с.

210. Шулякина Ю.С. Лексика тематической группы «характер и поведение человека» в говорах Ивановской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ярославль, 2014. – 23 с.

211. Щепина Т.С. Лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих здоровье человека // Вестник педагогического опыта. – 2006. – № 27. – С. 26-27.

212. Щербакова Н. Стареть не страшно: почему антиэйдж вышел из моды. 16.09.2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://umagazine.ru/moda/trends/staret-ne-strashno-pochemu-antieydzh-vyshel-iz-mody/> (дата обращения: 18.04.2024).

213. Щербо П.А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков: на материале английской, французской и русской лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2008. – 178 с.

214. Эркинбек К.Н. Фразеологизмы, обозначающие возрастные периоды человека в киргизской и русской лингвокультурах // Актуальные вопросы образования и науки. – 2021. – № 1 (71). – С. 101-104.

215. Якимов П.А. Структура и признаки семантического поля (на материале семантического поля «бог») // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 16 (135). – С. 597-599.

216. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

217. Яковлева Ю.В. Функционирование заимствований с корнем *-эйдж-* в современном медиатексте // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике: сб. научн. ст. по мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Ереван: Рос.-Арм. ун-т, 2019. – С. 139-144.

218. Ян Лю. Лингвокультурологический подход к обучению лексике китайских студентов-филологов: на материале лексико-семантической группы наименований лиц по профессии: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – СПб., 2012. – 26 с.

219. Янь Ч. Обозначение старшего возраста в русском и китайском языках // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 343-346.

220. Янь Ч. Средство обозначения возраста в русском и китайском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 189-193.

221. Brokaw T. The Greatest Generation. – Random House, 1998. – 390 с..

222. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: William Morrow & Company, 1991. – 540 p.

## СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. В. Ю. Апресян, Ю. Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева. Активный словарь русского языка: том 1 / под редакцией Ю. Д. Апресяна. – М: Языки славянской культуры, 2014. — 404 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.

3. БАС – Большой академический словарь русского языка: 27 томов / ИЛИ РАН; Гл. ред. К.С. Горбачевич – СПб, «Наука». 2004-2021. (в тексте – БАС с указанием номера тома).
4. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
5. БПС – Большой психологический словарь / Н.Н. Авдеева и др.; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
6. БРЭ – Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://rustxt.ru/gre> (дата обращения: 30.04.2024).
7. Викисловарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 18.04.2024).
8. Воронин А.С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. – Екатеринбург: УПИ, 2006. – 135 с.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Рус. яз., 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 18.04.2024).
10. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
11. Картаслов.ру – Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 27.04.2024).
12. ЛЭТП – Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: Интелвак, – 2001. – 1600 стб.
13. Максимов В.И. Словарь перестройки. – СПб.: Златоуст, 1992. – 256 с.
14. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999 (в тексте – с указанием номера тома).

- 15.Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.
- 16.Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
- 17.НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы (1977–2021): 24 выпуска. – М.: Русский язык; СПб.: Дмитрий Буланин; ИЛИ РАН, 1980–2021 (в тексте – с указанием года).
- 18.Новый объяснительный словарь синонимов русского языка/ под ред. Ю.Д. Апресяна. Вып. 3.М. 2003.
- 19.Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- 20.ОПСР – Основные понятия социальной работы: глоссарий / Сост. И.В. Астэр и др. – СПб.: Имена, 2007. – 186 с.
- 21.Пословицы русского народа / Сборник В. Даля: в 2 т. Т. 1. – М.: Худ. лит., 1989. – 431 с.
- 22.Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. – М.: Книга, 1989. – 320 с.
- 23.РССШ – Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 6 т., 4 тома / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2002–2007 (в тексте – с указанием номера тома).
- 24.Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 459 с.
- 25.Скляревская, 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения: около 5500 слов и выражений / Е.Ю. Ваулина, Т.И. Гайкович, А.В. Зеленин и др.; под ред. Г.Н. Скляревской; РАН. Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
- 26.Скляревская, 2006 – Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Авт.-сост.: Г.Н. Скляревская, Е.Ю. Ваулина,

- И.О. Ткачева, Е.А. Фивейская; под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
- 27.СРЯКЭ – Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская и др.; отв. ред. М.Н. Приемышева. – СПб.: ИЛИ РАН, 2021. – 550 с.
- 28.Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.
- 29.Учебный словарь лингвистических терминов и понятий: учебное пособие / Редкол.: Н.К. Фролов (отв. ред.) и др. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. – 375 с.
- 30.Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер с нем. и доп. О.М. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1986-1987. (В тексте – Фасмер с указанием номера тома)
- 31.Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
- 32.ЭСКС – Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

### ИСТОЧНИКИ<sup>1</sup>

1. Газета.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 17.04.2024).
2. ИЛИ РАН – Институт лингвистических исследований Российской академии наук. Словари [Электронный ресурс]. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru> (дата обращения: 27.04.2024).
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.04.2024).

---

<sup>1</sup> Источники, которые использовались 1-2 раза, помечались в тексте.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Лексика со значением 'возраст человека' по данным «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой

- <Время: его ход, периоды и моменты его течения><sup>1</sup>

#### • Возрастные состояния

**Во'зраст**, -а, м. 1. Период, ступень в развитии, росте кого-чего-н. *В. человека, животного, растения. В. Земли. Младенческий, юный в.* Человек среднего возраста. Зрелый в. (Сменяющий юность). *Выйти из школьного возраста.* 2. Прожитое время, прожитые годы. *Ребёнок шестилетнего возраста. В возрасте сорока лет. Дожить до шестнадцатилетнего возраста.*

• В возрасте кто (разг.) - о пожилом, престарелом возрасте. *Женщина в возрасте. Девушка на возрасте (разг.) уже взрослая.* || прил. возрастной, -ая, -ое. *Возрастные изменения.*

**Год**, -а (-у), в году, о годе, мн. годы и года, годов и лет, годам, м. 9. мн. Возраст (обычно немолодой). *Мужчина в годах (пожилой, старый). Какие твои годы! (т.е. ты еще молод, не стар; разг.). Годы уже не те (о том, кто уже немолод, стареет). Ведет себя не по годам кто-н. (т.е. не в соответствии со своим возрастом). В молодые годы (в молодости).* 10. В сочетании с колич. числит.: количество лет, прожитых кем-н., охватывающих существование чего-н. *Ребёнку г. (с регулярным опущением числит. один), два, три года, пять лет. Который г. мальчику? (т.е. сколько уже исполнилось). Мужчина сорока лет от роду (т.е. считая от дня рождения). Городу триста лет. Дубу сто лет.* || уменьш. годик, -а, м. (к 10 зная.), годок, -дак, м. и годочек, -чка, м.

**Деся'ток**, -так, м. 3. В сочетании с колич. числит.: о возрасте, считаемом десятилетиями (разг.). *Седьмой д. пошел кому-н. (исполнилось шестьдесят лет).*

**Де'тство**, -а, ср. 1. Ранний, до отрочества возраст, период жизни в таком возрасте. *Счастливое, радостное д. В детстве много болел кто-н. С детства приучать к порядку. Друг детства (тот, с кем был дружен в детстве). Босоное д. (о бедном детстве, обычно в деревне).*

• Впасть в детство — от старости потерять рассудок. || прил. детский, -ая, -ое. *Д. возраст. Детские годы.*

**Зре'лость**, -и, ж. 2. Возраст между молодостью и старостью; период жизни в таком возрасте. *достигнуть зрелости. Годы зрелости.* • Аттестат зрелости - в советской школе с 1994 до 1962 г.:свидетельство об окончании средней школы.

**Лета'**, лег. Возраст, года. *С детских лет. Человек пожилых лет. В летах кто-н. (о пожилом человеке) На склоне (или, разг.: на старости) лет (в старости). Под старость лет (в старческом возрасте). Одних лет кто-н. с кем-н. (т.е. одного или приблизительно одного возраста). Какие еще у него л.! (т.е. он еще молод). Вошел в л, кто-н (т.е. стал зрелым). В расцвете (в цвете или, устар. и нар. - поэт., во цвете) лет (в свою лучшую пору жизни). С летами поумнеет кто-н (т.е. когда повзрослеет; разг.).*

**Малолет'ство**, -а, мн. нет, ср.(прост.) Детский, отроческий возраст; период жизни в таком возрасте. *Приучать к труду с малолетства.*

**Младе'нчество**, -а, мн. нет, ср. Самый ранний детский возраст; перед жизни в таком возрасте. *В младенчестве лишился родителей кто-н. С младенчества воспитывался в строгости кто-н.* || при. младенческий, -ая, -ое.

**Мо'лодость**, -и, ж. 2. Молодость, молодые годы (стар. высок.). *Во дни младости.*

**Мо'лодость**, -и, ж. 2. Возраст между отрочеством и зрелостью, время расцвета физических и духовных сил человека; период жизни в таком возрасте. *В дни младости. Цветущая м. Не*

<sup>1</sup> В угловых скобках указаны названия лексических подмножеств – рубрик более высокого уровня членения, включающих приведенные лексико-семантические ряды или отдельные лексемы.

*первой молодости кто-н.*(т. е. немолод ). *Вторая м.* (прилив новых сил в пожилом возрасте). *Грехи молодости* ( об ошибках, заблуждениях в молодости; шутл.). *М. не грех, а и старость не смех* (стар. посл.). • По молодости (лет) (разг.)— потому что молод.

**О’трочество**, -а, ср. Возраст между детством и юностью; период жизни в таком возрасте. Годы отрочества. В отрочестве мечтал о подвигах. || прил. отроческий, -ая, -ое.

**Ребя’чество**, -а, ср. 1. То же, что детство (утра.).

**Совершенноле’тие**, -я, ср. Возраст, по достижении к-рого человек становится взрослым, дееспособным. *Достигнуть совершеннолетия.*

**Ста’рость**, -и, ж. 2. Сменяющий зрелость возраст, в к-рый происходит постепенное ослабление деятельности организма; период жизни в таком возрасте. *Глубокая с. Одиночество в старости. Пенсия по старости. Над старостью смеяться грех.* С. — не радость (посл.). • Старость демографическая или ста роить населения (спец.)—демографическая характеристика населения, определяемая долей лиц пожилого и старческого возраста в его составе. Под старость (дней, лет)— ближе к старости. На старости лет (разг.)— в старости.

**Ю’ность**, -и, ж. 2. Возраст между отрочеством и зрелостью; период жизни в таком возрасте. *Счастливая ю. В дни юности. Друзья юности.*

**Ю’ношество**, -а, ср. 1. То же, что юность (устар.). *Пора юношеская.* || прил. юношеский, -ая, -ое. *Ю. возраст.*

#### <Слова именующие>

##### <Названия лиц>

- «По возрасту, а также по возрасту в сочетании с другими характеристиками».

**Большо’й**, -ого, м. (обычно мн.). Взрослый, старший (с точки зрения ребенка) (разг.). *Маленькие играют с большимим. Большой, а плачет.* //ж. большая, -ой.

2. Взро’слый, -ого, м. Человек, вышедший из юного возраста, достигший зрелости. *Слушаться взрослых. Фильм для взрослых.* || ж. взрослая, -ой.

**Грудни’к**, -а, м. Младенец в возрасте до одного года, грудной ребёнок. *Искусственное вскармливание грудников.* || прил. грудниковый, -ая, -ое.

**Грудничо’к**, -чка, м. (разг.). То же, что грудник. || прил. грудничковый, -ая, -ое. *Г. день у педиатра* (т. е. день приёма, профилактического осмотра грудных младенцев).

**Де’тище**, -а, ср. 1. Ребёнок, а также вообще сын или дочь (устар.). *Родное д. Любиное д. в семье. Великовозрастное д.*

**Де’тка**, -и, род. мн. -ток (разг.). 1. ж. Ребёнок, дитя. Иди на ручки, д. || ласк. деточка, -и, род. мн. -чек, ж.; прил. деточкин, -а, -о. || прил. деткин, -а, -о. *Деткины проказы.*

**Дитя’**, дитяти (косв. п. ед. устар.), мн. дети, детей, ср. 1. Маленький ребёнок. Д. малое, неразумное. *Мать и её д. Ещё совсем д. Рассуждает, как д. кто-н.* (неразумно или наивно). *Д. не плачет, мать не понимает* (посл.). || ласк, дитятко, -а, род. мн. -ток, ср. (обычно в обращении) (устар., о взрослом — ирон.). *Подумаешь, какое д.: уже в женихах ходит.*

**Ка’пелька**, -и, род. мн. -лек. 3. м. и ж. Малютка, крошка (часто в обращении) (ласк.). *Закрой глазки, спи, моя к.*

**Ка’плюшка**, -и, род. мн. -шек, м. и ж. (разг.). Капелька, крохотуля. | уменьш. каплюшечка, -и, род. мн. -чек, м. и ж.

**Клоп**, -а, м. 2. перен. Маленький ребёнок, малыш (разг. шутл.). *Совсем ещё к., а уже рассуждает.* || уменьш.-ласк. клопик, -а, м.

**Кро’ха**, -и, (разг.). То же, что крошка.

**Крохоту’ля**, -и, м. и ж. (разг.). Маленький ребенок, малютка. *Дочка у неё ещё совсем к.* || уменьш. крохотулечка, -и, род. мн. -чек, м. и ж.

**Кро’шка**, -и, род. мн. -шек, м. и ж. (разг.). Маленький ребёнок, малютка. *К.-сын. К., а уже знает все буквы.* || уменьш. и ласк. крошечка, -и, род. мн. -чек, м. и ж.

**3.Ма’ленький**, -ого, м. Малолетний ребёнок (разг.). *На руках у матери двое маленьких. Не плачь, мой м.* || ж. маленькая, -ой.

**Малолет'тка**, -и, род. мн. -ток, м. и ж. и **Малолет'ток**, -тка, м. (разг.). Ребёнок, маленький мальчик или девочка.

**2.Малолет'тний**, -его, м. Ребёнок, несовершеннолетний (офиц.). *Правонарушения среди малолетних. Одежда для малолетних.* || ж. малолетняя, -ей.

**Малы'ш**, -а, м. 1. Маленький ребёнок (чаще о мальчике) (разг.). *Резвый, шаловливый м. Гулять с малышом.* || прил. малышовый, -ая, -ое (обычно спец.). *Малышковая группа* (в детском саду). *Малышковая обувь.*

**Малы'шка**, -и, род. мн. -шек, м. и ж. (разг.). То же, что малыш. *Сын ещё совсем м. М. уже начинает ходить.*

**Малю'тка**, -и, род. мн. -ток, м. и ж. 1. Маленький ребёнок, младенец. *Баюкать малютку на руках.* || уменьш.-ласк. малюточка, -и, род. мн. -чек, м. и ж. || прил. малюткин, -а, -о. М. плач.

**Маля'вка**, -н, род. мн. -вок. 3. м. и ж. О маленьком ребёнке (разг.). *М., а уже всё понимает.* || уменьш. малявочка, -и, род. мн. -чек, м. и ж.

**Младе'нец**, -нца, м. Дитя, маленький ребёнок. *Новорождённый, грудной м. Мадонна с младенцем. Суций м. кто-н.* (о том, кто ведёт себя совсем как ребёнок). • Избиение младенцев (шутл.), — о чрезвычайных строгостях по отношению к кому-н. [по евангельскому сказанию о царе Иудеи Ироде, при известии о рождении божественного младенца приказавшем уничтожить всех мальчиков-младенцев, чтобы избавиться от будущего соперника]. || уменьш. младенец, -а, и. || прил. младенческий, -ая, -ое. М. возраст. *Младенческая улыбка. М. лепет* (также перен.: о наивном, незрелом рассуждении; разг.). || нареч. младенчески.

**2.Млад'ший**, -его, м. Человек, более молодой по возрасту сравнительно с кем-н. или самый молодой. *Младшие слушаются старших.* || ж. младшая, -ей.

**2.Молодо'й**, -ого, м. Человек, ещё не достигший зрелого возраста, не старый (разг.). *Молодым любые трудности по плечу. Из молодых да ранний* (о молодом выскочке, а также вообще о молодом человеке, рано обнаруживающем какие-н. способности, возможности). || ж. молодая, -ой.

**2.Новорождённый**, -ого, м. и (прост.) **новоро'жденный**, -ого, м. Ребенок в возрасте до одного месяца. *Уход за новорождённым.*

**Пи'галица**, -ы. 2. перен., м. и ж. Крошка, малявка (разг. шутл.). *Совсем ещё п.*

**Подро'сток**, -тка, м. Мальчик или девочка в переходном возрасте между детством и юностью. *Нескладный, долговязый п. Кружки по интересам для подростков. Профилактика правонарушений среди подростков.* || прил. подростко'вый, -ая, -ое и подро'стковый, -ая, -ое. П. возраст. *Подростковые размеры одежды.*

**2.Престаре'лый**, -ого, м. Старый человек. *Помощь престарелым. Дом для престарелых.* || ж. престарелая, -ой.

**Пятиле'ток**, -тка, м. и **пятиле'тка** -и, род. мн. -ток, м. и ж. (разг.). Ребёнок пяти лет. *Группа пятилеток в детском саду.* | ж. пятилетка, -и, род. мн.-ток.

**Ребёнок**, -нка, в знач. мн. употр. дети, -ей и (разг.) ребята, -ит, м. 1. Мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества, а также малолетний сын или дочь. *Грудной р. Р. дошкольного возраста. Мать с ребёнком. У родителей двое детей. Пособие на ребёнка. Комната матери и ребёнка. Как маленький р. кто- н.* (неопытен или наивен, доверчив). *Дом ребёнка* (лечебно-профилактическое учреждение, где воспитываются маленькие дети, лишённые семьи, или сироты). || уменьш.-ласк. ребёночек, -чка, мн. ребятишки, -шек, -шкам и ребятки, -ток, -ткам, м. || прил. ребячий, -ья, -ве (разг.). || нареч. по-ребячьи.

**Ребятёнок**, -нка, м. (прост.). *То же, что ребёнок.*

**Семиле'ток**, -тка, м. и **семиле'тка**, -и, род. мн. -ток, м. и ж. (разг.). Ребёнок семи лет. *Семилетки-первоклассники. Мальчишка-с.* || ж. семилетка, -и, род. мн. -ток.

**2.Ста'рший**, -его, м. Человек, имеющий большее количество лет сравнительно с кем-н., а также взрослый. *Слушаться, уважать старших. Старшие помогают младшим.* || ж. старшая, -ей.

**Хрыч**, -а, м. (прост. презр.; также бран.). 1. Старый человек. *Старый х.* || ж. хрычовка, -и, род. мн. -вок.

**Ча'до**, -а, ср. (устар. и ирон.). Дитя, ребёнок, сын или дочь. *Любимое ч. Явился со всеми чадами и домочадцами. Великовозрастное ч.* • Духовное чадо (высок.) — прихожанин церкви по отношению к своему духовному отцу. *Чадо церкви* (высок.) - верующий, прихожанин. || уменьш, чадушко, -а, род. мн. -шек, ср.

**Шестилие'ток**, -тка, м. и **шестилие'тка** -и, род. мн. -ток, м. и ж. (разг.). *Ребёнок шести лет. В школу идут шестилетки.* || ж. шестилетка, -и, род. мн. -ток.

-----

**От горшка два вершка кто (раз.)** — тот, кто ещё очень мал, слишком молод.

**- С дополнительными физическими, социальными характеристиками**

**Акселера'т**, -а, м. Ребёнок, подросток, к-рый растёт, развивается ускоренно. *Дети-акселераты.* || ж. **акселера'тка**, -и, род. мн. -ток (разг.). || прил. Акселератский, -ая, -ое.

**Буту'з**, -а, м. (разг.). Здоровый, толстый ребёнок, малыш. *Розовощёкий б. Славный, забавный б.*

**Иску'ственник**, -а, м. Младенец, вскармливаемый искусственно (не материнским молоком). || ж. **иску'ственница**, -ы.

**Карапу'з**, -а, м. (разг. шутл.). Крепкий, упитанный малыш, бутуз. *Пухлый к.* уменьш. карапузик, -а, м.

**Ползуну'к**, -нка, м. 1. Ребёнок, к-рый ещё не умеет ходить, а только ползает (разг.). П. пробует делать первые шаги. || прил. ползунковый, -ая, -ое.

**Пузы'рь**, -я, м. 2. перен. Бутуз, карапуз (разг.шутл.). *Толстощёкий п.*

**Пупс**, -а, м. (разг.). 2. перен. Симпатичный полный малыш. *Такой чудный п.!* || уменьш-ласк. пупсик, -а,м. || прил. пупсовый, -ая, -ое.

**Шпингале'т** -а, и. 2. Маленький и бойкий мальчишка (разг.). *Шустрый ш.*

• **«По отношению к возрастной норме, к возрастному рубежу»**

**Долгожи'тель**, -я, м. Человек, отличающийся долголетием. *Этому долгожителю 120 лет. Деревья-долгожители* (перен.). Орёл-д. (перен.). || ж. долгожительница, -ы. || прил. долгожительский, -ая, -ое.

**Дошко'льник**, -а, м. 1. Ребенок дошкольного (от 3 до 6 — 7 лет) возраста. *Книжки для дошкольников.* || ж. дошкольница, -ы. || уменьш. дошколёнок, -нка, мн. -лята, -ят, м.

**Не'доросль**, -я, м. 1. В России в 18 в.: юноша из дворян, ещё не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную службу; вообще (устар.) несовершеннолетний.

2. **Несовершенноле'тний**, -его, м. Человек, не достигший совершеннолетия. *Опека над несовершеннолетним.* || ж. несовершеннолетняя, -ей.

**Переро'сток**, -тка, м. Подросток, переросший установленный для чего-н. возраст. *Ученик-п.*

**Переста'рок**, -рка, м. (устар. и прост.). 1. Человек, вышедший за пределы необходимого для чего-н. возраста, старше требуемого возраста. *Девушка уже п.: засиделась в невестах.*

2. **Совершенноле'тний**, -его, м. Человек, достигший совершеннолетия. *Гражданские права и обязанности совершеннолетних.* || ж. совершеннолетняя, ей.

• **«По полу, а также по полу и возрасту»**

**Ба'ба**, -ы, ж. 2. То же, что женщина (иногда пренебр. или шутл.) (прост.). *Бабы на лавочке судачат. Курица не птица, б. не человек* (шутл. посл.). *Сорок лет - бабий век, сорок два года - б. ягода, сорок пять — б. ягодка опять* (шутл. посл.). *Бой-б.* (энергичная и весёлая). *Где чёрт не поспеет, туда бабу пошлёт* (шутл. посл.). *У бабы волос долог, а ум короток* (стар. посл.).

4. В сочетании с именем собственным — уважительно о простой пожилой женщине (часто в

обращении), а также (прост. и обл.) то же, что бабушка. *Уборщица б. Дуся. Жили-были дед и б.* (сказочный зачин). • Каменная баба — древнее каменное изваяние, напоминающее человеческую фигуру. Снежная (или снеговая) баба - фигура, вылепленная из снега в виде округлого тела и головы. По бабам бегать (прост. неодобр.) — о мужчине: вести себя легкомысленно, быть неразборчивым в любовных связях. | уменьш.-ласк, бабочка, -и, род. мн. -чек, ж. (ко 2 знач.). || прил. бабий, -ья, -ье (ко 2 знач.), бабский, -ая, -ое (ко 2 знач.) и бабий, -а, -о. Бабы сказки (вздор, вымысел; разг.). Бабские сплетни. • Бабье лето — ясные теплые дни ранней осени. | нареч. по-бабы, по-бабски и по-бабиному.

**Бабе'ц**, -бца, ж. (прост., часто шутол.). Крупная и сильная женщина. *Вот так б.'*

**Бабёнка**, -и, род. мн. -нок, ж. (прост.). Молодая бойкая женщина. *Задорная, ядреная б.* || прил. бабёнкин, -а, -о.

**Ба'бица**, -и, ж. (прост. пренебр.). Рослая и крепкая или очень толстая женщина. *Здоровенная б.*

**Ба'бка**, -и, род. мн. -бок, ж. 1. Старая женщина (также фамильярное обращение к ней) (прост. пренебр.). || прил. бабкин, -а, -о.

**Бабу'лька**, -и, род. мн. -лек, ж. 2. Старая женщина (также фамильярное обращение к ней) (прост. пренебр.).

**Бабу'ля**, -и, ж. 2. Старая женщина (также обращение к ней) (прост.). || уменьш.-ласк. бабулечка, -и, род. мн. -чек, ж.

**Ба'бушка**, -и, род. мн. -шек, ж. 2. Старая женщина (также дружеское обращение к ней) (разг.). Б.- *знахарка. Знакомая, незнакомая б. Б., разрешите помочь.* • Бабушка ворожит кому (разг. шутол.) — о том, кто удачлив, кому во всём везёт. Бабушка надвое сказала — погов.: ещё неизвестно, что будет, может быть и так и иначе. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* (разг. шутол.) — возглас по поводу какой-н. неприятной неожиданности. || прил. бабушкин, -а, -о.

**Да'ма**, -ы, ж. 2. В вежливой и официальной речи: женщина (обычно замужняя). *Дамы и девицы. Косметический салон для дам.* Уважаемые дамы и господа (традиционное начало официальной речи). Д. сердца (возлюбленная; также шутол.). • Прекрасная дама — поэтический образ прекрасной незнакомки. | уменьш. дамочка, -и, род. мн. -чек, ж. (разг., в обращении - фамильярное). | прил. дамский, -ая, -ое. Д. клуб. Д. парикмахер, портной. *Дамская сумочка.*

**Де'ва**, -ы, ж. (устар.). 1. То же, что девушка. Младая д. 2. чего. В нек-рых сочетаниях: женщина как носительница свойства, признака, названного последующим именем существительным. Д. красоты. Д. веселья. Д. силы (о богине войны). Д. гор (жительница гор). • Старая дева (разг.) — немолодая девушка, не вступавшая в брачные отношения. Дева Мария (высок.) — Богородица. || прил. девичий, -ья, -ье.

**Дева'ха**, -и, ж. (прост.). Девушка, девица.

**Де'вица**, -ы, ж. В народной словесности: девушка, девица. *Д.-красавица. Красная д.* (часто в ласковом обращении). • Красна (красная) девица (разг. ирон.) - о чересчур скромном и застенчивом мужчине. | прил. девичий, -ья, -ье. Девичья краса. • Память девичья у кого (разг. шутол.) - о том, кто быстро забывает о чём-н. || нареч., по-девичьи. По-девичьи застенчива.

**Деви'ца**, -ы, ж. (устар. и разг.). 1. То же, что девушка. Скромная д. Бойкая д. || прил. девичий, -ья, -ье. *Д. румянец. Девичьи косы. Д. стыд до порога, а как переступила, так и забыла* (посл.). || нареч. по-девичьи.

**Де'вка**, -и, род. мн. -вок, ж. (устар. и прост.). 1. То же, что девушка. Деревенские девки. *Работающая д.* Бой-д. (энергичная и весёлая). || прил. девкин, -а, -о.

**Де'вочка**, -и, род. мн. -чек, ж. 1. Ребенок женского пола. *Д.-подросток. Д. с косичками.* Спортивная форма для девочек. *Весёлая стайка девочек.* 2. Девушка, молодая женщина (обычно в речи близких, часто ласк.) (разг.). *Сын уже ухаживает за девочками. Невеста - совсем ещё д.* || уменьш.-ласк, девчурка, -и, род. мн. -рок, ж. (к 1 знач.) и девчушка, -и, род. мн. -шек, ж.; уменьш. и унич. девчонка, -и, род. мн. -нок, ж. *В нашем классе девчонок больше, чем мальчишек;* прил. девчочный, -ья, -ье и девчачий, -ья, «ье. *Звонкий девчочный смех. Девчачьи платья.* || прил. девочкин, -а, -о.

**Де'вушка**, -и, род. мн. -шек, ж. 1. Лицо женского пола в возрасте между отрочеством и юностью. *Юная, стройная, миловидная д. Д.-невеста. Д. с характером. Знакомая, незнакомая д.* || прил. девушкин, -а, -о.

**Дед**, -а, мн. -ы, -ов и (разг.) -ды', -б'в, м. 2. Старый мужчина (также фамильярное обращение к нему) (разг.). Уселись деды на завалинке. Посторонись-ка, д. • **Дед Мороз, Деда Мороза** — сказочный старик с седой бородой, олицетворяющий мороз, а также новогодний и рождественский праздники. Новогодние подарки от Деда Мороза. Нарядиться Дедом Морозом. **Рождественский дед** — то же, что Дед Мороз. || уменьш.-ласк. дедок, -дка, м. (прост.). || прил. дедовский, -ая, -ое и дедов, -а, -о.

**Де'душка**, -и, род. мн. -шек, м. 2. Старый мужчина (также почтительное обращение к нему) (разг.). || прил. дедушкин, -а.

**Дивчи'на**, -ы, ж. (прост. и обл.). Девушка, девочка. *Чернобровая д.*

**Дя'дя**, -и, мн. -И, -ей и (прост.) -дья, -б'в, м. 2. (мн. -и, -ей). В сочетании с именем собственным — уважительно о простом немолодом мужчине (также фамильярное обращение к взрослому мужчине; прост.). *Дворник д. Ваня. Вон ты какой д. вымахал* (о повзрослевшем подростке). *Ну-ка, д., подвинься*. 3. (мн. -и, -ей). В детской речи, а также в речи, обращенной к ребёнку: мужчина (в 1 знач.). • **Добрый дядя** (разг. ирон.) — о человеке, щедром за чужой счёт. На дядю (или на чужого дядю) работать, для дяди (делать) (прост. неодобр.) - для кого-то постороннего или неизвестно для кого. На дядю (или на чужого дядю) надеяться (прост. ирон.) — рассчитывать, что дело сделается кем-то другим или само собой. || ласк. дяденька, -и, род. мн. -нек, м. и дядечка, -и, род. мн. -чек, м.; прил. дяденький, -а, -о и дядечкий, -а, -о. | унич. и пренебр. дядька, -и, род. мн. -дек, м.; прил. дядькин, -а, -о. | прил. дядин, -а, -о.

**Жена'**, -ы, мн. жёны, жён, жёнам, ж. 2. То же, что женщина (устар. высок.). Жёны-воительницы (об амазонках). • Жёны-мироносицы (книжн. ирон.) - женщины-мироносицы [первонач. по евангельскому сказанию: женщины, принесшие миро для помазания тела Иисуса Христа].

**Же'нщина**, -ы, ж. 1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, к-рая становится матерью, рождает детей и кормит их грудью. Ж.-мать. *Молодая, пожилая ж. Ж. в годах* (пожилая; разг.). *Журнал для женщин. В семье три женщины: мать и две дочери. Ж. в доме* (т. е. хозяйка, женский присмотр). • **Ищите женщину** (шутл.) — уверенное утверждение, что главная роль в каком-н. неясном и сложном деле, в чьём-н. поведении, поступке принадлежит женщине, её влиянию. | прил. женский, -ая, -ое. Ж. пол. *Женская мода. Женское бельё.* |, нареч. по-женски.

**Мале'ц**, -льца, м. (прост.). Маленький мальчик или подросток. *Сыншика совсем ещё м. У сестры дочь, а у брата два мальчика.*

**Ма'лый**, -ого, м. 1. То же, что парень (в 1 знач.) (прост.). *М. лет двадцати*. 2. с определением. Мужчина, мальчик как носитель личных свойств, качеств, хороших или не самых лучших (разг.). *Добрый, славный м. Ловкий, хитрый м.*

**Ма'льчик**, -а, м. 1. Ребёнок мужского пола. *Мальчики и девочки. Хор мальчиков. Спортивная форма для мальчиков*. 2. Юноша, молодой человек (обычно в речи близких, часто ласк.) (разг.). *Проводили в армию наших мальчиков. У неё на уме одни мальчики (о ветреной девушке)*. \* (А) был ли мальчик? — действительно ли это было, а может быть этого вообще не было? Мальчик с пальчик, мальчика с пальчик (разг. шутл.) — очень маленький мальчик (по названию сказочного персонажа - очень маленького, но смышленного и ловкого мальчика)]. Мальчики в глазах у кого (разг.) — рябит в глазах, мелькают тёмные точки. Хорош мальчик (разг. презр.) - выражение осуждения взрослому мужчине. *Бросил жену, детей, хорош м.!* || уменьш.- ласк. мальчуган, -а, м. (к 1 знач.) и мальчонка, -и, мн. -чата, -чат и -чонки, -нок, м. (к 1 знач.; прост.); прил. мальчуганский, -ая, -ое и мальчоночий, -ья, -ье. || уменьш. и унич. мальчишка, -и, роб. мн. -шек, и. *В нашем классе мальчишек больше, чем девонок* (вообще о мальчиках; разг.): прил. мальчишеский, -ая, -ое и мальчишечий, -ья, -ье. *Ломкий мальчишеский*

голос. *Озорная мальчишечья улыбка. Мальчишеские (мальчишечьи) игры.* || прил. мльчнковый, -ая, -ое и (обычно спец.) мальчишковый, -ая, -ое. М. размер.

**Матро'на**, -ы, ж. 2. перен. О полной, солидной женщине (разг. ирон.).

**Молода'йка**, -и, род. мн. -ек, ж. (устар. и обл.). Молодая женщина (о замужней). || прил. молодайкин, -а, -о.

**Мо'лодец**, -дца, м. В народной словесности: молодой человек, храбрый и удалой юноша. *Добры молодцы.*

**Молоди'ца**, -ы, ж. (устар. и обл.). Молодая женщина. Пригожая м. || прил. молодичын, -а, -о.

**Моло'дка**, -и, род. мн. -док, ж. (обл.). То же, что молодича. || прил. молодкин, -а, -о.

**Молоду'ха**, -и, ж. (прост. и обл.). Молодая замужняя женщина: || прил. молодухии, -а, -о.

**Моло'душка**, -и, род. мн. -шек, ж. и **Молоду'шка**, -и, род. мн. -шек, ж. (устар.). Молодича, молодка.

**Муж**, -а, мн. мужья, мужей, мужьям и мужи, -ей, -м, м. 2. (мн. мужи, -ей, -ам). Мужчина в зрелом возрасте (устар.). *Седовласые мужи.* • Слышу речь не мальчика, но мужа (книжн.) — одобрение тому, кто от неразумных слов перешёл к здравым рассуждениям.

**Мужи'к**, -а, м. 2. То же, что мужчина (разг.). *Дельный м. Наш инженер - м. толковый. М., а раскис как баба.* || уменьш. мужичок, -чка, м. • Мужичок с ноготок, мужичка с ноготок (разг. шутол.) — маленький мальчик, по виду, осанке похожий на взрослого [по стихотворению Н. Некрасова «Крестьянские дети»]. || прил. мужицкий, -ая, -ое. *Не мужицкое дело с дитём нянчиться.* || нареч. по-мужицки.

**Мужчи'на**, -ы, м. 2. Такое взрослое лицо в отличие от мальчика, юноши. *Сын вырос, уже совсем м. Стал мужчиной кто-н.* (о мужчине, впервые познавшем женщину; разг.). уменьш. мужчинка, -и, род. мн. -нок, м. (прост. шутол.). *Крепкий малыши родился: м.!* || прил. мужской, -ая, -ое и (прост, шутол.) мужчинский, -ая, -ое. *Мужской пол. М. костюм. Мужская мода. М. хор* (только из мужских голосов). *Не мужчинское это дело у плиты стоять.* || нареч. по-мужски (к 1 знач.).

**О'трок**, -а, м. 1. Мальчик-подросток (устар. высок.). *Юный о.* || прил. отроческий, -ая, -ое. О. возраст.

**Отрокови'ца**, -ы, ж. (устар. высок.). Девочка-подросток. Невинная о.

**Па'рень**, -рня, мн. -рни, -ей, м. 1. Молодой человек (подросток, юноша или молодой мужчина) (разг.) *Парни и девчата. Весёлый п.-гармонист.* 2. обычно с определением. То же, что мужчина (в 1 знач.) (прост.). *Наш сосед - п. не промах.* • Первый парень на деревне (разг. шутол.) - о том, кто красив и весел, всем хорош. Свой парень (разг.) - о простом и доступном, близком человеке. уменьш. паренёк, -нька, м. (к 1 знач.).

**Парни'шка**, -и, род. мн. -шек, м. (разг.). Мальчик, подросток. *Озорной, смышлёный п. Ловкий п.* || уменьш. парнишечка, -и, род. мн. -чек, м.

**Па'рубок**, -бка, м. На Украине: юноша, парень. Видный п. *Парубки колядуют.*

**Паца'н**, -а, м. (прост.). То же, что мальчик. (уменьш. пацанёнок, -нка, мн. -нята, -нят, м. || прил. пацанский, -ья, -ье, пацаничий, -ья, -ье и пацанячий, -ья, -ье. **Паца'нка**, -и, род. мн. -нок, ж. (прост.). То же, что девочка. | уменьш. **пацаночка**, -и, род. мн. -чек, ж. || прил. пацанский, -а, -о.

**Ста'рец**, -рца, зват. старче, м. 1. Старик (обычно о человеке уважаемом, начитанном) (высок.). *Мудрый, почтенный с.* || ж. старица, -ы (стар.).

**Стари'к**, -а, зват. старче, м. 1. Мужчина, достигший старости. *Седобородый с. Древний с. Согбенный, дряхлый с. Еще не с. кто-н. Навещать старика-отца. Мой с.* (в речи пожилой женщины о своём муже; прост.). || уменьш.-ласк. старичок, -чк, м.; ласк. старикан, -а, м. (шутол.). унич. старикашка, -и, род. мн. -шек, м. *Жалкий с.* || прил. стариковский, -ая, -ое. *Стариковские немоци. Стариковские причуды. Мое дело стариковское* (т. е. я старик, стар для чего-н.). || нареч. по-стариковски.

**Старина'**, -б, м. 1. Старый человек (также обращение к нему) (разг.). || ласк. старинушка, -и, род. мн. -шек, м. (в народной словесности). *Было у старинушки три сына.*

**Стару'ха**, -и, ж. Женщина, достигшая старости. *Седая, морщинистая, дряхлая с. Моложавая, бойкая с. Помочь старухе-матери. Театральные роли старух. От горя превратилась в старуху* (т. е. сразу постарела). *Моя с.* (в речи старого мужчины о своей жене; прост.). И на старуху бывает проруха (посл. о том, что и опытный человек может ошибиться).

• Старуха с косой — образ смерти. || уменьш.-ласк. старушка, -и, род. мн. -шек, ж. || унич. старушонка, -и, род. мн. •нок, ж. и (шутл.) старушенция, -и, ж. || прил. старушечий, -ья, -ье и старухин, -а, -о. *Старушечий платок. Старухина воркотня.* || нареч. по-старушечьи.

**Тётка**, -и, род. мн. -ток, ж. 1. см. тётя. 3. Женщина (обычно пожилая) (прост.). *На лавочке судачат тётки-соседки.* || ласк. тётенька, -и, род. мн. -нек, ж. и тётушка, -и, род. мн. -шек, ж.; прил. тётенькин, -а, -и тётушкин, -а, -о. || прил. тёткин, -а, -о.

**Тётя**, -и, род. мн. -ей, ж. 2. В сочетании с именем собственным — уважительно о простой и немолодой женщине (разг.). *Уборщица т. Катя.* 3. В детской речи, а также в речи, обращённой к ребёнку: то же, что женщина. *Не плачь, т.-врач тебя не обидит.* Такая большая т., а плачешь! (шутл.). || ласк. тётенька, -и, род. мн. -нек, ж. и тётечка, -и, род. мн. -чек, ж.; прил. тётенькин, -а, -о и тётечкин, -а, -о. || унич. и пренебр. тётка, -и, род. мн. -ток, ж.; прил. тёткин, -а, -о. || прил. тетин, -а, -о.

**Хло'пец**, -пца, м. (прост.). Парень (в 1 знач.), а также мальчик. || уменьш, хлопчик, -а, м.

**Шкет**, -а, м. (прост. шутл.). Мальчишка, паренёк. *Шустрый, бойкий ш. Ю'бка*, -и, род. мн. юбок, ж. 4. перен. В нек-рых выражениях: женщина (обычно как предмет ухаживания) (разг. пренебр.). *За каждой юбкой бегают кто-н.* (неодобр.).

**Юне'ц**, юнца, м. Юноша, мальчик. **Безусые юнцы** (ирон.).

**Ю'ноша**, -и, род. мн. -ей, м. Мужчина в возрасте между отрочеством и зрелостью. *Девушки и юноши. Безусый ю. Неопытный ю. Юноши-допризывники. Спортивные упражнения для юношей.* || прил. юношеский, -ая, -ое. || нареч. по-юношески.

- **По неродственным отношениям, связям, по сопоставлению между кем-н. Любовные отношения, сватовство, знакомство, дружба, союз, соперничество, вражда**

· «**Любовные отношения, ухаживание**»

**Жени'х**, -а, м. Мужчина, вступающий в брак или намеревающийся жениться, а также (разг.) юноша, достигший брачного возраста. *Благословить жениха и невесту. Сын уже большой, совсем ж. Смотреть женихом* (перен.: выглядеть счастливым; разг.). И уменьш.-ласк. и унич. женишок, -шка, м. прил. жениховский, -ая, -ое (разг.). **Ж.** вид (счастливый, довольный). || нареч. по-жениховски.

**Неве'ста**, -ы, ж. Девушка или женщина, вступающая в брак, а также (разг.) девушка, достигшая брачного возраста. *Свадебное платье, фата невесты. Сватать невесту. Вести невесту к алтарю, под венец. У неё уже дочери невесты.* • Христова невеста (устар, разг.) -- о монашенке || прил. невестин, -а, -о.

· «**По полу, возрасту, родству, породнению**»

**Девча'та**, -ат (разг.). Девушки, девочки. *Бойкие д.*

**Детвора'**, -ы, ж., собир. (разг.). Маленькие дети. *Шумная д. Подарки для детворы.*

**Де'ти**, детей, детям, детьми, о детях. 1. Форма мн. числа к ребёнок. 2. Мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества. *Д. младшего, среднего, старшего возраста. Книги для детей.* 3. Сыновья. дочери. *Мои о. Воспитывать двоих детей.* || ласк. детки, -ток, деточки, -чек, детишки, -шек и (устар. и прост.) детушки, -шек. || прил. детский, -ая, че. *Д театр* (для детей). *Д. дом* (воспитательное учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей). || нареч. по-детски.

**Малышня'**, -н, ж.. собир. (разг.). Малыши, маленькие дети. *Детсадовская м. Нячиться с малышкой.*

**Молодёжь**, -и, ж.: собир. Молодое поколение. молодые люди. *Дворец молодёжи. Права, интересы молодёжи. Студенческая м. Золотая м.* (молодёжь из богатых, привилегированных слоёв, живущая праздн. в своё удовольствие). || прил. молодёжный, -ая, -ое. *М. клуб. Молодёжные организации. Молодёжная мода.* || нареч. по-молодёжному.

**Мо'лодость**, -и, ж. 3. перен., собир. Молодое поколение, молодёжь (высок.). *На форуме собралась вся м. мира.*

**Пре'док**, -лка, м. 2, мн. Отец и мать. родители (прост. шутл.). *Объясни своим предкам, что ты уже не дитя.*

**Ребя'та**, -ят (разг.). 2. Молодые люди, парни (употр. также в обращении). *Р. помогут девушкам. Провожать ребят в армию* (по призыву). 3. Молодые люди - юноши и девушки, обычно в обращении. *В классе дружные р.* • Свои ребята (прост.) — приятели. свои люди. *У этого ловкача везде свои ребята.*, уменьш.-ласк. ребятки, -ток. -ткам, ласк. ребитушки, -шек, -шкам (прост.). **Ребягня'**, -й, ж., собир. (разг.). Дети, ребята. *Полон дом ребягни.* Дворовая р. *Новогодняя ёлка для ребягни.*

**Роди'тели'**, -ей. 1. Отец и мать по отношению к своим детям. *Р. с детьми. Престарелые р. Помогать родителям.* || прил. родительский, -ая, -ое. Родительская любовь. || нареч. по-родительски. *По-родительски заботлив.*

**Стари'к**, -а, зват. старче, м. 2. мн. Старые люди, а также вообще люди старших поколений. *Родители уже старики. Молодым нужно поучиться у стариков.* 3. Состарившиеся родители, родственники (разг.). *Часто навещает своих стариков. Старики живут вместе с молодой семьёй.* || прил. стариковский, -ая, -ое. нареч по-стариковски.

**Старичьё**, -й, ср., собир. (прост.). Старики, старые люди. *В деревне осталось одно с.*

**Ста'рость**, -н, ж. 3. перен., собир. Старые люди, старики. *Если бы молодость знала, если бы с. могла* (афоризм).

**Старьё**, -я, ср., собир. (разг.). 3. Старые люди, старики (пренебр.).

**Ю'ность**, -и, ж. 4. перен., собир. О юном поколении, молодёжи (высок.). *Веселится счастливая ю.*

**Ю'ношество**, -а, ср. 3. собир. Юноши и девушки. *Журнал для юношества.* || прил. юношеский, -ая, -ое. || нареч. по-юношески.

· **«По брачным, любовным отношениям»**

7. **Молоды'е**, -ых. Новобрачные, молодожёны (обычно о нестарых людях) (разг.). *Поздравить молодых. Молодым кричат горько* (требуя, чтобы они поцеловались).

**По семейному положению, по состоянию в браке, по месту или положению в семье**

3. **Ме'ньший**, его, м. То же, что меньшей (разг.). || у'меньш.-ласк. меньшенький, -ого, м. *Это мой м.* || ж. меньшая, -ей.

**Мла'дший**, его, м. О ребёнке, детях в семье: тот, кто моложе другого, других по возрасту. *Все заботятся о младшем.* || уменьш.-ласк. младшенький, -ого, м. || ж. младшая, -ей. Первенец, -нца, м. 1. Первый, самый старший ребёнок (обычно о сыне). *Мать души не чает в своём первенце.*

2. **Ста'рший**, -его, м. Старший член в семье (разг.). *Остаться в доме за старшего.* 3. О ребёнке, детях в семье: тот, кто старше других детей в семье. *С. уже кончает школу.* || уменьш.-ласк. старшенький, -ого, м. || ж. старшая, -ей.

**<В сфере определенной деятельности>**

· **«Члены, сторонники молодёжных, детских, неформальных организаций, движений»**

**Октябрёнок**, -нка, мн. -рята, -рят, м. В СССР: учащийся младшего школьного возраста, входящий в подготовительную группу, к-рая далее вливается в пионерскую дружину.

*Принимаем в октябрята.* || прил. октябрятский, -ая, -ое. *Октябрятская звёздочка* (значок, а также группа из 5 — 6 октябрят).

**По профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям.**

· **«В сфере спорта, туризма, а также отдыха, свободного времяпрепровождения»**

**Юнио'р**, -а, м. Юный спортсмен — участник соревнования в своей возрастной группе.

*Фигуристы-юниоры. Чемпионат по шахматам среди юниоров. Финальные заплывы юниоров.* || ж. юниорка, -и, род. мн. -рок. Гимнастка-ю. || прил. юниорский, -ая, -ое.

**<В военной, военизированной сферах деятельности>**

· **«По отношению к воинским законам, к воинской повинности, к сроку воинской службы»**

**Допризы'вник**, -а, м. Юноша допризывного возраста в годы, предшествующие зачислению на воинский учёт. *Начальное военное обучение допризывников.*

**Призы'вник**, -а, м. Человек, подлежащий призыву на действительную военную службу.

*Приписка призывников к призывному участку. Сбор призывников в военкомате.*

· **<«Совокупности лиц» >**

· **«По общей функции, общности интересов, деятельности, по социальному состоянию, по сложившимся отношениям»**

**Поколе'ние**, -я, ср. 2. Люди, близкие по возрасту и характеру деятельности. *Новое п. учёных. Молодое п. поэтов. Художники старшего поколения.*

**«По имущественному состоянию, образу жизни, а также оценочные названия»**

**Потерянное поколение** — молодое поколение, не нашедшее своего места в жизни из-за войны, социальных потрясений.

**«По обладанию знаниями, умениями, мастерством, опытом или по их отсутствию»**

**Общие обозначения**

· **«По неопытности и незрелости»**

**Сосу'н**, -а, м. 2. Очень молодой и совершенно неопытный человек (прост. пренебр.). *Этого сосуна ещё учить и учить ремеслу.* И уменьш. **сосуно'к**, -нка, м.

**Щено'к**, -нка, мн. -нки, -нков и -нята, -нят, м. 3. перен. Мальчишка, молокосос (прост. пренебр., также бран.). *Не перечь деду, щ.!*

**<Обращения (собственно обращения, а также обращения с эмоциональным компонентом)>**

**<Собственно обращения >**

**Мада'м**, нескл., ж. 1. Во Франции и в нек-рых других странах: вежливое обращение к замужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтивое упоминание о таком лице.

**Мадемуазе'ль** [дмуазэ], нескл. и (без имени и фамилии; устар. разг.) -и, ж. 1. Во Франции и в нек-рых других странах: вежливое обращение к девушке, к незамужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтивое упоминание о таком лице.

**Миле'ди**, нескл., ж. В Англии и в нек-рых других странах: почтительное обращение к жене лорда, вообще к замужней женщине из высших слоев общества; учтивое упоминание о таком лице.

**Мисс**, нескл., ж. В Англии и в нек-рых других странах: вежливое обращение к девушке, к незамужней женщине (обычно перед именем, фамилией), вообще учтивое упоминание о таком лице.

**Ми'ссис**, нескл., ж. В Англии и в нек-рых других странах: вежливое обращение к замужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтливое упоминание о **таком лице**.

**Сеньо'ра**[н'ё], -ы, ж. В Испании и в нек-рых других странах: вежливое обращение к замужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтливое упоминание о таком лице.

**Сеньори'та** [н'ё], -ы, ж. В Испании и в нек-рых других странах: вежливое обращение к девушке, к незамужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтливое упоминание о таком лице.

**Синь'ора** [н'ё], -ы, ж. В Италии: вежливое обращение к замужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтливое упоминание о таком лице.

**Синьори'на** [н'е], -ы, ж. В Италии: вежливое обращение к девушке, к незамужней женщине (обычно перед именем, фамилией); вообще учтливое упоминание о таком лице.

• «**Фамильярные, дружеские, ласковые обращения**»

**Ба'тя**, -и, м. 2. В непринуждённой речи: почтительное обращение младшего к пожилому, старшему по возрасту (прост. ).

**Брат**, -а, мн. братья, -ьев, м. 2. В непринужденной речи: дружеское и фамильярное обращение к мужчине (обычно к ровеснику или к младшему по возрасту)

*Спасибо за подмогу, б. Что же ты, б. мой, не здороваешься?*

**Брати'шка**, -и, род. мн. -шек, м. 2. В непринуждённой речи: дружеское и фамильярное обращение к сверстнику или к молодому мужчине (прост. ). *Как зовут тебя, б.*

**Брато'к**, -тка, л», (прост. ). В непринуждённой речи: дружеское обращение к нестарому мужчине (обычно к ровеснику). *Помоги, б.!*

**Де'вонька**, -и, род мн. -нек, ж. Ласковое обращение к девочке, девушке (разг.), а также (прост.) дружеское и фамильярное обращение к ровеснице или к той, к-рая моложе по возрасту.

**Де'вушка**, -и, род. мн. -шек, ж. 5. Обращение к молодой женщине; вообще упоминание о таком лице (разг.).

**Де'тка**, -и, род. мн. -ток (разг.). 2. м. и ж. Ласковое обращение старшего к ребёнку, а также ласковое и фамильярное обращение к девушке, к молодой женщине.

*Не плачь, д. || уменьш. деточка, -и, род. мн. -чек, м и ж.*

**До'чка**, -и, род. мн. -чек, ж. 2. Ласковое обращение старшего к девочке, а также к девушке, молодой женщине (прост. ). \\\уменьш. доченька, -и, род. мн.-нек, ж.

**Дружо'к**, -жка, м. 3. В непринуждённой речи: ласковое обращение старшего к ребёнку, а также ласковое обращение к девушке, к молодой женщине: вообще (прост.) фамильярное обращение к собеседнику. *Расскажу тебе сказку, д. Не печалься, д. мой. \\\уменьш. дружочек, -чка, м.*

**Корми'лец**, -льца, м. 2. Ласковое и уважительное обращение к мужчине (устар. прост., и обл.).

**Мамаша**, -и, ж. 2. В непринужденной речи: уважительное обращение к пожилой женщине; вообще упоминание о таком лице (прост.). *Позвольте вам помочь. м.!*

**Ма'тушка**, -и, род. мн. -шек, ж. 3. В непринужденной речи: почтительное обращение к пожилой женщине; вообще учтливое упоминание о таком лице.

**Мать**, матери, мн. матери, ж. 3. Почтительное обращение к пожилой женщине или (в устах мужчины) к жене — матери своих детей (прост.).

**Орёл**, орла, м. 5. Фамильярное обращение к юноше, молодому мужчине; вообще упоминание о таком лице (прост.). *Здорово, орлы!*

**Отец**, отца, зват. отче, м. 7. Почтительное обращение к пожилому мужчине или (в устах женщины) к мужу — главе семьи (прост.).

**Папа'ша**, -и, м. 2. В непринужденной речи: уважительное обращение к пожилому мужчине; вообще упоминание о таком лице (прост.).

**Па'ря**, -и, м. (обл.). Ласковое обращение к мужчине.

**Прия'тель**, -я, м. 2. Фамильярное обращение к незнакомому мужчине; вообще упоминание о таком лице (прост.) *Эй, п.. посторонись-ка!*

**Сестр'ёнка**, -и, род. мн. -нок, ж. 2. Дружеское или фамильярное обращение нестарого мужчины к девушке, к молодой женщине (обычно к незнакомой) (прост.).

**Стари'к**, -а, зват. старче, м. 5. Дружеское и фамильярное обращение к знакомому мужчине (прост.). *Заходи чаще, с., не забывай.*

**Старина'2**, -ы, м. 2. Фамильярное обращение к старику (устар.), а также (в непринужденной речи) дружеское обращение к мужчине.

**Сыно'к**, -нка, м. 2. Ласковое обращение старшего к мальчику, к молодому мужчине (прост.).

• «С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ»

**Де'вочка**, -и, род. мн. -чек, ж. 3. Ласковое обращение к возлюбленной, любимой; вообще упоминание о таком лице (разг.). *Д. моя.*

**Ду'шенька**, -и, род. мн. -нек (разг.). 3. м. и ж. Ласковое обращение к ребёнку, к близкому человеку, а также (в непринужденной речи) вообще к собеседнику; упоминание о том, кто близок, дорог, кому сочувствуют (устар.). *Спи, моя д. весточка от матушки-душеньки.*

**Ду'шечка**, -и, род. мн. -чек (редко), м. и ж. 2. То же, что душенька (устар.).

**3.Желанный**, -ого, м. Ласковое обращение к любимому, возлюбленному (устар.). *Жду тебя, ж. мой.* || ж. желанная, -ой.

**Зай'нька**, -и, род. мн. -нек и ЗАЙКА, -и, род. мн. заек. 2. перен., м. и ж. Ласковое обращение к ребенку, к любимому; вообще упоминание о том, кто вызывает чувство любви и нежности (разг.). *3., иди к маме на ручки.*

**За'йчик**, -а, м. 2. перен. Зайка, зайнык (разг.)

**Звёздочка**, -и, род. мн. -чек, ж. (разг.). 2. перен. Нежное обращение к маленькому ребёнку, к любимой; вообще упоминание о таком лице. *3. моя ненаглядная.*

**Зо'лотко**, -а, ср. и ЗО'ЛОТЦЕ, -а, ср. 2. перен. Ласковое обращение к ребёнку, а также (в непринуждённой речи) вообще к собеседнику; фамильярное и ироническое упоминание о ком-н. (прост.). *3. моё любимое! Полюбуйся на своё з.: опять напился.*

**Зо'ренька**, -и, род. мн. -нек, ж. (разг.). 2. перен. То же, что звездочка.

**Ки'са**, -ы и **Ки'ска**, -и, род. мн. -сок (разг. ласк.) 3.перен., м. и ж. Ласковое обращение к ребенку, а также к любимой женщине; вообще упоминание о таком лице. || уменьш. кисонька, -и, род. мн. -нек, м. и ж., кисочка, -и, род. мн. -чек, м. и ж. и кисуля, -и, м. и ж.

**Котёнок**, -нка, мн. -тятя, -тят, м. 3. перен. Зайчик, киса, киска (разг.). || уменьш. котёночек, -чка, м.

**Коти'к 2**, -а, м. 2. перен. То же, что котёнок (разг.).

**Крови'нка**, -и, род. мн. -нок, ж. 2. перен. Ласковое обращение к своему ребенку; вообще упоминание о родном, дорогом, вызывающем нежность человеке (устар. и прост.). *Не печалься, к. моя. Свою кровинку в обиду не дам.* || уменьш. кровиночка, -и, род. мн. -чек, ж. кровинушка, -и, род. мн. -шек, ж.

**Ла'понька**, -и, род. мн. -нек, м. и ж. (прост.). То же, что лапушка.

**Ла'пушка**, -и, род. мн. -шек, м. и ж. (разг. и нар.-поэт.). Ласковое обращение к ребёнку, к любимой женщине, в непринуждённой речи также ласково-фамильярное обращение к собеседнику; вообще упоминание о близком, любимом человеке. *Здравствуй, моя л.!*

**Ла'стонька**, -и, род. мн. -нек, ж. (прост.). *То же, что ласточка.*

**Ла'сточка**, -и, род. мн. -чек, ж. 3. перен. Ласковое обращение к ребёнку, к женщине; вообще упоминание о том, кто дорог, близок, кому сочувствуют (разг.).

**Малы'ш**, -а, м. 2. Ласковое обращение к ребёнку, а также к любимому, к близкому человеку (прост.).

**Ми'лка**, -и, род. мн. -лок, ж. (прост.). Ласковое обращение к ребёнку, а также ласково-фамильярное обращение к женщине; вообще упоминание о таком лице. *Дитяtko моё, м. моя!*

**Мило'к**, -лка, м. (прост.). Ласковое и фамильярное обращение к мужчине, мальчику; вообще упоминание о таком лице. *Спасибо тебе, м., на добром слове.* || уменьш. милочек, -чка, м.

**Ми'лочка**, -и, род. мн. -чек, м. и ж. (разг.). Ласковое или снисходительное обращение к ребёнку, к женщине, фамильярно также к мужчине; такое упоминание о лице. *Не плачь, моя м. М., на что же вы обиделись?*

**Пти'чка**, -и, род. мн. -чек, ж. 3. перен. Ласковое обращение к ребёнку, к женщине; вообще упоминание о том, кто вызывает чувство любви и нежности (разг.). *П. моя родная.*

**Ра'дость**, -и, ж. 3. Нежное обращение к ребёнку, к любимому человеку, а также (в непринужденной речи) снисходительное и фамильярное обращение к собеседнику; вообще ласковое или ироническое упоминание о ком-н. (прост.). *Здравствуй, р. моя! Полюбуйся на свою р.: весь в грязи.*

**Ры'бка**, -и, род. мн. -бок, ж. 2. перен. То же, что птичка (разг.).

**Ры'бонька**, -и, род. мн. -нек, ж. (прост.). То же что рыбка.

**Све'тик**, -а, м. (разг.). Ласковое обращение (обычно к ребёнку).

**Со'кол**, -а, м. 3. перен. Ласковое обращение к мужчине, юноше; вообще доброжелательное упоминание о таком лице (разг. и нар.-поэт) *С. ты мой ненаглядный! С. мой ясный!*

**Соко'лик**, -а, м. В народной словесности: ласковое обращение к юноше, мужчине; вообще доброжелательное упоминание о таком лице (также прост.); ласковое обращение к коню (устар.). *С. ты мой ясный! Но. соколики!*

**Со'лнышко**, -а, ср. 2. перен. Ласковое обращение к ребёнку, к родному, близкому человеку; вообще упоминание о таком лице (разг.).

**Цве'тик**, -а, м. (устар. и прост. ). 2. перен. То же, что цветочек.

**Цвето'чек**, -чка, м. 3. перен. Ласковое обращение к ребёнку, к тому, кого любят (прост.). *Ц. ты мой ненаглядный!*

**Я'годка**, -и, род. мн. -док, ж. 2. перен. Ласковое обращение к ребёнку, к женщине (разг.). *Я. ты моя сладкая.*

## **По личным, общественным отношениям, связям**

• «Совпадение или противоположность, сходство, несходство в чем-н. (во взглядах, верованиях, в происхождении, во внешности, в именовании, в каких-н. других свойствах)»

**Годо'к**, -дка, м. 2. То же, что ровесник (прост.). *Мы с твоим отцом годки.*

**Одного'док**, -дка, род. мн. -дков, м. (разг.). То же, что однолеток. || ж. одногодка, -и, род. мн. -док. *Подруга мне о.*

**Одноле'ток**, -тка, род. мн. -тков, м. (разг.). 1. Человек одних с кем-н. лет, ровесник. *Мы с приятелем однолетки.* || ж. однолетка, -и, род. мн. -ток.

**Пого'док**, -дка, род. мн. -дков, м. Человек, родившийся годом позже или годом раньше своего брата, сестры. *Братья-погодки. Сестра с братом погодки.* || уменьш. погодочек, -чка, м.

**Рове'сник**, -а, м. Человек одного с кем-н. возраста. *Он мой р. Жена с мужем ровесники. Р. века* (о том, кто родился в самом начале века). || ж. ровсница, -ы.

**Све'рстник**, -а, м. Ровесник, а также человек, близкий другому (другим) по возрасту. ж. сверстница, -ы. || прил. сверстнический, -ая, -ое (устар.).

• **«По сходству или несходству в происхождении, вере, принадлежности к племени, народности, в месте жительства»**

**Однока'шник**, -а, м. (устар. и разг.). Товарищ по учению, по воспитанию. Встретиться со своим однокашником. Мы с ним однокашники, || ж. однокашница, -ы.

**Однокла'сник**, -а, м. Человек, к-рый учится или учился вместе с кем-н. в одном классе. *Мой о./ Мы с ним одноклассники. Встреча бывших одноклассников.* || ж. одноклассница, -ы.

**Одноку'рсник**, -а, м. Студент, слушатель, к-рый учится или учился вместе с кем-н, на одном курсе. *Университетские однокурсники. Дружеская встреча однокурсников.* || ж. однокурсница, -ы.

**Соучени'к**, -а, м. Одноклассник или однокурсник, а также вообще тот, кто учится или учился вместе с кем-н. другим (другими). *Соученики собрались у старого учителя.* || ж. соученица, -ы.

<Учебные и учебно-воспитательные учебно-научные заведения; их подразделения. Научные учреждения>

**Учебные и учебно-воспитательные заведения: дошкольные, начальные, средние**

• **«Дошкольные учреждения».**

**Детса'д**, -а, м. Сокращение: детский сад. *Городской, районный, ведомственный д. Отвести ребёнка в д.* || прил. Детсадовский, -ая, -ое (разг.). Детсадовские ребяташки.

**Детса'дик**, -а, м. (разг.). Сокращение: детский садик. *Д. на карантине.* || прил.

Детсадиковский, -ая, -ое.

**Детса'д-я'сли**, детсада-яслей. То же, что ясли-сад. *Ведомственные, заводские детсады-ясли.*

**Сад**, -а, о саде, в саду, мн. -ы, -ов, м. 3. То же, что детский сад. *С.-ясли.* || уменьш. Садик, -а, м. || прил. Садовый, -ая, -ое (разг.).

**Са'дик**, -а, м. 2. То же, что детский сад (разг.). *Отвести ребёнка в с., взять из садика.*

**Я'сли2**, -ей. То же, что детские ясли. *Отдать ребёнка в я.* || уменьш. Ясельки, -лек. || прил. Ясельный, -ая, -ое. *Я. Возраст (до трёх лет). Я. Режим.*

**Я'сли-сад**, яслей-сада. Воспитательное и здравоохранительное учреждение, объединяющее ясли и детский сад. *Заводские ясли-сад. Ясли-сад при предприятии.*

- - - -

**Детские ясли** — воспитательное учреждение для детей с 2 месяцев до 3 лет.

**Детский комбинат** — дошкольное учреждение, объединяющее детский сад и ясли.

**Детский сад** — воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста (от 3 до 6 или 7 лет).

**(Детское) дошкольное учреждение** — учреждение, занимающееся воспитанием детей до их поступления в школу.

• **«Начальные, средние школы. Гимназии. Лицеи».**

**Гимна'зия**, -и, ж. Общеобразовательное среднее учебное заведение. *Академическая г.* (первое в России светское среднее общеобразовательное учебное заведение при Академии наук). *Классическая г.* (в царской России: с обучением классическим (античным) языкам).

*Женская, мужская г. Православная г. Учитель гимназии. Окончить гимназию.* || прил. гимназический, -ая, -ое. Г. курс:

**Шко'ла**, -ы, ж. 1. Общеобразовательное начальное или среднее учебное заведение (без специального уклона или с каким-н. специальным уклоном). *Государственная, частная ш. Городская, сельская ш. Начальная, средняя общеобразовательная ш. Ш. первой ступени* (начальная школа). *Ш. второй ступени* (полная или неполная средняя школа). *Земская ш.* (в царской России: начальная школа в ведении земства). *Дневная, вечерняя ш. Воскресная ш.* (работающая по воскресеньям). *Ш. для взрослых. Спортивная, хоккейная ш. Ш. милиции. Музыкальная, художественная, театральная ш. Специальная ш.* (с углублённым изучением какого-и. предмета). *Специальная ш. для несовершеннолетних преступников. Ш, художественных ремесел. Ш. прапорщиков и мичманов. Ш, домоводства. Кулинарная, рукодельная ш. Ш. танцев. Ш. фабрично-заводского обучения* (школа ФЗО, в СССР в 1920-1958 гг.: краткосрочное профессионально-техническое учебное заведение для подготовки рабочих массовых профессий). *Ш. фабрично-заводского ученичества* (школа ФЗУ, в СССР в 1920-1958 гг.: профессионально-техническое учебное заведение для подготовки квалифицированных рабочих). *Фабричная ш.* (в царской России: начальная школа для малолетних рабочих). *Народная ш.* (в царской России: начальная школа, обучающая бесплатно людей низшего звания). *Церковно-приходская ш.* (в царской России: начальная школа при церковном приходе). *Ш, грамоты* (в царской России; начальная школа при церковном приходе), *Ходить в школу.* || прил. школьный, -ая, -ое. *Школьная программа. Ш, учитель. Школьное здание. Школьная библиотека. Школьная форма* (форменная одежда школьников). *Школьные годы* (годы учения в школе). *Ш. возраст* (от 6—7 до 16-18 лет).

<Поведение, а также и поступки, неотделимые от поведения>

**Неискреннее, хитрое, притворное поведение. Важничанье. Угодничество. Важничанье, рисовка**

- «Рисовка, выставление себя напоказ».

**Молоди'ться**, -ожусь, -одишься; несов. Стараться выглядеть моложе своих лет, моложевее. *Уже бабушка, а всё ещё молодиться. Молодящийся фронт.*

## **Фразеологизмы с компонентом значения ‘возраст человека’ по «Фразеологическому словарю русского языка» А.И. Фёдорова**

Бальзаковский возраст,  
бес в ребро  
будто вчера на свет родился,  
в годах, в годках, в годы,  
в девицах, в девках, в девушках,  
век вековать,  
век мафусаила,  
вековечная невеста,  
в летах,  
в обед сто лет,  
во цвете лет,  
впадать / впасть в младенчество, впадать / впасть в детство, впадать / впасть в ребячество,  
в пеленках,  
всасывать с молоком матери,  
вставать на крыло,  
вставать на ноги,  
вступать в года, вступать в жизнь,  
вторая молодость,  
входить в возраст, входить в лета, входить в тело, входить в ум,  
выживать из памяти, выживать из ума, выжить из лет,  
выходить в годы,  
выходить / выйти из возраста, выходить / выйти из годов, выходить / выйти из лет,  
выходить / выйти из пеленок,  
годы / года вышли, годы подходят,  
держаться за мамкину юбку,  
детская шалость, детский лепет,  
доживать век,  
до седых волос, до седины,  
желторотый птенец,  
заживать чужой век,  
золотая молодежь,

избиение младенцев,  
из молодых да ранний  
как красная девка, красная девица, красная девка, красная девушка,  
лезть поперек батьки,  
мал мала меньше,  
мальчик на побегушках,  
маменькина дочка, маменькин сынок,  
мальчик-с-пальчик,  
малый и старый  
матушкин сынок,  
мафусаилов век, мафусаиловы лета,  
молодо-зелено,  
молоко на губах не обсохло,  
на возрасте,  
на ладан дышит,  
на склоне лет, на смертном одре, на старости лет,  
необстрелянный птенец,  
не первой молодости,  
не по годам, не под лета, не по летам,  
нос не дорос, носом не дорос,  
обмануть старого ворона на мякине,  
от горшка два вершка,  
отживать своё, отживать свой век, отживать свое время,  
от мала до велика,  
от роду,  
песок сыплется,  
по молодости лет,  
под мальчика,  
под стол <пешком> ходить,  
пора костям на место,  
с ноготок,  
совсем еще дети,  
сопли под носом, сопля зеленая,  
с /от колыбели, с / от младых ногтей, со школьной скамьи, с пеленок, с первого шага / шагу,

старая дева, старая девка,  
старая лиса, старая скворечница / скворечня,  
стар и мал, стар и млад,  
старого закала, старого завета / завету, старой закваски, старый волк, старый воробей,  
старый грешник, старый гриб, старый лис, старый пенъ, старый хрен,  
труха сыплется,  
тряхнуть стариной,  
ходячие мощи  
хорош мальчик!